

ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 28

Нереал:

Андрей Паршин. Попугай	5
Вадим Вербицкий. Даханавар.....	11
Дмитрий Градинар. Бумажные фонарики Окинавы	20
Владимир Торин. Кабаре – Внутри.....	29
Алекс Грарк. Бананы	48
Иван Йено. Коллайдер.....	57
Наталья Портнова. Любви все особи покорны.....	61
Иван Ясников. Маленький вояж.....	67
Джерри. Туда и обратно	77
Алина Неборская. Он привезет мне звезду.....	84
Татьяна Шарая. Вахта	86
Евгения Мялицина. Тишина	93
Евгений Кусков. Последний?	97
Д. В. Амурский. Шанс.....	103
Д. В. Амурский. Демонстрация	111
Д. В. Амурский. Мумия и Гонзага	118
Руда Стевряка. Аццкая комедия, или Девять кругов DOOM'а	124
Руда Стевряка. Добро пожаловать в DOOM!	132
Руда Стевряка. Проблемы телепортации Какодемона	138
Станислав Янчишин. Страшненькая сказочка	153

Поэзия:

Николай Проценко. Неотвратимость:	
Сук.....	72
Тупик	73

Мнение:

Алексей Корепанов. Возвращение – куда?.....	74
---	----

* * *

Авторы о себе	157
---------------------	-----

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«Порог-АК». Выпуск 28. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: porog-anturage@yandex.ru

Почтовый адрес: 25006, Украина, г. Кропивницкий, а/я 5-50.

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – Ю. Тарасова.
Підписано до друку __.10.2018. Формат 60x84/16

Андрей Паршин
ПОПУГАЙ

В первый раз за год ты можешь произнести, казалось бы, невозможные для тебя слова с радостью: «Ура! Понедельник!» Но, считая разговоры с собой признаком ненормальности, ты только думаешь: «Ура! Понедельник!» Как же долго ты ждала. Сдавалось, этот день никогда не наступит. Но он все-таки наступил. Первый день долгожданного отпуска.

И этот майский день просто прекрасен. За окном светит солнце и щебечут птички. Ты сидишь на кухне, смотришь в окно и наслаждаешься одиночеством, по которому так соскучилась, запивая это одиночество горячим ароматным кофе.

Утром ты проводила мужа в командировку. Он дальнбойщик и вернуться домой должен только в пятницу. Потом проводила сына в школу. И теперь у тебя куча свободного времени, и наконец-то ты можешь прочитать те книги твоего любимого писателя Стивена Кинга, которые уже не пылятся на полке, а ждут своей очереди, сложенные аккуратной стопкой на журнальном столике.

– Спокойной ночи! – на кухню влетает попугай и садится на холодильник.

Он смотрит на тебя таким взглядом, будто хочет спросить:

«Почему ты не на работе?»

– Добрый день, дурачок, – говоришь ты и откладываешь «Мизери» Стивена Кинга.

Ты вспоминаешь, как вы с Женей год назад подарили Артему на десятилетие этого попугая, которого тот назвал Жорой. Вспоминаешь, как не хотели сначала его покупать, но та цыганка на рынке, которая не замолкала ни на секунду, пытаясь объяснить тебе с мужем, что это лучший подарок для ребенка и что-то еще в этом роде, все-таки смогла загипнотизировать вас.

«Это порода жако, он говорящий».

И она оказалась права: словарный запас у Жоры был довольно большой, и говорил он иногда даже целыми предложениями.

– Артем дооома? – спрашивает Жора. И тут же добавляет: – Жора хороооший.

– Хороший, хороший, – говоришь ты. – Надоело в клетке сидеть?

– Спокойной ночи. Где моя расчеооска? Сосееед умер, – не умолкает Жора. – Жора хороооший.

– Хватит болтать, лети к себе в клетку.

Попугай бродит еще немного по холодильнику, затем, снова напомнив тебе, что Жора хороший и пожелав спокойной ночи в час дня, летит по своим делам в комнату.

Ты завариваешь себе еще кофе и возвращаешься к Стивену Кингу. Когда ты прочитываешь две страницы, раздается звонок в дверь.

«Кого там черт принес?» – думаешь ты.

Оказывается, черт принес полицию. За дверью стоят двое в форме.

– Здравствуйте, извините за беспокойство, – говорит один из них. – Вы сегодня все время были дома?

– Да, – отвечаешь ты. – А в чем дело?

– Вы не слышали никаких криков или еще чего-нибудь?

– Может, видели кого-нибудь подозрительного в подъезде? – добавляет второй.

– Да нет... ничего. А что случилось?

– Вы знали человека, который жил над вами?

– Нет, мы недавно переехали и мало кого тут знаем.

– Ваш сосед сверху найден мертвым в своей квартире. Его обнаружила мать. Предположительно, он умер от передозировки наркотиков, но мы отрабатываем все версии и...

Ты его уже не слушаешь.

«Спокойной ночи. Где моя расчесочка? Сосеед умер...» – проносится у тебя в голове.

– Какой ужас! – говоришь ты. – Была бы рада помочь. Но я правда ничего не слышала.

– Ладно, еще раз извините за беспокойство.

Ты закрываешь дверь и идешь в комнату. Жора сидит в открытой клетке и спит.

Ты идешь на кухню, завариваешь себе крепкий кофе и достаешь пачку «Мальборо» из ящика стола. До возвращения Жени ты успеешь купить и положить туда новую пачку. Сигарета тебе сейчас не помешает.

Да нет. Это просто совпадение. Жора нахватался слов из телевизора. Откуда он мог знать, что сосед умер? Он же дальше квартиры нигде не бывает.

«...Она взяла в руки его ступню. Пальцы на ней все еще конвульсивно дергались. Они замерли лишь тогда, когда она уже подходила к двери. Пол разглядел шрам на внутренней стороне стопы и вспомнил, откуда взялся этот шрам. Еще в детстве он наступил на осколок бутылки. Может, это было на Ревир-Бич? Вероятно, там. Он вспомнил, как он плакал тогда и как отец ска-

зал ему, что это всего-навсего небольшой порез. Отец сказал, что Пол ведет себя так, словно ему отрезали ступню целиком».

Прочитав абзац, ты уясняешь себе, что ничего из него не поняла, потому что твои мысли были где-то в другом месте... Откуда попугай мог знать о смерти соседа?

Наконец, отогнав от себя дурные мысли, ты погружаешься в чтение.

Проходит неделя. Ты успела прочитать три романа Стивена Кинга. После смерти соседа никаких значительных событий больше не произошло. Хотя нет, произошло. Ты забыла купить пачку «Мальборо» и заменить ею открытую пачку. Женя, приехав на выходные домой, обнаружил открытую пачку сигарет, и вы поругались. Ты во второй раз пообещала, что больше не будешь курить, и вы помирились. И тут же занялись любовью прямо на кухонном столе, пока Артем смотрел мультфильмы.

Как и ровно неделю назад, в понедельник, Женя уехал в командировку, Артем в школе. Сделав кое-какие дела по дому, ты наливаешь себе чашку ароматного кофе, удобно располагаешься в кресле на кухне, открываешь середину романа «Куджо», где ты остановилась, и погружаешься в чтение. Попугай время от времени залетает на кухню, бродит то по холодильнику, то по столу и, помимо своих любимых выражений, изредка напоминает то ли самому себе, то ли тебе, что Жора хороооший.

«– Мы едем, ма?

– Да, – сказала она обреченно.

В блокноте на стене возле холодильника она нацарапала:

«Мы с Тэдом уехали в гараж Дж. Кэмбера. Скоро вернемся».

– Готов, Тэд?

– Ага, – он улыбнулся. – А для кого эта записка?

– Ну, может, Джоан зайдет, – сказала она неопределенно. – Или Эдисон Маккензи.

– А-а.

– Артема сбил поезд.

Донна взъерошила ему волосы, и они вышли.

«Проклятая машина опять не заведется», – мрачно подумала...»

Ты вздрагиваешь и проливаешь кофе прямо на книгу. Твое сердце учащенно бьется.

«Артема сбил поезд».

Тебе это слышалось?

Ты в ужасе смотришь на страницу, по которой медленно растекается темное пятно. Этих слов там нет. С неменьшим ужасом ты смотришь на попугая, который сидит на подоконнике.

– Это ты сказал? – с дрожью в голосе спрашиваешь ты, в надежде услышать от Жоры: «Нет, я ничего не говорил».

Но вместо этого Жора говорит:

– Лети к себе в клеетку.

Да нет же, ты этого не слышала. Ты просто зачиталась, вот и лезет в голову всякая чушь. Это, наверное, после того случая с соседом. Но это же было просто совпадение, не более того. Попугай – ясновидящий? Это же бред!

Жора прерывает твои размышления:

– Артем доооома? Артема сбил пооооезд!

Ты подпрыгиваешь, опрокинув стол и все, что на нем было. Смотришь на Жору и кричишь:

– Он живой?! Что с ним?!

Испуганный Жора, кажется, не понимает, почему на него кричат. Он начинает кругами летать по кухне. Зацепив люстру, которая начинает раскачиваться, как маятник, он исчезает за дверью.

Ты смотришь на часы: без четверти час. О господи, пять минут назад у Артема закончился последний урок! От школы ему идти минут двадцать пять. И на полпути между школой и домом находится железнодорожный переезд.

В домашнем халате, обувая на ходу кроссовки, ты выскакиваешь на улицу.

В небольшой спальный район на окраине города, где вы живете, ведет только одна дорога. Ты бежишь по этой дороге. Давно ты так не бегала. Если бы спринтер Усэйн Болт, одиннадцатикратный чемпион мира, увидел, как ты бежишь, то, наверное, аплодировал бы стоя.

Только бы успеть. Пожалуйста!

Пять минут бега сказываются на твоём дыхании. Ты запыхалась и не можешь больше бежать. Переходишь на быстрый шаг. Оглядываешься. Как назло, ни одной машины. И тут же думаешь: какая же ты дура! Ты ведь могла попросить кого-нибудь из соседей подбросить тебя на машине. А вдруг, пока ты бегала бы по соседям, Артема сбил бы поезд? Тебе просто страшно об этом думать. И ты снова бежишь.

Ты жалеешь о том, что вы не подарили Артему на день рождения телефон, как предлагал Женя. Ему еще рано телефон, говорила ты. Разобьет еще. Лучше на следующий день рождения. И теперь ты жалеешь о том, что вы не подарили ему этот чертов телефон. Никогда ты еще не жалела ни о чем так сильно. Ты бы просто позвонила ему и сказала, чтобы он ждал тебя в школе.

За следующим поворотом должен показаться железнодорожный переезд. Ты слышишь вдалеке гудок поезда. Для тебя этот гудок означает то же самое, что означает выстрел стартового пистолета для спринтера. Ты бежишь еще быстрее. Уже видишь переезд. Видишь закрытые шлагбаумы с обеих сторон переезда. Но не видишь Артема.

Слышен шум приближающегося поезда.

И тут Артем появляется из-за железнодорожной будки. Он идет не спеша, глядя вниз. В ушах у него наушники. Шум поезда все ближе.

– Артем! – на бегу кричишь ты.

Он не слышит. Он идет возле шлагбаума, поправляя наушники.

Теперь Усэйн Болт не аплодировал бы тебе. Он бы просто молча курил в сторонке и завидовал. Задыхаясь и не обращая внимания на боль в ногах, ты не бежишь – ты летишь над землей на помощь сыну, как рысь несется к своему детенышу, увидев приближающегося буйвола.

– Артем! – пролетая мимо шлагбаума, кричишь ты.

Поезд приближается со скоростью пули.

– Артеоом!

Он поднимает голову и вздрагивает. Он стоит прямо на рельсах. Ты прыгаешь вперед. Сбиваешь Артема с ног, и вы падаете на землю буквально за секунду до того, как рядом пронесется поезд, обдувая вас ветром.

Вы лежите на земле. Ты прижимаешь ничего не понимающего сына к себе. Он плачет.

Читать ты больше не можешь. Находиться дома тоже. Ты понимаешь, что Жора буквально спас жизнь твоему сыну, но быть одной дома рядом с пророком-попугаем... это выше твоих сил. Теперь ты отводишь Артема в школу и забираешь его оттуда. Его плеер ты разбила и выкинула. Купила ему сотовый телефон. Пока он в школе, ты ходишь по магазинам, заглядываешь в гости к подругам. Когда Артем делает уроки, или смотрит мультфильмы, или сидит за компьютером в своей комнате, ты закрываешь Жору в клетке, а сама уходишь в другую комнату и включаешь телевизор погромче, боясь услышать от попугая-провидца очередное предсказание.

Звонил Женя, спрашивал, как дела. Ты ему ничего не сказала. Он все равно не поверит. Подумает, что ты сошла с ума. Может, ты и правда сошла с ума. Ты на грани нервного срыва...

В пятницу ты с Артемом идешь из школы. Погода просто чудесная. Ты улыбаешься. Улыбка не сходит с твоего лица с самого

утра. У Артема настроение не такое хорошее. Оно испорчено новостью о том, что утром его любимый попугай умер, и ты похоронила его за домом.

– Сынок, не расстраивайся, – успокаиваешь ты его. – Он уже старый. Рано или поздно это должно было случиться.

Вечером приезжает Женя. Новость о смерти попугая его особо не расстраивает. Он и так расстроен тем, что ему вот уже которую неделю задерживают зарплату. В понедельник он собирается ехать на пикет дальнотойщиков. А еще он узнает, что ты продала рабочим газовый баллон, который стоял на балконе. Вы поругались. На его вопрос, зачем ты это сделала, ты ответила, что почувствовала запах газа и испугалась. Женя вроде бы успокоился.

Засыпая, ты улыбаешься. И вспоминаешь сегодняшнее утро, когда ясновидящий Жора сделал очередное предсказание. Перед тем как ты свернула ему шею, он сказал:

– Газовый баллон взорвался. Все погибли. Жора хороооший.

А завтра вы собираетесь втроем поехать на озеро с ночевкой. На Жениной фуре.

Погружаясь в сон, ты чувствуешь себя счастливой. Ты рада, что Жоры больше нет. Если что-то должно случиться, то оно случится. И лучше об этом не знать.

Утром вы, бодрые и свежие, едете за город. Погода просто прекрасная. Ты улыбаешься и смотришь на Артема, потом на Женю. Они тоже улыбаются. Ты не знаешь, что прямо за тобой, за сиденьем, лежит газовый баллон.

Вадим Вербицкий
ДАХАНАВАР

Среди ночи меня вынудили проснуться. Кто-то почти непрерывно нажимал на дверной звонок.

– Откройте! Скорее! – визгливым голосом взволнованно кричали за дверью. – Кондрат!

Мой приятель завозился, поднимая свое тучное тело с дивана, на котором он спал, любезно предоставив мне свою удобную итальянскую кровать.

– Похоже, это старик Микаэл, – пробормотал он и крикнул, нащупывая ногами тапки: – Пожар, что ли?! Я сейчас!

– Скорее же! – не унимались за дверью. – Он приходил ко мне! Он сущий дьявол!

Кондрат включил торшер, прошаркал тапочками в прихожую и щелкнул замком. Как только он приоткрыл дверь, на него чуть не налетел тощий длиннородый человек с узкими плечами и большой головой. Его ошалелый взгляд устремлялся то на Кондрата, то на меня – я, в трусах и майке, сидел на краю постели.

Да, это был Микаэл Мунтян, седовласый армянин, живущий в четырехкомнатной квартире по соседству с Кондратом. Я помнил его со студенческих лет. Обычно, при встречах он только молча кивал, и у него всегда был хмурый вид. Я всегда считал его самолюбцем и гордецом. Однако сейчас он совершенно не походил на себя. Его белая как снег шевелюра была взъерошена, морщинистое лицо имело цвет бледной поганки. Губы старика тряслись. Казалось, его вот-вот хватит удар.

– Что случилось, Михаил Арамович? – спросил Кондрат. – Вы как будто призрака увидели.

– Призрака?! – Старик словно поперхнулся. – Не-ет! Тот, кто заглянул в мое окно, был вовсе не призраком. Говорю же, это был сущий дьявол! – Он вдруг рассмеялся, как безумец.

Мы с Кондратом недоуменно переглянулись.

– Ничего не понимаю, – помотал головой мой приятель. – Кто – он?

– Миксет! – заговорщицки прошептал старик Микаэл.

Мы просто онемели от такого сообщения.

Миксет, родной брат Микаэла, скончался неделю назад. И я, и Кондрат видели, как его тело лежало в гробу перед подъездом, в немногочисленном окружении соседей и родственников.

Я знал о давней распри между скупым Микаэлом и разгульным транжирой Миксетом. Миксет влачил свои последние дни в

нищете и одиночестве в плохонькой однокомнатной квартире с ободранными обоями. Он давно уже ненавидел младшего брата-богатя. И эта ненависть не была односторонней. Младший брат, скряга-Микаэл, живущий, что называется, на широкую ногу в просторной квартире, на дух не переносил своего брата-нищелюба и не намеревался оказывать тому какую-либо поддержку. По словам Кондрата, когда Миксет уже оказался на смертном одре, Микаэл посетил его в последний раз лишь после длительного и упорного увещевания со стороны родственников. Микаэл остался наедине с братом, и, по-видимому, сцена умирания была для него столь невыносима, что он бросился бежать из тесной, пропахшей неблагополучным прошлым квартиры с криком ужаса и дрожа всем телом. А вслед ему, как говорили очевидцы, неся злобный торжествующий хохот.

– И не считайте меня сумасшедшим! – воскликнул старик Микаэл. – Я только что видел его лицо в окне собственной спальни! Он смотрел на меня из-за стекла и зловеще улыбался! Миксет восстал из могилы, как и обещал, как угрожал мне в тот день, о котором я не в силах забыть, в тот день, когда я видел его в последний раз живым, в его квартире. Говорю вам, он более не человек, и он перестал им быть еще задолго до своей кончины. Я начал подозревать это, когда он объявился после своего внезапного исчезновения. Его долго не было, а вернувшись, он заявил, что посетил наши родные места в Армении, где мы вместе с ним выросли. Это небольшое горное селение, там давно уже мало кто живет. Миксет был немногословен и явно чего-то не договаривал. А потом я начал замечать в его поведении кое-какие странности. Даже при недолгом общении с ним меня охватывало необъяснимое чувство страха... В общем, мой покойный ныне брат стал Даханаваром! – Это последнее, непонятное для нас слово старик произнес таким тоном, будто признался в чем-то ужасном.

– Кто такой Даханавар? – спросил Кондрат.

– Даханавар – это вампир, – пояснил армянин и сделал такую гримасу, которую сложно описать словами.

Я едва не рассмеялся, но сдержал себя, понимая, что человек находится на грани безумия. В то же время я поймал себя на мысли, что не против подыграть его безумным подозрениям, возникшим на почве каких-то древних армянских суеверий.

Мой друг положил руку на плечо Мунтяну и начал его успокаивать:

– Вам приснился кошмар. – Он показал другой рукой на дверь. – Приходите утром, мы разберемся.

– Нет! – выпалил Микаэл. – Утром будет поздно! Говорю вам, если не поможете мне, то, клянусь своим фамильным склепом,

до утра я не доживу – он придет за мной снова! Говорю вам, он вампир!

Учитывая, что я здесь был всего лишь гостем (более желанным, конечно, чем сосед, нагрывший посреди ночи), мне бы сидеть да помалкивать. Но на меня нахлынула волна интереса: взять хотя бы слова о склепе – зарождение ритуальной культуры и история возникновения родовых усыпальниц в нашем крае были в студенческом прошлом моими излюбленными темами. Поэтому я не сдержался:

– Какой помощи вы от нас ждете?

Как я и ожидал, Кондрат бросил на меня недовольный взгляд. Я лишь повел плечом: дескать, сам не знаю, зачем спросил. Но это было чистой воды притворство.

– У нас лишь один вариант, – начал старик.

– У нас! – проворчал Кондрат.

– Остается одно! – опять заговорил Микаэл. – Мы...

– Мы! – вновь прервал его Кондрат.

Он не глядел уже ни на меня, ни на старика и явно считал, что теперь сумасшедших здесь стало двое. И я его прекрасно понимал. Но интерес разыгрался во мне настолько, что я был готов покинуть уютную квартиру, несмотря на то, что стояла глубокая ночь, и отправиться за Микаэлом туда, куда он скажет.

– Так что это за вариант, Михаил Арамович? – спросил я.

– Это единственный вариант! – воскликнул Мунтян с блеском отчаяния в глазах. – Я должен пойти к его гробнице и собственными глазами убедиться, что он лежит там, где был положен – в старом фамильном склепе на Втором христианском кладбище. И вы пойдете со мной, я опасаясь идти в темноте один. Это чудовище может выследить меня по дороге.

– Согласен, – быстро кивнул я, не дожидаясь реакции моего друга.

– Предлагаешь идти на кладбище, Влад? – Кондрат выглядел беспомощно. – В полвторого ночи?

Старик и Кондрат смотрели на меня из прихожей, а я удивлялся: как получилось, что я стал хозяином ситуации с правом решающего слова?

По ночному небу неслись облака, то и дело закрывая большую круглолицую луну. Ветер пугающе завывал в спящих кварталах. При мысли о том, что мы направляемся на кладбище, меня охватывал невольный озноб.

Кондрат решил пойти с нами, не пожелав остаться безучастным в этой необычной ситуации. Мы надеялись, что бредовые суеверные иллюзии Микаэла Мунтяна развеются, как только он

увидит тело своего покойного брата в положенном месте – в фамильном склепе. Несмотря на то, что рассказ старика о восставшем из могилы вампире звучал крайне безумно, в его словах сказало что-то такое, отчего у меня замирало сердце.

Когда мы прошли несколько безлюдных кварталов, Кондрат вдруг придержал меня за локоть. Подождал, пока старик уйдет на несколько шагов вперед, и сказал:

– Этот ночной поход на кладбище кажется мне полным сумасшествием. Хорошо, что он не прихватил с собой осиновый кол.

Последнюю фразу он произнес без улыбки, и я не понял – в шутку это было сказано или нет.

Вскоре мы приблизились к темному массиву парка. Включили фонарики и двинулись по мощеной тропинке вниз по склону, между стонущими под порывами ветра раскидистыми кленами и кряжистыми вязами. Старик Микаэл по-прежнему шагал первым, с тревогой направляя луч фонарика на каждый куст и без конца бросая взгляды во все стороны.

Когда мы вышли на прогалину, поросшую высокой травой, впереди замаячила высокая кирпичная арка с воротами – это был вход на кладбище. Справа и слева от ворот тянулась кирпичная же ограда. Над аркой, точно недоброе предзнаменование, зависла показавшаяся из-за туч луна.

Мы прошагали по грунтовой дороге и приблизились к воротам.

– И что, вы действительно намерены идти дальше, Михаил Арамович? – поживаясь, спросил Кондрат.

– Да! – воскликнул тот. – Пойдем в склеп и покончим с нечистью! Вонзим кол в проклятое сердце вампира!

Я увидел, как у Кондрата отвисла челюсть, и вспомнил его недавнее шуточное (или нет) замечание по поводу осинового кола.

– Боже милостивый, неужели вы серьезно? – пробормотал Кондрат.

– Вы все еще сомневаетесь?! – Глаза старика вспыхнули безумием. – Вампиры это не выдумка, они реальны, как и мы с вами. Мой отец рассказывал мне об одном из них, когда я был совсем еще ребенком. Это тот самый Даханавар, он известен с древних времен и проживал в горах Ултиш Альто-тэм. И вот несколько отважных мужчин объединились для поисков этого чудовища. Нашли его логово, вогнали в черное сердце кол и сожгли тело вампира. Вероятно, мой брат во время своей последней поездки посетил это место и каким-то неведомым образом подхватил заразу. И сам превратился в Даханавара... Теперь зло уже здесь, рядом с нами! И мы пришли сюда, чтобы обезопасить себя. Не надо меня отговаривать, я обязан покончить с монстром!

Сказав все это, старик толкнул железную скрипучую калитку и шагнул на кладбище.

Мы с Кондратом, поколебавшись, последовали за ним.

Когда луна пряталась в облаках, кладбище погружалось в непроглядную темноту. Прибавьте к этому пронзительно завывающий ветер, сквозящий между надгробиями, и кошмар, который напустил на нас старик своим рассказом, – все это производило такое жуткое впечатление, что временами я ощущал, будто чья-то холодная рука сдавливает мне сердце.

Судя по тому, как судорожно металась лучи фонарей моих спутников, не я один стал жертвой нахлынувшего чувства тревоги. Кондрат оборачивался на малейший шорох, да и сам я наверняка едва ли выглядел со стороны отважней. Неумный ветер трепал ветки растущих между могилами березок. Несколько раз я принимал их случайные хлесткие удары за похлопывания по плечу, и у меня перехватывало дыхание, а сердце покрывалось изморозью.

Наконец мы достигли дальней части кладбища. Прошли вдоль осевшей, с прорехами, кирпичной ограды и очутились перед гробницей с массивной железной дверью. И тут я впервые задумался: а что, если и вправду в этом старом склепе нас поджидает ужасающее зрелище? Что, если там и в самом деле скрывается вампир? Казалось, фантастические события этой ночи наделили мрачную обитель мертвых какой-то особой, грозной силой.

Микаэл высветил лучом фонаря высившуюся над нами громаду старинного вида гробницы.

– Место упокоения двух последних поколений моих предков, – сказал он. – Мой прадед выкупил его у одной бездетной вдовы... сам же склеп стоит здесь со времен царской России. – Старик помолчал и добавил: – Теперь там поселилось ОНО!

С этими словами Мунтян шагнул к гробнице, повернувшись к нам спиной, но я успел разглядеть, как он извлек из кармана пальто какой-то продолговатый предмет. Судя по всему, это был ключ, так как в следующий момент послышался стонущий скрежет старого механизма, и Микаэл потянул тяжелую дверь на себя. На удивление, она открылась абсолютно бесшумно. Мы с Кондратом, продолжая стоять поодаль, посмотрели в дверной проем. Там царил крошечная тьма.

Старик приоткрыл дверь лишь на четверть и вдруг замер, словно прислушиваясь.

– Мне совсем не хочется входить в этот чертов склеп! – прошептал Кондрат мне на ухо.

Я ничего не ответил, лишь понимающе закивал. Кондрат не сводил глаз с зияющей черноты. Я тоже.

– Влад! – Он вдруг потряс меня за рукав. – Смотри! Что он делает?

Я поглядел на Мунтяна и заметил в свете луны, что он засунул левую руку в карман пальто. Что там у него? Неужели и вправду – осиновый кол, предназначенный для вампира?

– Ждите меня здесь, – обернувшись к нам, с угрюмой решительностью промолвил старик. – Я пойду один. Если он уже вернулся и успел улечься в гроб, то я поступлю как следует.

– Бред какой-то, – буркнул Кондрат.

– Войдем вместе, Михаил Арамович! – Я старался произнести эти слова твердо, но голос мой надломился.

– Ждите здесь! – повторил Микаэл. – Я сделаю, что должен!

С этими словами он шагнул в черноту и закрыл за собой тяжелую дверь.

Когда я представил себе, что может сейчас произойти в склепе, по телу пробежала нервная дрожь.

– Мы должны остановить твоего чокнутого соседа! – заявил я, намереваясь направиться к двери. – Все зашло слишком далеко.

– Не твоя ли это была идея – пойти вместе с ним? – заметил Кондрат и посветил мне в лицо фонариком.

– Значит, я иду первым!

Я подошел к склепу и осторожно потянул дверь на себя, ментально оценив ее увесистость. Из проема дохнуло затхлой сыростью и холодом камней. Я посветил в склеп – и чуть не обмер от страха: из мрака вынырнуло мертвенно-бледное лицо. Старик Микаэл молча глядел сквозь меня выпученными глазами, в которых застыл ужас. Он шел прямо на меня, и я посторонился, давая ему дорогу. Старик переступил каменный порог склепа, сделал несколько шагов и, так и не издав ни звука, рухнул на траву и перевернулся на спину.

– Михаил Арамович! – взволнованно вскрикнул мой друг, подскочив к нему. – Микаэл!

Мы склонились над корчащимся в конвульсиях беднягой, освещающая его тощее тело лучами фонарей. Его кожа была бела, как античный мрамор. Взор потух, и глаза скосились к переносице. Но губы продолжали шевелиться. Старик пытался что-то вымолвить.

Я поднес ухо к его устам.

На последнем вздохе отходящий в вечность старик едва слышно пролепетал:

– Убейте... вы должны... убить...

– Микаэл! Микаэл! – Кондрат потряс старика за плечо.

Но тот был уже мертв.

Повинуясь безотчетному порыву, я принялся скрупулезно рассматривать худосочную шею Мунтяна, поворачивая его голову то в одну сторону, то в другую. Я искал след от укуса.

– Ты спятил?! – Кондрат уставился на меня, как на умалишенного.

– От чего, по-твоему, он умер? – спросил я, продолжая осмотр.

Кондрат помолчал, кивнул и убежденно произнес:

– Точно, спятил! У старика было слабое сердце, вот и все. Его сразил инфаркт... или что-то в этом роде. Да он просто переволновался!

И я был бы рад согласиться с наиболее разумным и прозаическим объяснением внезапной смерти Мунтяна, прозвучавшим из уст моего рационального друга. Но в следующую секунду из-за приоткрытой двери склепа послышался какой-то шорох. Мы одновременно вскинули головы и взволнованно посмотрели туда. И провалиться мне на месте, если то, что мы оба узрели, не являло собой исчадь ада – то самое, о котором с таким леденящим ужасом твердил нам бедняга Микаэл. Ибо ОНО смотрело на нас красными, светящимися в темноте, исполненными нечеловеческой злобы глазами. А в стон ветра вплетались натужные вздохи. Может ли так тяжело, словно зверь, дышать человек? Чьи это горящие как раскаленные уголья глаза глядели на нас из чрева старинного склепа?

В тот же миг, словно в ответ на мои мысли, в черноте гробницы смутно проступил согбенный силуэт.

Теперь, когда пламенные адские зеницы вместились в очертания головы, меня прошиб невыносимый ужас осознания жуткой правды, и пелена сомнений спала с моих глаз.

«Вампир!» – кричал мой рассудок.

И странное замысловатое слово, прозвучавшее из уст старика Микаэла, всплыло в моей памяти обезображенным лицом утопленника, чей труп внезапно показался под коркой озерного льда.

«Даханавар!»

Из приотворенной двери склепа тарашилось нечто, скрытое тьмой. Оно подалось вперед, и я увидел бледно-серое пятно, которое, вероятно, было лицом.

В горле у меня застрял шершавый сухой комок. Я пытался сглотнуть его, но во рту так пересохло, будто я провел несколько дней без единой капли влаги. На мой волевой призыв встать в полный рост ноги ответили полным безразличием. Глаза вцепились в серый овал лица, в чертах которого я различил сходство с другим, таким же серым и безжизненным лицом того, кто, лежа на спине, смотрел сейчас остекленевшим взглядом в пучину мрака разверзшегося над нашими головами ночного неба. Сходство

было, несомненно, семейным. Только глаза, эти ужасные, высекающие страшный гнев, звериные глаза, особо остро отличали образовавшуюся в темноте гробницы личину нелюдя.

Он смотрел. Недвижный. Как заколдованная статуя, которая вот-вот оживет. Красный взгляд. Невыразимо жуткий. Грозный.

Мы с Кондратом не сдвинулись с места, продолжая стоять над каракулей распростертого на земле бездыханного тела старика.

– Влад! – прошептал вдруг Кондрат. – Кол!

Я непонимающе уставился на него.

– У Микаэла должен быть кол, – тихо объяснил мой приятель.

– Посмотри.

Я присел и начал обшаривать тело Мунтяна.

Ничего!

– Вон там, у порога, в траве! – сдавленным голосом произнес Кондрат.

Я повернул в голову в ту сторону, куда он смотрел, но ничего не разглядел.

– Где? Не вижу...

Едва я это произнес, как Кондрат бросился к склепу, решив немедленно вооружиться колом. В тот же миг из гробницы донеслось злобное рычание, от которого у меня похолодела кровь. Не в силах пошевелиться, я наблюдал за тем, как черная фигура накинута на моего друга, и они покатались по траве. Вампиру удалось подмять тучное тело Кондрата под себя, длинные руки тянулись к горлу. Кондрат отбивался, как мог, стонал, кричал, бесполезно отталкивался ногами от земли. Нелюдь победоносно оскалился, и в этот момент наши с ним взгляды встретились. Я содрогнулся. Но в следующую секунду сделал над собой усилие и поднялся на ноги.

Миксет – это чудовище – следил за мной, прижимая Кондрата к земле одной рукой. В его взгляде читалась злая насмешка. Он был уверен в том, что наша участь предрешена. А я просто не знал, что тут можно предпринять...

Рука Кондрата оторвалась от сдавливающей его горло кисти вампира и поползла по траве, его пальцы зависли над землей. Я наконец-то разглядел осиновый кол, который уронил Микаэл, – он лежал в каких-то сантиметрах от пальцев Кондрата. Вампир перехватил мой взгляд и тоже высмотрел в траве предназначенный ему кол. Он издал страшный вопль, напоминающий рык дикого зверя, по-волчьи ощерился, и я впервые увидел его желтые клыки. Кондрат корчился и хрипел от удушья. Его попытка схватить кол провалилась, потому что нелюдь усилил хватку.

Теперь все зависело от меня.

Мысль о том, что надо выручать друга, придала мне сил. Я подскочил к ближайшей могиле и вырвал из земли нависающий над ней большой деревянный крест. Ринулся к склепу и с размаху шиби упыря с Кондрата. Не удержался на ногах и упал рядом с товарищем. Он закашлялся и, потирая рукой горло, с трудом поднялся на ноги. Протянул руку, помогая мне встать. Когда мы, тяжело дыша, огляделись по сторонам, то не обнаружили не только ожившего мертвеца, но и трупа старика Микаэла.

Я жадно сцапал осиновый кол, настороженно озираясь во все стороны.

По небу по-прежнему бешено неслись облака. Ветер волновал тощие деревца, жмущиеся к стене фамильного склепа семьи Мунтян.

– Пожалуй... с меня хватит! – заговорил наконец Кондрат, захлебываясь воздухом.

Не в силах произнести ни слова, я кивнул и повертел в руках кол. Около тридцати сантиметров в длину. Сделан довольно аккуратно. Было заметно, что к нему приложили особое, неторопливое старание. Его, скорее, выточили на столярном станке, нежели сработали вручную.

– Чего мы ждем? – необыкновенно спокойным тоном спросил Кондрат. Его лицо выглядело измученным и отекившим. Даже в слабом свете луны было заметно, что на щеках проступили пунцовые пятна.

– Не знаю, – неуверенно ответил я. – Наверно, ждать сейчас – это худший из вариантов.

Кондрат присмотрелся к предмету, который я сжимал в руке.

– Чертова семейка! – выругался он и криво улыбнулся. Затем похлопал меня по плечу. – Уходим, Влад. Валим отсюда, куда чудовище не вернулось.

Мы заковыляли вдоль кирпичной ограды. Весь обратный путь нас сопровождало стойкое ощущение скрытой опасности. Ветер поутих, но внутри у меня бушевал ураган страстей.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил я, взглянув на Кондрата.

– Придется тебе погостить у меня подольше, Влад.

Я кивнул и сказал:

– Днем! Он уязвимее днем.

Никогда прежде я не видывал такой грозной, суровой решительности на лице моего друга.

Дмитрий Градинар
БУМАЖНЫЕ ФОНАРИКИ ОКИНАВЫ

Заходим от солнца. Семь плюс семь плюс семь – двадцать одна машина. Всё, что осталось в отряде «Асахи». Под крыльями монопланов, как на ладони, сразу два ударных авианосца неприятеля со своей свитой. Три линкора, выкрашенные в чередующиеся белые и голубые полосы, верхушками айсбергов плывут над безмятежной гладью. Но отсюда, с высоты, тяжело оценить истинные размеры. Двумя клиньями идут эсминцы, они опасней всего. Маневренные, быстроходные, их очень много. Скоро внизу забудут колокола тревоги, и эсминцы сойдут с противолодочных зигзагов, собираясь вокруг авианосцев. Как верные псы, охраняющие хозяев. Скорострельным эрликоном достанется много работы. Но не сейчас – идем от солнца...

За широколобым кожухом двигателя моего «Накадзима» В5N играет радуга. Ровный гул приятно отдается во всем теле. Этого мало! Когда я толкну ручку от себя, лопасти надсадно завоют, и узкий прямоугольник чужой взлетной палубы прыгнет навстречу, как самая желанная невеста!

Моя госпожа Рэйко! Недолго мы были вместе! Я вспоминал вас часто во снах. Но не вы встанете перед глазами, когда мою душу унесет священный ветер. Не вы – вот тот, что слева, прямоугольник...

В шлемофоне – ни звука. Где-то за горизонтом остался последний приют – императорский авианосец на базе Сасебо и тысяча человек, провожавших нас в полет. Тысяча человек, две тысячи восторженных, горящих глаз, для которых мы стали уже частью Вечности. Еще – чашки саке. Они остались на подносах флаг-адъютантов дожидаться следующего прикосновения губ, сведенных в жесткую линию.

Внизу, у самых ног, лежит меч, на котором выгравирована всего одна фраза:

«Лишь скудный росток на огромном поле».

Адмиральский штурман выдал верное направление, и солнце уже возшло над Окинавой. Зачем переговоры в эфире? Пусть противник до последнего не знает, что мы уже здесь. Мы рядом. Видим его, готовимся к боевому развороту и боимся только одного – оплошать, не стать частью Божественного ветра! Ведь росток так мал, а поле так огромно...

Вот первый пикировщик качнул крыльями. Сигнал к снижению! Как я завидую Первому! Его шансы – самые большие. Ему

не будут мешать клубы дыма от развороченных палуб, дымовая завеса с эсминцев еще не укроет две главные цели, и тяжелые зенитки не забьют все небо разрывами. Лишь тонкие пальцы автоматов-эрликонов, что будут пытаться стереть нас, словно ластиком, с небесной бирюзы.

Моя госпожа, Рэйко! Вам бы это увидеть! Бирюза повсюду! Как она красиво ложится на крылья, как обволакивает! Вам бы услышать, как зовет Священный ветер – Ветер Богов!

На скате крыши, у входа в наше жилище, вы повесили тогда бумажный фонарик. Пусть дорога из дома будет светлой, сказали вы, а я запомнил.

Ваши белые плечи, выскользнув из шелка одежд, вдруг оказались рядом. А после на наших телах не осталось места даже для рисового зернышка, которое бы отмечало – вот тут мы не коснулись друг друга. И пошел дождь. Тихий, шуршащий, все понимающий... Он не стал подглядывать, не стал мешать, а только баюкал, и вскоре мы заснули. Утром вы сопроводили меня на кладбище, где я поклонился праху предков. И вот тогда в хрустальных переливах ритуальных колокольчиков я впервые услышал, как поет Ветер Богов. И надел форму морского пилота.

Не надо слов, все слова остались позади – там, где над входом светится бумажный фонарик. Вы не прятали слез, но это, надеюсь, слезы радости, и дорога была мне светла, как и загадывалось. Еще вы обещали продлить наш род. Вот, Рэйко, я оставляю в память о себе часы на длинной цепочке. Пусть они подскажут моему сыну (у нас будет сын, я знаю!), что его время пришло. Ведь когда-нибудь оно придет? Прощайте! Не поддавайтесь слабости. Я ведь знаю, что это слезы радости. Потому что только так должно быть. И еще я посадил дерево – дикую сливу, пока что невзрачный саженец. Не смейте обрезать ветви, даже если они постучат однажды в окно. Вы будете знать – это я стучу. Я – ставший ветром, что колыхнет ветви. И траву на бесконечном поле...

– Большой дом! Большой дом! Атака с воздуха! – раздается в эфире.

Только что звучало танго, и вот все изменилось.

Я хорошо знаю язык врага, потому что четыре года учился на континенте в одном из институтов искусств. Живопись, музыка, литература... И мне даже пророчили большое будущее. Но когда грозит беда, каждый росток должен быть готов принять на себя тяжесть шагов, которые топчут поле. Меня действительно ждет большое будущее. Огромное. Бесконечное. Вам не понять.

Не мы первые нанесли удар! Враг сделал все, чтобы молодые фабрики и заводы задохнулись от нехватки черной крови Земли. Это так ловко, так по-лисы – отрезать соседа от источника

и ждать, когда умрет поросль на его рисовых полянах. Ждать, оставаясь глухим ко всем мольбам. А после указывать пальцем – вот он! Вот зверь!

Но над рисовыми полянами пронесся ветер, такой же, как семь сотен лет назад.

Первый еще раз качает крыльями и срывается вниз. Какие-то его слова тонут во всеобщем бедламе эфира.

– Янки-шесть! Янки-семь! Выставить дымовое заграждение! Всей группе Гончих псов – к Ульям!

Ага! Я угадал! Все-таки псы... Но и они угадали – мы не станем атаковать линкоры. Слишком мало сил. Хотя, если все пойдет хорошо, и первым двум звеньям удастся исполнить свой долг, почему бы нет? Лечу в третьем звене, и если кому-то не повезет, я должен постараться и за него тоже. А если повезет...

Авианосцы сейчас уже напоминают не ульи, а растревоженные муравейники: очень уж много черных точек снует по палубам. Интервал атаки – полторы минуты. Это долго, но мы должны быть рассредоточены, чтобы у прислуги эрликонов и прочих «мухобоек» закружилась голова.

Вдруг Первый меняет план атаки, выкрикивая кодовое слово.

Все правильно. Раз уж противник оказался так беспечен, что прозевал нас с самого начала, можно нанести двойной урон.

Горючего в бензобаках – только на подлетное время. Точка в точку, ведь в цистернах императорского авианосца оно плескалось на самом донце. Вместо горючего и еще двух членов экипажа каждый бомбардировщик несет под брюхом восьмисоткилограммовые бомбы. Самое время первому звену прошить ими корпуса вражеских авианосцев.

Второе звено уходит влево, имитируя атаку на ближайший линкор. Этого маневра хватит на пару десятков секунд, но все же – целых двадцать секунд «мухобойки» будут работать по второму звену, упрощая задачу для первого.

Топ-мачтовая атака! Первая семерка идет так низко, что вот-вот зацепит крыльями надстройки корабля. Бомбы, вырываясь из зажимов, падают в воду у самой кормы. Но это еще не всё! Вот, плеснувшись тяжелым рикошетом, бомбы прыгают прямо на взлетную палубу. Из восьми – пять. Кому-то не довелось... Все равно достаточно, чтобы дежурное звено «Хеллкэтов» не смогло подняться на перехват.

Облегченные машины резко набирают высоту. Слишком резко. Им вслед бьют эрликоны, и два «Накадзима» словно застывают в воздухе блестящими светлыми крестами. Будто превращаясь в символы чужой веры.

Замыкающий нашего звена запел песню. Но это не песня-прощание, нет! Он поет о славной ярмарке на Окинаве, где парень повстречал красивую девушку и купил у нее все бумажные фонарики. Она сказала: «Как мило!» Поделилась, что на вырученные деньги подберет своему жениху подарок, и убежала. А парень остался с бумажными фонариками, не очень-то ему и нужными, потому что нет у него двора, который можно украсить. Нет двора и нет дома... Моя далекая Рэйко! Жаль, не я оказался тем парнем из песни! Ведь нам было куда вывесить столько фонариков! Мы могли их менять каждый день, каждую ночь, которые проводили бы вместе. Снова и снова я видел бы, как падает одежда с ваших плеч!

– Большой дом! Третья группа готовится к атаке!

Все, госпожа, я прощаюсь в последний раз. Оборачиваюсь, ухватываю взглядом краешек солнечного диска. Может быть, вы тоже сейчас смотрите на него, щурясь, приложив тонкую руку козырьком ко лбу?

А замыкающий начал другую песню. Ему не допеть. Рукоять от себя. Это очень старая и очень длинная песня, я ее знаю. О том, как жена уговаривает мужа-самурая не ходить в поход на соседний остров, но тот отвечает, что его долг – следовать за предводителем клана. Она говорит: «Там будет много смертей, и одной из них ты можешь приглянуться». А он отвечает, что целью жизни является смерть, так установлено природой, и потому вопрос лишь во времени...

– Янки-восемь! У нас еще гости! Сбрасывайте глубинные бомбы!

– Еще звено? Черт... Почему – бомбы?

– Это подводные дьяволы!

На корме одного из линкоров вспухает огромный волдырь – из огня, воды и железных лохмотьев. Как же это? Моряки на подводных торпедах «Кайтен» захотели справиться сами? Еще может оказаться – несогласованность морского командования. А может быть, как раз наоборот... Ведь авианосный отряд нужно уничтожить любой ценой! Стоит им приблизиться к верфям Та-нигасива, и...

Жена опять говорит мужу: «Но ведь ты молод, чтобы умирать! Соседний клан – сильный клан, твоя смерть ничего не изменит. Они придут и заберут. Меня и всех других...»

– Ветер Богов! – кричит Первый, и оставшиеся пять бомбардировщиков его звена пикируют прямо на авианосец.

Звучат разрозненные голоса:

– Я уже вижу! Я чувствую!

– Ямато! Ямато!

– Ветер Богов! – снова кричит Первый.

Четыре метеора врезаются в палубу. Пятый бесследно сгинул в океане.

Прямо подо мной – один из кораблей радиолокационного дозора. Через всю палубу вычерчена огромная стрела, показывающая куда-то в сторону. И надпись: «Авианосцы – там!»

Нас боятся. Нас не могут понять, но все равно боятся. И знают, кого именно мы ищем среди скопления кораблей.

...самурай отвечает: «Моя дорогая! У меня – свой долг, а у тебя – свой! Я дарю тебе этот нож – посмотри, как красивы рубины на его рукоятке! Их цвет...»

Корабль врага неожиданно выпрыгивает из воды, поднятый какой-то страшной силой. Снова «Кайтены». У морского камикадзе есть только один шанс: торпеда взрывается сразу, как только достигает поверхности. Ни сманеврировать, ни выбрать главную цель, выходя на разгоне из темной глубины.

«...цвет крови... Ты можешь сделать так, что скоро мы опять будем вместе».

– А-а-а! Са-а-а! Хи-и-и!

Асахи! Рассвет! Название нашего отряда.

Это второе звено. У них тоже нет другого шанса – повторная атака исключена. Потому что все-все «мухобойки» прикрывают сейчас пространство над следующим авианосцем, и в небе уже – звено перехватчиков. Вот только они делают непростительную ошибку. Не следует атаковать тех, кто душой уже соединился с Вечностью, став частью Ветра Богов. Пусть у души все еще живая оболочка тела, над которой – колпак кабины...

Семь «Накадзима» проходят сквозь сомкнутые трассы разящего металла и, объятые пламенем, рушатся на авианосец...

«Муж мой! На кого тогда останется наш сын? Вчера он сказал свое первое слово: «Хочу!» Я поняла – он хочет жить, а что случится с ним без отца и без матери?»

Удар второго звена страшен. Три бомбардировщика буквально разрывает на куски еще в воздухе, их огненные останки становятся красивым салютом для четырех других, что вместе с бомбами проваливаются сквозь палубу. Туда, ниже, где стоят в плотном

строю чужие смертоносные машины: с заправленными баками, но со сложенными пока крыльями. Люди, техника, боезапас, горючее – ведь противнику не приходится слышать, как форсунки втягивают последние капли со дна цистерн! Сама палуба встает горбом, и авианосец ложится в крен. Сейчас там ад!

– Большой дом! Мы теряем второй Улей! Боже, как им помочь?

– Атакуем первый авианосец, – голос ведущего нашего звена холоден и бесстрастен.

Я пытаюсь представить выражение его лица, но почему-то вижу лицо Рэйко. Я готов исполнить свой долг. Ну, а ее долг – сохранить род! Почему она здесь? Почему – со мной?

«...жена моя, если так решат Боги, наш сын не пропадет.

– Нет! Это не Боги должны решать! Не может быть, чтобы они посмеялись над нами. Не ты и не они страдали долгие дни, вынашивая плод! Разве все это – напрасно?» – что-то я не помню такого в песне, уж не сочиняет ли на ходу наш замыкающий?

– Большой дом! Рядом торпеды!

Но раненому кораблю каким-то чудом удастся избежать столкновения. Те отчаянные, на «Кайтенах», тоже ведь – для кого-то мужья, для кого-то отцы...

Океан вздрогнул трижды.

...Были!

Снова старший звена:

– Заход – на левый борт. Сверху не получится, плотный огонь. Угол атаки – сорок градусов. Всё! Набираем высоту...

– Муж мой! – на плечи ложатся руки.

Я цепенею. Я трижды проверил салон бомбардировщика перед вылетом, чтобы там не оказалось ничего лишнего. Никакого груза. Потому что – точка в точку...

– Муж мой! – снова говорит она, и мне так сладко и тяжело одновременно.

Я боюсь пошевелиться. Потому что это невозможно.

Делаю горку. Нос – кверху, мотор захлебывается, продолжая упрямо тащить бомбардировщик на нужную высоту. Услышать ничего нельзя, только голоса и звуки из шлемофона, но ее голос проходит повсюду. Ее руки дотянулись ко мне сквозь расстояния, сквозь восход, облака и броневую спинку сиденья и гладят кожу у основания шеи: чтобы снять усталость.

«Муж мой! Боги не могут решать за тебя! Ты говоришь о долге. Но твой долг – помочь мне, потому что враг оказался сильней. Его клан больше. И он придет за мной...»

– Рэйко! Замолчи! Ты не должна так...

– Янки-девять! Янки-десять! Атака с восьми часов! Приготовьтесь, сейчас они будут снижаться!

– Рэйко! Ты стала песней, что поет замыкающий! Но он не успеет...

– Большой дом! Здесь второй Улей! Мы сохранили плавучесть. Прикройте, и мы дойдем...

– Большие разрушения, Второй?

– Бог за нас, адмирал! Один «Накадзима» застрял между палубой и броневым перекрытием, бомба почему-то не взорвалась...

– А другие? Я же видел...

– Еще три уничтожили реммастерские. Вся смена, по счастью, оказалась в другом месте. Полетная палуба разрушена, что есть, то есть, но пожары уже тушат. Пострадало всего восемь «птичек» и вышло четыре десятка из экипажа. Может быть, чуть больше. Есть раненые... А как вы?

– Рэйко! Уходи! Мы уже попрощались! Я выпил саке и надел белую повязку... Ты видишь, что за пожелание в моей записке? «Прошу вас, Боги, подарите мне милость, чтобы я попал в большой корабль»... Я дал клятву!

– Но Боги сделали так, что вначале ты дал жизнь! Ее еще нужно поднять. Ведь поле – такое большое, а росток так мал! Муж мой...

– ...муж мой, она говорит, – врывается голос замыкающего. Зачем-то он продолжает, торопится. Неужели надеется допеть?

– После свидания с морскими дьяволами повреждена корма, вышли из строя сразу три машины, из гребных секций уцелела лишь вспомогательная. Но узлов пять-шесть держать сможем.

– Тогда хорошо. На подходе – главная эскадра, четыре авиакрыла и линейное соединение моего приятеля. Зададим джи-пи жару! А когда десант займет побережье – выберу сразу несколько этих миниатюрных куколок, говорят – ничего так...

– Начать снижение! Машинам рассредоточиться перед ударом!

– Банзай!

– Янки-девять! Янки-десять! Поста́м ПВО открыть огонь!

– ...а она сказала, что если все души вдруг обретут бессмертие, кто же будет продолжать род?

– О'кей, сэ́р! Сейчас уже не как год назад. Всего двадцать «Накадзима»...

– Двадцать один.

– Одним джи-пи больше, одним меньше – какая разница? Идите к северу, а мы останемся дожидаться главную эскадру – подкинем им наших «птичек». Так что до встречи на склонах Фудзи – или как ее там? Любят они носиться с этой горушкой – туманы, сакура... То ли дело – Техас!

– Полностью согласен. Так вы тоже из Техаса? О'кей, сбивайте их скорее ко всем чертям! Сбивайте их всех! Долбаните по Фудзи-яме и всем сакурам! Тем более скоро их ждет большой сюрприз. Огромный сюрприз... Нация, не имеющая инстинкта самосохранения, рано или поздно будет уничтожена, это как пить дать!

– Не согласен. У них-то как раз этот инстинкт развит. Только не индивидуальный, так скажем, а коллективный, как у пчел... О, извиняюсь, первые два уже в щепки! Да, как у пчел или муравьев каких-нибудь. Жертвовать собой, но сохранять остальное...

– Какой же это инстинкт? Ну разве – другого порядка, что ли? Черт их разберет, этих джи-пи. И вот ведь... Не отмечено ни одного случая, чтобы кто-то их них свернул с боевого курса.

– Ага! Вот еще один! Не свернул...

Тройка «Хеллкэтов» – адских кошек – успела пристроиться сзади и распотрошила замыкающий «Накадзима».

Теперь это уже не мог быть его голос... Только ее!

– Муж мой!

– Рэйко!

В кабине дым. Огненные трассы прошлись по фюзеляжу, будто железной когтистой лапой. Дыры в левом крыле, элероны повреждены близкими разрывами, и «Накадзима» начинает рыскать, набирая еще и осевое вращение: солнце – вода – солнце – вода – солнце... Руки трясутся, но не только из-за усилий выровнять самолет.

А в ее глазах – слезы. Я оборачиваюсь, потому что уже не нужен здесь, бомбардировщик неуправляем, и сам, похоже, выбирает курс, гадая: солнце? вода? Но это ложное ощущение. Я нахожусь будто внутри вертящегося волчка, который полого падает. И вижу ее слезы.

– Большой дом! Внимание! Этот последний изменил цель атаки! Валится прямо на вас! Его бомба...

– Муж мой!

– Рэйко!

Я слышу только ее. Мне уже все равно, куда упадет бомба и куда упаду я. Пусть решают Боги.

– Муж мой! Муж мой! – кричит Рэйко.

– Осторожно! Бегите из командного поста! Он прямо...

...Ведь парашют – такой же ненужный груз, как и воспоминания. Вот только воспоминания я зачем-то взял с собой.

– Рэйко? Где ты, Рэйко?

– Муж мой! Муж мой! Муж мой!

– Большой дом! Не-е-ет!!

– Рэйко!

– Ты мой! Только мой! Ты...

Ветер живет – разносит семена.

Там, над вершинами, слишком много места

Для всех ветров...

Владимир Торин КАБАРЕ – ВНУТРИ

Основано на реальных событиях...

А если не верите, то кто виноват, что события у вас не в пример скучнее?

Часть I. Внутри кабаре

Случилось это еще во времена, когда я имел такую опасную и наивную склонность оскорбляться до глубины души. Искренне, по-детски, надолго (почти навсегда). Принимал все слишком близко к сердцу. Причем настолько близко, что оно (мое это сердце) могло просто взять и щелкнуть по носу подобравшееся вплотную «все», и ему для этого даже не пришлось бы вытягивать свою сердечную руку.

Вот такая вот была беда. Тогда я еще хотел каким-то образом заполучить (украсть, наверное) всеобщую любовь и не понимал: это чертовски сложно, если делаешь и создаешь что-то... ну... не совсем обычное и отчаянно странное.

Куда уж там. Любовь всеобщая. Ндаа...

В общем, сейчас вы читаете мои воспоминания об одном случае, когда критика вышла горькой и безосновательно отравляющей, а коробочка моя оказалась слишком тесной, чтобы из нее вылезти, образно выражаясь, естественно.

Эта история не слишком похожа на прочие мои истории: нет в ней кровавого убийства, каких-то тайн, оживших кукол и сверхтрагичной жизненной драмы. Это просто случай. Случайный случай и кое-что музыкальное...

Играли мы тогда в одном из захудалых кабаре Гамлина. Гамлин – городок, расположенный на другом берегу Пыльного моря примерно на одной с Габеном широте. Его еще называют Дырявая Сеть. Такое вот прозвище у городка: то ли рыба их дурила, то ли количество декадентных красоток в порванных чулках на квадратный фут превышало норму, то ли еще что. В любом случае, к нашей истории это не относится.

Кабаре было под стать городку: темное, дымное, пропахшее селедкой, и звалось «Треска». Зал в форме бутылки был освещен вонючим керосином – да заведение и само походило на лампу. В тупике – крошечная сцена, узкая и столь же неудобная, как карниз дома на пятом этаже, но мы кое-как разместились. Контрабас, скрипка, аккордеон, барабанчик, что-то струнное, что-то звонкое, ну и я – в ту пору хриплое и зеленое. Зеленое одновременно от

страха сцены (помните? узенький карниз), от тошнотворного, застилающего глаза разноцветного дыма, и от взглядов, которые прошивали этот самый дым, как иглы.

Задник сцены представлял собой вяло натянутый бордовый занавес, который колыхался всякий раз, как двери кабаре в дальнем конце зала открывались, впуская в помещение темные фигуры или же оные выплывавая. Мне это колыхание за спиной не нравилось: как будто кто-то бродит там туда-сюда, и намерения у этого гипотетического неизвестного неопределенные, и оттого еще более пугающие.

Это было туманное утро. В Гамлине каждое утро туманное. «Треска» пустовала, как и головы парочки просоленных завсегдатаев, храпящих у стойки, – сейчас в их черепах лишь море перекатывалось, да похабно ругались чайки. Старуха-уборщица размазывала шваброй грязь. Она кряхтела, наклонялась, мочила тряпку в дощатом ведре, неразборчиво кого-то проклинала (кажется, мисс Старую Спину), надевала тряпку на швабру и продолжала, сипя и кашляя, мыть пол. Она медленно ползла по залу, а за ней ползло ее ведерко, скрипя колесиками. Грустное зрелище – она шаркает, горбом торчит ее позвоночник, она немощно трясет головой. А под потолком, шурша плавниками-крыльями, мельтешила залетевшая в окно летучая рыба. Носилась, как муха в банке. Туман, пропитанный солью, лез в приоткрытые иллюминаторы «Трески», в углу сидел ржавый автоматон в костюме, походивший на человека как две капли воды, только... да, ржавый.

Издали доносился протяжный и тоскливый гудок парохода. Он походил на подвывание раненого зверя или мне так только казалось. Что ж, вспоминая все это, могу теперь снисходительно хмыкнуть: какая у меня все-таки была экспрессивная и совсем не ленивая фантазия. Хм... (снисходительно).

С недавних пор я был мрачен и неразговорчив. Все происходящее со мной непременно имело отрицательный характер, все виделось в черном цвете... в черном цвете... в черном, как фрак пианиста, цвете...

Я поймал себя на том, что уже довольно долго смотрю в спину сутулому незнакомцу, который сидит на трехногом стульчике и забавное что-то играет на пианино. Ах да, еще в этой дыре было пианино. Сколоченное, должно быть, из корабельных досок лет двести назад. Зеленоватое, вечно расстроенное, как вдова моряка; кажется, там даже некоторые клавиши отсутствовали. Но все это не мешало сутулому незнакомцу играть, и играть весьма неплохо. Его длинные худые руки в белых перчатках носились по клавишам, как будто играли в догонялки, а нога в остроносой черной туфле стучала по педали. Страницы нотной тетради и вовсе сами собой перелистывались. Играл он негром-

ко, словно боясь кого-то потревожить, но что-то в его игре не давало мне покоя.

Просто обожаю такие моменты. Ну, когда пялишься, забывшись, и жертва препарирования взглядом вдруг оборачивается. Это был именно такой случай: незнакомец прекратил играть и повернул голову. И поглядел на меня. Вернее, это я решил, что поглядел он именно на меня. Определить точно не получалось.

А я был так удивлен, что на мгновение даже вынырнул из своей ванны, полной меланхолии.

Дело в том, что у незнакомца не было лица. Лишь черная тень вместо него. Какие-то очертания проглядывали, но...

– Вы не против? – спросил он тягучим шепотом.

– Вы ко мне обращаетесь? – зачем-то уточнил я.

И действительно – зачем? Ведь стоило мне моргнуть, как незнакомец оказался подле меня, в шаге от сцены. В тот же миг плавно опустилась крышка оставленного пианино.

Он замер напротив. Его лицо располагалось примерно на уровне моего лица – при том, что он стоял внизу, на полу зала, а я сидел на сцене, да еще и на стуле. Высоченный человек с черной тенью на месте лица, с черным, обтянутым бархатом цилиндром в одной руке и сложенной трубочкой нотной тетрадью в другой являлся чем-то совсем уж ненормальным и пугающим.

Никто словно и не замечал его. Лишь я да старуха. Попросила его подвинуться, чтобы протереть пол у сцены. Незнакомец отошел.

– Конечно, я обращаюсь к вам, мистер Фрикк, – сказал он все тем же аккуратным шепотом, будто не хотел привлекать лишнего внимания или помешать кому бы то ни было своей речью.

– Мы знакомы? – спросил я.

Он ткнул трубочкой нотной тетради в афишу, которую Груудс, наш громыхальщик-барabanщик, повесил на стене у сцены. У нас была только одна афиша, и мы постоянно возили ее с собой, из-за чего, вся во вмятинах, она напоминала плакат с уведомлением о том, что рядом часто бывает град. На ней было написано:

«Карнавал Никогда и одиозно-странный Редьярд Фрикк».

– Ах да, – пробормотал я.

– Так вы не против? – повторил незнакомец свой вопрос.

– Не против чего?

– Чтобы я угостил вас, – ответил он, склонив голову набок, словно решил разглядеть меня под другим углом. – Вы как-то удручающе грустны. Люди с таким цветом волос не имеют права настолько удручающе грустить.

Цвет моих волос... Почему-то считается, что рыжие люди должны быть всегда счастливы, веселы и задорны, раз уж они чуть более... гм... лезущие в глаза, чем прочие. Ну да, ну да...

И все же, несмотря на мое в целом беспросветно апатичное состояние, я был не против ненадолго сползти с этой сцены.

– Тем более что все ваши друзья спят, – заметил незнакомец с черной тенью на месте лица.

Я оглянулся – и правда. Трупна клевала носом. Боу и вовсе спал стоя, в обнимку с контрабасом, и по привычке щипал струну. Боммм... Боммм... Боммм... Выступать нам аж вечером, идти некуда, а просто сидеть и глядеть по сторонам уже нет сил.

– Благодарю за предложение, – кивнул я и спрыгнул со сцены.

Оказавшись на полу зала, я с удивлением обнаружил, что незнакомец – подумать только! – ненамного выше меня – на полголовы, да и то вряд ли. Должно быть, уменьшился из вежливости. Он указал рукой в сторону единственного стола, на котором не было перевернутых стульев. Мы сели.

– Эй, Грюмз! – позвал незнакомец кого-то в облаке дыма. – Бутылку «Морской соли», бутылку «Пьяной чайки» и два бокала.

– Будет исполнено, сэръ, – раздалось в ответ.

И вскоре перед нами стояли две бутылки: продолговатая зеленая и походящая на ее полноватую младшую сестру темно-синяя.

– Я надеюсь, вам нравится что-то из этого, – сказал незнакомец и почесал укрытый тенью... нос?

Кстати, об этой тени. Я-то полагал, что стоит мне оказаться к нему поближе, как я смогу разглядеть хоть какие-нибудь черты его лица. Не тут-то было! Вместо этого я ощутил неприятное что-то, как будто вдруг очутился у захлопнутой перед самым носом двери. А еще мне почему-то представились белые тонкие детские пальцы, цепляющиеся за край колодца. Непонятная мрачная ассоциация... В общем, тень так и осталась тенью. Но зато я разглядел, что штаны у незнакомца – в тонкую белую полоску, вокруг накрахмаленного воротника затянут кроваво-красный галстук, да серебряная цепочка часов ползет в жилетный кармашек.

– Я тоже надеюсь, что мне нравится что-то из этого, – произнес я, рассматривая бутылки.

Незнакомец одобрительно кивнул.

– А если «Морская соль» покажется слишком приторной, то «Пьяная чайка», я уверен, вас не разочарует, мистер Редьярд Фрикк.

– Все зовут меня Ред, – сказал я и налил себе в бокал сперва «Соли». Жидкость оказалась невероятно пенной. Причем пена походила на самую настоящую морскую пену. – А как зовут вас?

– Джаз-смерть, – представился незнакомец, как ни в чем не бывало наливая себе в бокал темно-зеленую с изумрудным отливом «Чайку». – Но вы можете называть меня Джаз. Или мистер Смерть. Как вам угодно.

– Приятно познакомиться, Джаз, – сказал я. – За вас.

И мы выпили. Вкус «Морской соли» был мягким, но терпким, а пена вовсе не желала таять на губах – ее приходилось жевать. Она была сродни солоноватому зефиру. Странно, но не более. Можно даже сказать, терпимо. А спустя пару глотков и кусочек пены – так и вовсе «ничего так!»

– Мало кто пьет в мою честь, – усмехнулся Джаз-смерть.

– По очевидным причинам?

– По очевидным причинам. Но меня весьма удивило, как просто и по-джентльменски вы отреагировали. Не стали лезть с назойливыми вопросами вроде «тот самый?», «я что, умер?» и так далее. Это, признаюсь, весьма непривычное для меня приятное ощущение.

– Я так понимаю, вам редко выдается случай просто поболтать, – заметил я.

– Это так, – кивнул Джаз-смерть. – Заботы, заботы... Иногда беру ножницы и выкраиваю минутку-другую, чтобы поиграть где-нибудь на пианино. А так...

– Постоянно меняете подметки?

– О, вы понимаете!

Я понимал. Было у меня, знаете ли, свое видение рутины, присутственных часов в конторах или утомительных постоянных разъездов по скучным даже-не-вашим делам. Я это просто не навидел.

– Не представляю, как вы изо дня в день выслушиваете одно и то же, – сочувственно сказал я. – Это как песня, состоящая из одних припевов: «Я что, умер? Я что, умер? Я что, умер? Тра-та-та...»

Джаз-смерть рассмеялся. Вы, я уверен, никогда не видели, как смеется смерть, и не слышали ее хохота. В один миг сотни обрывков тени разлетелись с его лица по сторонам, как черные мотыльки. Но на их месте тут же возникли новые, так и не открывая взору лицо моего собеседника.

Смех смерти – ужасающее зрелище. Но было в нем что-то отчаянно притягательное. Вероятно, его уникальность. А еще оно было заразительным, как зевота. И я улыбнулся.

– О! – оценил Джаз-смерть. – Так значительно лучше. Это больше подходит к вашему цвету волос и к вашей музыке.

Я снова помрачнел.

– Что с вами? – спросил Джаз-смерть.

– Гляжу я на вас, и жить не хочется, – мрачно пошутил я.

– Это странно, – сказал он. – Обычно в моем присутствии людям хочется жить во стократ сильнее. Вы – какой-то совсем уж необычный человек, Ред.

– Да уж, – пробормотал я, глотнул «Морской соли» и поморщился – песчаный осадок неприятно скрипнул на зубах, как досада на самого себя. – Самая необычно необычная необычность из всех обычных обыкновений, что вы обычно можете встретить.

– Вы можете мне рассказать, – добродушно предложил Джаз, и от его добродушия я вздрогнул. Как-то не вязалось оно с шевелящейся тьмой на месте лица и ритмичным, будто тиканье часов, стуком пальцев по столешнице.

И все же я не столько испугался, сколько просто не хотел говорить на эту тему. Знаете, бывает такое, когда слова и даже целые фразы готовы отправиться в дорогу, но их поезд никак не тронется. То ли поломка на путях, то ли им уже туда не нужно. В смысле, я так устал от переживания и от внутренних жалоб, что просто не было сил жаловаться.

– Не хочу в ваши столь редкие мгновения покоя втягивать вас в эту угрюмость, – сказал я и многозначительно кивнул на вторую бутылку.

Намек был понят, и бутылка с кривой надписью «Пьяная чайка» в ловких пальцах смерти накренилась и изрыгнула, как самая настоящая пьяная чайка, немного изумрудной полупрозрачной жидкости в мой бокал.

– Ну ведь неспроста существуют минорные аккорды, – наливая и себе, сказал Джаз. – Вы согласны? – Он ненавязчиво пододвинул ко мне мой бокал и чуть менее ненавязчиво меня самого – к обрыву перед признанием. – Я осмелюсь предположить, что все дело в некоей даме. Все характерные признаки, включая взгляд исподлобья и хмурые складочки под веками, налицо.

– В некоей даме – все верно, – согласился я и сделал глоток. «Чайка» жглась и пиналась, словно не хотела лезть в горло. Ничего – и не таких заталкивали. – Все предельно скучно. Ведь это даже не моя дама. Никакого романтического интереса.

– Хм, как любопытно! – восхитился Джаз-смерть. – «Дело в даме, и никакого романтического интереса!» Одна из издержек моей профессии – знать, что это большая редкость. Чего только стоят бесконечные списки самоубийств, отравлений, свершившейся роковой мести, убийств из чувств и прочего. Листаешь эти списки, и пальцы устают. Как любил говорить некий мистер Бекки, владелец одновременно и лавки сувениров для влюбленных, и похоронного агентства: «Все кого-то любят, все кого-то гробят».

– Ндаа...

Это сейчас, спустя годы, впитав пару пинт скепсиса и добрую бочку цинизма, я понимаю, что все мои тогдашние переживания и выеденного яйца не стоили. Что все это было совершенно по-детски. Но все же я солгал бы, если бы сказал, что сейчас

воспринимаю все, что меня окружает и касается, не так остро, не так, будто от этого жизнь зависит. Нет, все по-прежнему. По-прежнему я думаю, что обо мне скажут люди, как то или другое будет выглядеть, с содроганием жду мнений обо мне и обо всем, к чему я притрагиваюсь. Может, не так ярко и экспрессивно, и все же...

И все же в тот момент Джаз-смерть выжидающе глядел на меня, а я больше всего боялся, что он рассмеется мне в лицо из-за пустяковости моих терзаний. Ведь это даже не любовная драма. Просто обида...

Но все-таки каким-то чудом я выдавил из себя:

– Ну, раз вы настаиваете...

Вероятно, из нас двоих лишь я был наивным, хоть сколько-то полагая, что ничего не расскажу. Но... все дело в том, что я просто не мог отказать смерти. Тем более что существо по другую сторону стола сказало:

– Настаиваю.

Джаз-смерть откинулся на спинку стула, приготовившись слушать: он – внимателен, он – идеальный собеседник.

Я сделал глоток из бокала и начал:

– Не так давно, может, вы знаете, а может, и нет, свет увидела история под названием «Мистер и Миссис Я». – Я сказал это неуверенно, но с каждым словом делиться моим невероятным по тем временам горем (самому теперь странно все это вспоминать) становилось все легче. – Расскажу вкратце. Это была трагическая история о безумной любви, одиночестве и раздвоении личности. Мистер и миссис Этони жили в нашем доме на улице Сизого Плюща, что в Сонном районе – это в Габене. Их квартирка располагалась на два этажа выше нашей. Киран, мистер Этони, был конторским клерком, а Кэт, его жена, – богемной писательницей и весьма ветреной особой, предпочитавшей четырем стенам скромного жилища шумные залы кафе-шантана или кабаре. Никто никогда не видел их вместе. Но никто никогда не придавал этому значения. И так их обычная, никому не интересная жизнь продолжалась и продолжала быть скучной и никому не интересной, пока однажды Кэт не исчезла. Некоторое время спустя выяснилось, что ее никогда не существовало. Киран, как оказалось, ее просто выдумал. От одиночества, представляете? Ну, или, вернее, все-таки Кэт была настоящей, а Киран являлся ее вымыслом. Там все очень странно и запутанно. В общем, закончилось все тем, что Кэт осталась одна в своей квартирке. Она носит костюмы Кирана, рисует тушью усы, как у него, она никуда больше не выходит, да и о том, что она до сих пор жива, свидетельствуют лишь периодически выходящие романы, видимо, по привычке подписанные «Кэт Этони». Но суть в том, что эта

их странная трагическая история затронула меня самого. И эта история впечатлила вон тех людей, которые сейчас бессовестно дрыхнут на сцене. Я записал события (те, о которых знал), происходившие на два этажа выше, вложил их в музыку. Мы собрали все наши сбережения и направились напрямиком в звукозаписывающую контору «Калигари и Калигари», что в Тремпл-Толл. И там мы сыграли историю моих соседей – на свой странный манер. А мистер Шкриппен, их управляющий, разослал граммофонные пластинки «Мистер и Миссис Я» по всему Габену. Мы выступали тут и там. Все шло своим чередом, были новые истории, новые страшные и веселые песни. И вот однажды по пневмопочте мне пришло письмо. Писала некая дама, начав со слов: «Уважаемый мистер Фрикк...»

– О! – одновременно и ужаснулся, и восхитился Джаз-смерть. – Уверен, ничего хорошего в письме быть не могло. Ведь как оно началось!

– Так и есть. Прочитав его, я будто захлопнул чемодан, отнес его в камеру хранения на вокзале и оставил там. И только вернувшись домой, обнаружил, что запер в том чемодане свою – как это называется? – искру и любое желание хоть что-то делать, что-то сочинять, искать истории, петь их.

– Что же она вам такого написала?

– О! Там было много слов. И каждое травило мне душу. Все дело в том, что ей не понравилась песня – история о Кэт Этони! Она сказала, что та полна унылого трагизма, что мелодия удручающе монотонна, а голос мой – всего лишь жалкая пародия. Мол, я имитирую известного трагического поэта ля-Вазонна. Она написала, что я плохо перевел песню на фрикенлиндский язык, на котором, как мне показалось, она будет звучать достаточно трагично и лирично. Понимаете, я просто не хотел, чтобы она звучала сентиментально, а наш язык, к сожалению, склонен иногда к излишней слезливой сентиментальности. И спел я, мол, с ужасным акцентом. В общем, она недвусмысленно дала понять: то, что мы делаем, либо очень-очень-очень плохая музыка, либо вообще не музыка.

– Какой кошмар, – посочувствовал Джаз-смерть. – Я понимаю, что вы оскорбились...

– Со всем этим можно было бы смириться или попросту проигнорировать, но дальнейшее...

– Дальнейшее?

– Хуже всего было то, что, по ее словам, песня наша не соответствует, видите ли, требованиям, а мое личное невежество не знает границ, и что я даже не представляю себе, что такое – Настоящая, Соответствующая Всем Требованиям музыка «Кабаре»!

– И что же это за требования такие? – искренне удивился Джаз-смерть.

– Ну, она привела в пример нескольких див и великих исполнителей романсов. Мол, «Карнавал Никогда и одиозно-странный Редьярд Фрикк» на них совершенно не подходят.

– Вот уж упрек так упрек, – усмехнулся Джаз-смерть.

– Она пошла еще дальше – разослала критический отзыв во все газеты.

Джаз-смерть хмыкнул:

– Ваша история ей, очевидно, каким-то образом весьма насолила.

– Очевидно. Должно быть, она споткнулась, поперхнулась, подавилась, чихнула и еще ненароком припомнила своего злющего папашу в тот момент, когда услышала нашу песню. Иначе ее чрезмерный интерес непонятен.

– И что же было дальше?

Я угрюмо склонил голову.

– Ничего...

– Ничего?

– Просто тоска, меланхолия. Жизнь ушла из...

– О, вот только не надо говорить о том, что жизнь ушла! – переребил меня Джаз-смерть. – Мне-то виднее, что это не так. Будете спорить?

– Нет, Джаз, я имею в виду...

– Ну да: что все утратило смысл. Вы, творческие личности, такие ранимые! – Джаз-смерть слегка поаплодировал кончиками пальцев. – Это ведь просто критика – досужее мнение. Люди и не такое переживали. Кстати, о переживаниях... Можете мне поверить: уж сколько я иногда топчусь за порогом, чтобы потом просто отправиться восвояси. Эти выживанцы – целый день насмарку. Пришел к ним, подождал, и... ничего. Выжили. Пере-жили.

– Да, мои переживания, конечно, несравнимы с их переживаниями, но...

Джаз-смерть покачал головой:

– Вам просто стоит смириться с тем, что есть люди... ну, злобные. Они без каких-либо особых причин ставят целью своего свободного вечера или выходного дня испортить кому-то настроение, немного ухудшить жизнь. Написать кому-то что-то гаденькое. Мне это хорошо знакомо, поверьте.

Я даже удивился:

– И кто же может вам испортить настроение и вечер?

– Неудачливые самоубийцы, – простодушно ответил Джаз-смерть. – Не те, что выживают. А те, что долго умирают. Вы себе

даже не представляете, Ред, сколько приходится сидеть возле них, а они все корчатся, и даже газету нормально не считаешь.

– Я понимаю, что вы пытаетесь до меня донести, – пробормотал я. – Мол, это просто чьи-то слова. Но они меня преследуют. Не дают покоя. Это как... как мания. Мне самому уже кажется, что музыка наша ужасна, что голос мой – клоунская пародия, а выступать мы достойны лишь на задворках, в забытых всеми местах – таких, как это. Болезнь и болезненное восприятие. И это заразно – мы все заразились, и песни наши стали по-настоящему унылыми. Может, вы поможете? Вы ведь тоже творческая... – я запнулся, – личность.

– Вернее – сущность, – поправил меня собеседник. – Творческая сущность – это про меня.

– Вы что-нибудь посоветуете?

– Не совершайте самоубийства, – сказал Джаз-смерть и допил свой бокал. – Не делайте этого.

– Ну...

– А если все же решитесь, сделайте все как следует – пожалуйста мои время и настроение.

– Вы шутите, – слегка оскорбленно произнес я, сам понимая, что обижаться на смерть глупо.

– Последняя шутка на сегодня.

Он достал из кармашка жилетки часы и взглянул на странный циферблат. На нем, кажется, были сплошные стрелки и ни одной цифры. Мне не нужно было видеть нахмуренных бровей, чтобы понять:

– Вам уже пора?

Он кивнул.

– Очень жаль, что вы уходите. Не хотите задержаться?

– Подумать только! – воскликнул Джаз-смерть. – Вот чего мне слышать еще не доводилось, так это «не хотите задержаться?» Очень забавно. Я вспомню об этой шутке по пути к следующему мистериу Пора. А может, даже расскажу ее какому-нибудь бледному мистериу Пойдем. «Не хотите задержаться?» Или это будет жестоко по отношению к бедняге?

– Да, немного жестоко, – ответил я.

Джаз-смерть поднялся из-за стола.

– Почему-то мне кажется, что у вас будет просто замечательный вечер, – сказал он, надевая высокий черный цилиндр. – Жаль, мне его не услышать.

– Разве что кто-то из публики подавится сигарным дымом...

– Разве что. Но не стоит на это уповать.

– Как и помогать дыму? – улыбнулся я.

– Я так понимаю, ваше мрачное чувство юмора – это тоже часть вашей музыки.

– Да. Но что мне делать?

– Что делать? – не понял Джаз-смерть.

– Чтобы стало легче.

– Вы и сами знаете, что делать, Ред.

– И это все? – разочарованно проговорил я. – А как же парочка глубокомысленных идей из уст самого мистера Джаз-смерть?

– Зачем это? – искренне удивился он.

– Если я вдруг соберусь написать мемуары, как я смогу упустить встречу с вами, Джаз? Читатель, уж поверьте, будет весьма разочарован: многообещающая встреча закончилась ничем. Ни одного наполненного философским переживанием вывода, совсем ничего, никто даже не умер.

– Ну, полагаю, кому-то всегда приходится остаться разочарованным, – усмехнулся Джаз-смерть. – Кому-то всегда приходится споткнуться, поперхнуться, подавиться, чихнуть и еще ненароком припомнить своего злющего папашу. Но вы всегда сможете сократить число разочарованных за счет вашего слога, за счет стиля, за счет вашего неизменного черного юмора в конце концов! Я мог бы сказать вам напоследок какую-нибудь банальность вроде, – он перешел на монотонное квазипрофессорское бубнение, – «нельзя всем угодить», «мир недовольными полнится» или: «Если бы я всерьез воспринимал всяческую критику в свой адрес, я бы не мог достойно выполнять свою работу. Но, как вам известно, люди продолжают умирать, как бы они ни любили критиковать мой метод стука в дверь».

– Да уж, – веско заметил я. – Хорошо, что вы все же избежали банальности на прощание. Это бы все испортило.

– Испортило бы, да... И все же вы кое в чем ошиблись.

– Правда? – теперь уже удивился я. – В чем же?

– Вы сказали, что никто даже не умер. Но кто-то все-таки умер.

– Кто?

Я был поражен и начал оглядываться. И сразу все понял.

– Она попросила позволить ей домыть пол, – бесстрастно проговорил Джаз-смерть и в тот же миг прекратил напоминать доброго приятеля. – Сказала, порядок есть порядок. И я позволил ей. Тем более что здесь такое хорошее пианино и... – он сделал паузу, – такая хорошая и редкая возможность «просто поболтать».

Я не мог вымолвить ни слова.

– До встречи, – сказал Джаз напоследок и взял старуху под руку.

Я кивнул и молча уставился им вслед. И глядел, пока они не исчезли за дверью.

Часть II. Кабаре – внутри

...Глупость. Шутка. В некоторой степени издевательство. Крошечная месть. Которая неспособна навредить, но унять тоску и избавить от грызущих душу и разум сомнений – вполне.

Во тьме проглядывают замершие силуэты музыкантов и очертания инструментов. Луч прожектора вырисовывает круг на багровом занавесе. Рыжий человек в котелке стоит в самом его центре – он будто тонкий зрачок кошачьего глаза. На руках у него – белые перчатки. В руках – двухрядная гармошка с красными мехами. Меха, словно губы в улыбке – сходятся и расходятся. Медленно-медленно. Гармошка скрежещет немного заунывно и в то же время тревожно – это напоминает разговор того, кто уже вышел от зубного врача, с тем, кто только намеревается зайти туда.

Гармонист на сцене начинает петь или, вернее, стонать. Это все очень драматично: занавес – багров, человек в котелке – рыж, кругом тьма, и только круг света запечатлевает происходящее, будто блеклая фотокарточка в черной виньетке. Романс тягучий, как горе, и все же от него нельзя оторваться, он манит. Как чужое горе.

Я был так ранен словами некой дамы!

В круге света на сцене появляется женская фигура. Незнакомка вдруг начинает вытаскивать изо рта деревянные буквы. Она швыряет их в рыжего.

Мое сердце разбилось, и с того самого дня перестало стучать.

Женщина подходит и принимается что-то искать в карманах у рыжего. Тот продолжает играть на гармошке как ни в чем не бывало. Наконец дама находит в одном из карманов крошечное стеклянное сердце и швыряет на пол сцены, разбивая на осколки.

Моя душа опустела, и жизнь утратила всяческий смысл...

Женщина уходит – сливается с мраком. Рыжий выглядит хмурым, он словно заболел. Кажется, даже его волосы блекнут. Музыканты, стоящие кругом, отворачиваются, будто его и не существует.

Я потерял счастье, я потерял даже моих врагов – а что уж говорить о друзьях!

Круг света немного сужается. Рыжий остается один. Гармошка тянет жилы, но к ней словно бы издали, будто отголосок гула подходящего к станции трамвая, добавляется еще что-то... что-то совершенно странное. И постепенно оно становится все громче и явственнее. Теперь его нельзя не замечать. К гармошке добавилось живенькое, задиристое, как мальчишка-хулиган, пианино, застучал барабан. Ритм ускорился. Романс превратился в насмешку. Песня стала больше напоминать вызов. Даже котелок у рыжего по-залихватски съехал набок, кривая усмешка появилась на губах, нога застучала в такт.

Настроение сменилось кардинально и мгновенно, будто в какой-то миг просто само решило перестать быть унылым.

*Все дело в том, что ей не понравилась песня,
которую я написал!
Она сказала, что та полна унылого трагизма,
Что мелодия удручающе монотонна,
А голос мой – всего лишь жалкая пародия.*

Круг света расширяется и становится больше первоначального. В нем появляются контрабас и его человек, барабан и его человек, пианино и его человек. Инструменты будто бы играют на людях, а не наоборот. Рыжий – вот вульгарный нахал! – достает откуда-то из штанов огромный бронзовый клаксон и начинает в него гудеть. Музыка становится столь же дерзкой и наглой, как и слова песни, как и голос рыжего.

*Но хуже всего то, что песня моя не соответствует,
видите ли, требованиям,
А невежество мое не знает границ,
И что я – подумать только! – даже не представляю себе,
что такое –
Настоящая, Соответствующая Всем Требованиям
музыка «Кабаре»!*

Тут начинают бубнить все музыканты на сцене, гротескно имитируя трагично спетые, но совершенно бессмысленные песни лирических классиков жанра и блещущих звезд подмостков:

*И тут наступает одинокий день,
За ним следует беспросветная ночь,
А я всего лишь хочу сказать:
«Кабаре – внутри, где-то здесь».*

«Внутри? Внутри кого? Или чего? Что за вздор! День, ночь! К чему все это? Просто абстрактная, как вата в аптекарской склянке, присыпанная зубным порошком, лирика? Ведь здесь нет никакого смысла!»

Но зритель не замечает. Он привык к подобным «ходам» за годы их исполнения с десятков сцен сотнями исполнителей. Любовь, смерть, тоска, рассвет, день, ночь, сердце, волны, часы бьют, одинокая постель, тень, тень любимой, любимого тень, превращающаяся в день (и выдающая авторов песен лень).

Зритель не замечает. Фигуры в цилиндрах в темноте зала застыли, как будто они сделаны из картона лишь для создания ощущения их присутствия, не более. Тсс!!!

Со сцены тем временем раздается скрип. Кто-то крутит ручку. На сцене появляется окно. За ним нарисован день, но ручку крутят снова – и день становится ночью. И так раз за разом.

А потом прожектор вдруг высвечивает еще кое-кого. Но уже не на сцене, а в зале. В круге света оказывается пораженная привлеченным к ней вниманием особа в длинном зеленом, словно змеиная кожа, платье и накидке, блестящей сотней чешуек. Дама держит тонкую, как спица, папиретку в мундштуке. Озирается и прикрывает глаза от слепящего света. А фигуры зрителей вокруг нее просто падают, складываются, как игральные карты, одна цепляя другую, пока во всем зале не остается никого, кроме пораженной зрительницы. Она еще не понимает, в чем, собственно, суть. Но она очень близка, уж поверьте.

Рыжий, пританцовывая, делает шаг на авансцену. Он гудит в клаксон и смеется.

И я решил как-то ответить вам!

И вот я стою здесь

И пою для вас, дорогуша!

И вы должны справедливо оценить:

Действительно ли вот это все музыка из Кабаре?

Он глядит на единственную зрительницу. И та вдруг понимает, что здесь творится. Видели бы вы, как изменилось ее лицо. Она побелела, побагровела, пофиолетовела, позеленела в тон платью – на этом решила остановиться и уже в таком виде продолжила испепелять сцену взглядом.

И знаете, мне кажется, что теперь уж нам («Карнавалу Никогда и одиозно-странному Редьярду Фрикку») вполне достаточно (учитывая все эти «классические» визги и ужимки) всего, Чтобы стать полноправной частью этого «Настоящего,

*Соответствующего Всем Требованиям “Кабаре”».
Достаточно, чтобы удовлетворить всех и каждого!
Вы согласны, дорогуша?*

Но дорогуша в ярости. Ее кулачки сжаты, а бедненькие шелковые перчаточки трещат на ее пальцах, будто их надели не на костлявые руки хрупкой мадам, а на раздутые от бесконечного недоуменного чесания шишковатой макушки конечности циркового атлета. Каково унижение! Подумать только! Заманили ее! Чтобы высмеять, чтобы унижить! Хамы, циничные сволочи! Да у них просто нет совести! Она всего лишь пришла на этот вечер, она не знала, что станет посмешищем! Самое время встать, плюнуть в них – буквально в каждого, а особенно – в этого гадкого рыжего и уйти, хлопнув дверью так, чтобы люстры попадали!

Но она не уходит...

Музыка продолжает стучать и колотить, пыхтеть и клекотать, как армия паровых утюгов на марше. А из граммофона на краю сцены вдруг начинает литься едва уловимый голос, в котором больше тембра, чем звука. Чтобы разобрать, что он говорит, нужен медный слуховой рожок – не меньше! Голос вещает сугубо на фоне, являясь словно декорацией к этой мерзкой наглой улыбке рыжего. Он пародирует все эти «интересно-странные ходы», которые используют личности, устанавливающие здесь «законы» и «рамки». Ну, вы знаете: песня себе звучит и звучит, но зритель-слушатель начинает зевать, надо срочно его как-то разбудить, а спускаться со сцены и хлестать по щекам запрещено, вот и выдумывают господа музыканты различные неожиданные смены тональностей и повествовательные мотивы, которые возникают резко, грубо, внезапно, как чья-то ледяная нога под вашим одеялом. И вот рыжий и этот его бэнд восприняли все слишком буквально – вы только вслушайтесь в слова:

*А сейчас я обязан сказать что-то, не имеющее никакого отношения к играющей музыке, – это ведь все «Кабаре», не так ли? Я просто болтаю себе «ла-ла-ла», пока музыка играет. Я просто на фоне. И никому нет дела, о чем я там тараторю... Но всех все устраивает. Слушатель думает: «О! Что-то интересненькое! Что-то необычное! Новое что-то!» Ха-ха. Вот дураки. Это ведь просто шум. А, и еще! Совсем забыл! Я же должен проговаривать все это, ну, вы знаете, с ужасным акцентом, чтобы это стало походить на «настоящее» богемное кабаре, привезенное откуда-то там и обладающее неким привкусом... кхм... не-идеальности и экзотичности звучания.
Все верно?..*

Голос из рупора граммофона затыкается, будто кто-то пододбрал идеальную пробку. Музыканты принимают пост, начиная бубнить:

*И тут наступает одинокий день,
За ним следует беспросветная ночь,
А я всего лишь хочу сказать:
«Кабаре – внутри».*

«Опять этот день! И эта ночь! И все по-прежнему бессмысленно и не несет в себе никакой сути! И по-прежнему неясно, внутри чего кабаре! Лирического сердца музыканта? Или просто автору этих строк захотелось изобрести что-то эдакое – звучное?!»

А рыжий, уже откровенно издеваясь, вступает с хлопа, топа, бууууууу (клаксона), берется за гармошку и играет что-то детское, простенькое и наивное, но быстрое, ритмичное и забавное. Поет он в духе дворовых считалок:

*Я могу писать песенки, как вот эта («Кабаре – внутри»)
С простыми текстами,
С шаблонными рифмами,
Для совершенно посредственных мозгов.
Или я должен сказать: «Для умов»?
Да мне все равно, если это хорошо рифмуется.
Этот язык – не мой родной язык
И я могу позволить себе
Говорить порой неверно.*

И тут откуда ни возьмись на сцене появляются четверо матросов – возбужденных и явно нетрезвых. Рукава их полосатых рубах закатаны, обнажая огромные волосатые предплечья, испещренные татуировками; темно-синие штаны висят мешками, из выреза воротников-гюйсов лезет жесткая на вид черная щетина. Улыбки широки: где-то беззубы, где-то кривозубы. Воздух в зале мгновенно становится спертым, теперь он наполнен чудовищной смесью запахов рыбной лавки и цеха по перегонке скипидара. Матросы, ритмично постукивая носками башмаков, встают рядом, плечом к плечу и, покачиваясь, как символическая волна прибойа – вправо-влево, затягивают хриплым хором:

*Кабаре, сестренка, это состояние души!
Кабаре – это, видишь ли, что-то внутри.*

*Если бы в зале были установлены счетчики измерения
душевности, они бы сейчас всю зашкаливали.
В кабаре порой звучат разные странные звуки
Вроде звука пилы или такие вот звуки...*

Тут из-за спин матросов на мгновение показывается рыжий,
гудит в свой клаксон и вновь исчезает.

*Для кого-то это все может показаться ужасающим шумом,
Ведь порой поется гаденькими голосками.
Гаденькими голосками!!! (вторит рыжий гаденьким голоском)
В этой музыке проскальзывают декадентные нотки,
А еще слышны трудновыговариваемые
труднопроизносимые слова.
Здесь шутки, пошученные с серьезным лицом,
И в каждой отыщется грубая вульгарная фразочка.
И будь ты или шарлатаном, или же подлинным волшебником,
Не беспокойся: ты уже – и так часть этой сцены...*

И будто в подтверждение своих слов матросы падают на сцену
без сознания от переизбытка эмоций и накала опьянения в их
мохнатых темно-красных телах. Музыканты будто и не заметили
этого или наоборот – как раз таки ожидали, поскольку тут же
начинают бубнить:

*И тут наступает одинокий день,
За ним следует беспросветная ночь,
А я всего лишь хочу сказать:
«Кабаре – внутри».*

С наигранным тяжким вздохом рыжий садится на край сцены,
свешивает ноги вниз и продолжает вещать, глядя в упор на даму
в зеленом. Та же прекрасно понимает, что вся эта постановка
имеет под собой одну-единственную цель – ее позлить и вывести
из себя, но почему-то никак не может решиться встать и уйти – и
дело не в том, что ее приклеили к стулу, а стул приколотили к полу.

*...Я могу петь песни, как эта, целыми днями,
Примитивные песни для поддержания «подлинного» духа
музыки «Кабаре».
Но знаешь, дорогуша, я бы лучше просто пел песни,
которые мне нравятся!*

Ее прекрасное лицо походит на поле боя. Она понимает, что именно стало причиной всего этого абсурда и безумия.

Я бы лучше просто пел песни, которые мне нравятся!

Хуже всего то, что рыжий и его банда фриков играют и поют в том стиле, который ей единственно по душе. В том стиле, который она единственно ценит и понимает.

*Я бы лучше пел песни, которые по душе мне самому,
а не каким-то придирам.*

Выразительный взгляд. Ее выразительный взгляд. Звон, как от скрестившихся шпаг.

*Да, слова некой дамочки взволновали меня сильно...
но ненадолго,
Поскольку, дорогуша, и тебе может это нравиться или же нет,
Ты можешь верещать, что все не так и все отнюдь не то,
Ты можешь спорить, перчить в письмах и разливать
критикой, как змеиным ядом, но все рамки условны, все
границы зыбки,
А я... я всего лишь как раз и занимаюсь тут тем, что создаю
мой собственный...
...кабаре стиль.*

И музыка обрывается, словно по щелчку. Хотя, по правде, по щелчку она и обрывается. Рыжий улыбается, подмигивает, и свет гаснет. Темнота опускается на кабаре. И только увядающее эхо от струн, барабана и мехов медленно умирает.

...Глупость. Шутка. В некоторой степени издевательство. Крошечная месть. Которая неспособна навредить, но унять тоску и избавить от грызущих душу и разум сомнений – вполне.

– Да, так и стоит поступить, – говорю я, глядя сверху вниз на крошечное кабаре, построенное в моем дорожном чемодане.

Здесь и миниатюрная сцена, и занавес, и стульчики, и инструменты, и музыканты, и даже миниатюрный я. Крошечная зрительница-критиканша сидит напротив. Разыгранная мною пьеска про разыгранную пьеску создает, казалось, невозможное: открывает краны, и в меня течет теплое и добродушное настроение. Разыграл месть в ролях. По-детски? Ха-ха! Мелочно? Может быть. Но как же приятно! И к тому же это только репетиция, отработка деталей. После встречи с Джаз-смертью в Гамлине я

все думал о его словах. Наверное, я все же из разряда именно тех неудачников, которые после знаменательных, ключевых встреч способны лишь на вот такое: мелочное наслаждение мстью оскорбительнице внутри маленького чемодана.

После того как мой мрачный собеседник ушел, мы отыграли в «Треске», сложили инструменты в футляры, собрали чемоданы и сели на «Одноглазую крысу» до Габена.

И вот я здесь. Сажу на парапете набережной Пыльного моря и играю в мсть. Подумать только: неужели это предел того, на что я способен? Вероятно. И еще вероятно, что Джаз-смерть был бы разочарован. Или нет? Интересно, пришел бы он поглядеть на подобный спектакль? «Кабаре – внутри». Любопытно, тяжело ли будет организовать такую постановку всего для одного человека – для Некой Мадам?.. И где это все повернуть?..

Мимо проходит какая-то старуха. Из породы старух, просто проходящих мимо. Но эта вдруг останавливается. Косится на меня своим старушечьим глазом и шамкает беззубым ртом:

– Молодой человек, вы очень заняты, как я погляжу...

«Гм, да! Я очень занят! Ну вот что за народ! Почему они считают, что вполне уместно влезать в чужие дела и прерывать их, лишь констатируя факт их наличия?!»

– Да, очень, – говорю я с маниакальной улыбкой и столь же маниакальным терпением.

– Вы очень заняты, как я погляжу, – повторяет она, – и не замечаете, как ваш зонтик улетает. Это ведь ваш зонтик?

Я оборачиваюсь. Да. Мой сломанный (незакрывающийся) вишневым зонтик, на ручке которого, чтобы он не улетел, я закрепил ремень моей гармошки. И все же это не помешало ему как раз таки прямо на моих глазах улететь прочь. Вместе с болтающейся под ним – что вообще выглядит совершенно невозможным! – гармошкой.

– Да чтоб тебя! – кричу я, вскакиваю с парапета, одним махом закрываю чемодан с моим миниатюрным кабаре в нем, засовываю его под мышку и несусь по мощеной улочке вдоль Пыльного моря, преследуя мою гармошку, улетающую на зонтике.

– «Кабаре – внутри», – усмехается старуха.

Ее лицо вдруг затягивает черная поволока, и все его черты стираются. Старуха вырастает до добрых восьми футов. Теперь на ней черный костюм и цилиндр. Рука в белой перчатке сжимает футляр для трубы.

– Да, я бы посмотрел на такое, – говорит Джаз-смерть и отправляется по своим делам: или кого-то забрать, или просто присесть где-то в уголке, чтобы поиграть на трубе в свое удовольствие.

Алекс Грарк БАНАНЫ

Когда Вадима Петровича Хрумкина ближе к осени турнули с работы, ему до пенсии оставалось еще больше восьми лет. И он ходил очень расстроенный и твердил жене, что, наверное, удавится. Люся к тому времени работу еще не потеряла – ежедневно убиралась в школьной столовой. Она утешала мужа: боялась, что действительно, придя однажды домой, увидит его в комнате висящим вместо люстры.

– Что ты, Вадик, расхныкался? Я получаю восемь тысяч, да пенсию мне вот-вот оформят. Проживем как-нибудь! Конечно, домик у нас неказистый, давно в землю врос, зато – собственный, и садик с огородом есть!

– Да, с домом мы сильно пролетели, – вздохнул Хрумкин. – Нужно было мне раньше, когда при деньгах жили, хороший ремонт сделать, специалистов позвать...

– Это при каких деньгах-то? Да ты больше меня и не получал никогда. А за такие деньги, думаю, никакие специалисты-строители к нам даже не заглянули бы... Не горюй, дорогой! Ты у меня мужик сознательный, уверена, что пить водку теперь совсем бросишь и самогонку – тоже, и проживем. Займешься по-настоящему огородом, овощи выращивать станешь, яблоньки с грушей по-мичурински обрежешь, паршу медным купоросом изведешь. Там, глядишь, и торговать на рынке чем-то можно будет.

– Чтобы я на рынке торговал? Век этому не бывать!

– Ну ведь чем-то заняться надо? Что ты целыми днями делать-то будешь? Спать, что ли? Надоест спать-то...

Наутро, в воскресенье, Петрович встал позже Люси. Честно говоря, ему вообще не хотелось вставать. Но и лежать тоже не хотелось, и пришлось подняться, умыться в сенях, постоять во дворе, рассматривая неухоженный участок с яблонями и единственной грушей, с которой уже начали потихоньку опадать листья. Ночью ему приснился какой-то сон, и в том сне было что-то новое, интересное. Он прямо во сне все время себе твердил: «Не забыть Люсе рассказать!» А вот встал и забыл, что именно видел.

Петрович побрел к жене на махонькую кухню, там она ему уже сварила пару яиц и налила стакан чаю.

– Сон хороший видел, – сказал Хрумкин. – Хотел тебе его рассказать, да забыл, о чем он...

– Да мало ли их, снов-то, бывает? – удивилась Люся. – Ночь настанет – и новый сон увидишь! Какой-нибудь вспомнишь и расскажешь. Подумаешь, беда...

– Нет, этот сон деловой был. В нем я видел, что мы с тобой какое-то хорошее собственное дело открыли. И начали немалую деньгу зашибать! Ты даже в школу перестала ходить, горбатиться с этой уборкой!

– Да ты что? Вот здорово было бы! А о чем же сон-то?

– Говорю же, не помню! – рассердился Петрович и пошел во двор выкурить сигарету, причем по дороге забылся и сильно зашиб голову о просевший перед дверью потолок.

Пользуясь теплой погодой, опустился на лавку и стал размышлять о сегодняшней жизни. Крепко прихваченная цепью к конуре черношерстная дворняга Цыган с пониманием отнеслась к хозяйским раздумьям и не мешала ему, сидела рядом тихо. Хрумкин выпускал в сторону от Цыгана дым, с удовлетворением ощущал, как утихает боль в ушибленной голове и думал, что курить тоже нужно завязывать. Правительство поднимает цены на спиртное и курево не напрасно. Оно хочет, чтобы народ в стране стал здоровым и культурным, чтобы от него самогоном, водкой и табаком совсем не пахло.

Покулив, Хрумкин зашел в дом и сообщил жене, что пачка сигарет у него осталась последняя, а с новыми ценами покупать их не получится.

– Потому как не дотянем до оформления твоей, Люся, пенсии.

– А сон, случайно, не вспомнил? – полюбопытствовала жена.

Петрович подумал немного и вдруг вспомнил сон-то! Даром, что ли, он голову на выходе зашиб?

– Ну, Люся, ты и молоток! Своевременно напомнила, моя умница! Этот сон выручить нас должен.

– Так рассказывай скорее!

– Я сначала тебе сообщу, что жизнь в разных странах устроена по-разному.

– Эх сказал! А то я без тебя этого не знала. Не забывай, что в школе работаю! Сон-то про что?

– Не спеши, Люся! Здесь с подходом нужно, иначе не осилим дело. Сон-то про Африку был. Сама знаешь, как там жарко. И оттуда к нам завозят разные тропические фрукты. Я так думаю, что в тропиках бабам зимние сапоги покупать не нужно, так же?

– Раз жарко и зимы у них нет, то зачем сапоги зимние? – сразу рассудила Люся. – Там и осенние сапоги, наверное, не требуются!

– Во-от! Соображаешь! И шубы не нужны. Да и другая теплая одежда – хоть в трусах и купальниках можно ходить. То есть там жизнь намного дешевле!

– Ты, никак, в Африку собрался переехать? А на какие шиши? Да и кому мы там нужны?

– Цыц, Людмила Федоровна, не торопись! Переезжать совсем не обязательно. Я другое придумал. Сейчас погода в мире меняется. У них – в теплых странах – даже иногда снег идет, а у нас жара стоит за сорок градусов. Помнишь десятый год?

– Помню. Ну и что?

– А то! Нам с тобой нужно бананы выращивать и продавать!

– Бананы? – недоверчиво переспросила жена.

– Да! А что тут непонятного? Участок у нас достаточно большой. Выкорчуем эти яблони с грушей и насажаем бананов. И будем ими питаться сами и другим предлагать. За определенную плату, конечно!

– Где же ты бананов найдешь, чтобы посадить-то? Что-то я на рынке банановых саженцев не встречала!

– Этот вопрос продумаем отдельно. Я тоже не встречал, но не в Африку же за ними ехать? Ты ведь знаешь, что кое-кто в наших садах виноград выращивает. Мелковатый, конечно, но настоящий! И едят, а также вино их него гонят. Сладкий виноград...

– Ты про бананы толковал! Зачем на виноград переходишь?

– Просто пример тебе привел. Потому как для выращивания винограда никто за саженцами на юг не ездил...

Целый день Хрумкин бродил, общался с друзьями, просматривал Интернет у соседа. Петрович работал с компьютером не шибко хорошо, но все сведения о бананах смог найти без особых проблем. Вечером он вернулся домой и, в очередной раз стукнувшись о потолок на входе, громко позвал свою Люсю, прикорнувшую в спальне. Жена сразу вскочила и живо поинтересовалась:

– Что-то новое раздобыл?

Вид у Петровича был не очень оживленный, что предполагало развитие событий совсем не по открывшейся утром перспективе.

– Самое главное, что мне удалось сегодня узнать, это телефон одного человека, который торгует банановыми черенками.

– Банановыми черенками?

– Оказывается, бананы не растут на деревьях, как ты думаешь, – Хрумкин не стал уточнять, что он и сам считал, что именно с деревьев снимают бананы после их созревания. – Бананы к растениям относятся. Можно сажать банановую семечку, но плодоносить растение начнет значительно позже, чем при размножении черенками. Даже дома выращивать бананы можно. У каждого окна, в горшке. Горшки будут большие, до тридцати литров. Солнечного света из окна для одного черенка хватит. А на улице мы его не вырастим, потому что банану нужно не менее

пятнадцати – двадцати градусов тепла, и зимой он замерзнет. Дом же мы с тобой газом прогреем до такой температуры даже и зимой.

– И сколько же бананов мы сможем собрать? – понурилась Люся. – У нас вместе с кладовкой всего-то семь окон. До продажи ли на сторону нам будет? Самим поесть не хватит!

– Придется, Люся, поменять тактику. Пока не размножим этот чертов плод, будешь работать! А я начну вплотную заниматься всеми банановыми проблемами, пока дело не пойдет так хорошо, что мы его сможем зарегистрировать в нужной конторе. Возьмем кредит для строительства надежной теплицы, и вот тогда будем работать только на бананы. Ты уволишься и станешь мне помогать. Через десять – пятнадцать лет, думаю, погода в Россию придет самая тропическая, а в Африке, даже в Сахаре, будет вместо песка лежать снег большими сугробами. Мы же в своем городке так с бананами развернемся, что в ту же Африку будем их экспортировать!

– И сколько же стоит один черенок?

– Около тысячи рублей. Купим два черенка – думаю, такую цену мы с тобой осилим. Потом они дадут отростки, и мы наберем их для всех окон.

– А когда же можно будет попробовать свой банан?

– Через три года...

Люся чуть не поперхнулась, но промолчала. Супруги Хрумкины уже долго жили вместе, и Люся точно знала, когда можно вставить свое женское слово, а когда нет.

С того дня как в доме появились два семимесячных банановых черенка в небольших горшочках, для Петровича настали тяжелые времена. Он даже поначалу спать нормально не мог, часто просыпался от страшного сна, в котором оба черенка напрочь засохли. Приходилось на всякий случай вставать и пальцами проверять землю в горшках на влажность. Но потом это вошло в привычку, и тревожные сны прекратились. Наступила зима, однако она не принесла черенкам вреда, потому что в доме было тепло, и воды для подлива в горшки и опрыскивания листьев растений хватало. Петрович делал все сам и терпеливо ждал результата. Всем знакомым Хрумкиных было видно, что человек сильно изменился – и пить бросил, и курить, но никто, кроме Люси, не знал, чем он теперь занимается. К слову сказать, Петрович имел схрон от жены в подвале, там он держал бутылку крепкого самогона, к которому его совсем теперь не тянуло по причине увлекательной работы с банановыми черенками. Он иногда подумывал, что самогон может понадобиться для ускорения роста этих неприхотливых

растений, но побаивался пока его применять из-за отсутствия подобного в мировой практике.

– Я даже не ожидала, что ты у меня такой заботливый к бананам окажешься, – как-то раз сказала жена, выпивая вечером второй стакан чая с грушевым вареньем и любовно поглядывая то на Петровича, брызгавшего воду на банановые листья, то на экран телевизора с бестолковой передачей про разругавшихся вдрызг сестер, не поделивших однокомнатную квартиру.

– Ты бы лучше сэкономила электричество, а то смотришь какую-то хрень, – проворчал Хрумкин, добавляя в распылитель отстоянную воду. – Нам урожая ждать еще долго, а деньги нужны для удобрений. И для горшков.

Люся послушно выключила телевизор, допила чай и спросила:

– Я чем-нибудь могу помочь?

– Да я почти управился, отдыхай.

Люся подошла к мужу и ласково погладила его по спине, любясь хорошо подросшим черенком. Из-под широких листьев виднелись листья небольшие, принадлежащие ответвившимся деткам.

Уже к весне супруги пересадили два выросших и пустивших длинные корни черенка в горшки большего размера, а деток отделили, и теперь у каждого окна зеленели субтропические растения. Четыре окна выходили на улицу Чернышевского, и оттуда можно было увидеть странные растения, совсем не похожие на цветы. Даже стали появляться люди, желающие расспросить хозяев дома номер пятнадцать о необычных насаждениях. Однако хозяйка не желала слушать вопросы и тем более на них отвечать. Про начавшийся банановый бум в покосившемся доме на Чернышевского не должен был знать никто! Люся, направляясь на работу, проходила мимо любопытствующих молча, будто глухонемая. А если в дверь долго звонил кто-нибудь особенно настойчивый, то появлялся Петрович с мохнатым Цыганом и позволял дворняге лаем отпугивать посетителя.

Надо отметить, что некоторым такая политика Хрумкиных не нравилась, более того – вызывала серьезные подозрения. Самые активные сообщили в полицию о том, что тут выращивают коноплю, готовятся весь город приучить к наркотикам. К Хрумкиным пришел участковый – лейтенант Брыковкин. В былые времена он проходил срочную военную службу в одной из южных республик и видел там вживую настоящие посевы конопли. У Хрумкиных же он ничего подобного не обнаружил. Петрович показал участковому свои растения и объяснил, что это привезенные старыми друзьями специальные бамбуковые цветы. Мол, они будут годами

красиво цвести и радовать глаз. После этого Брыковкин больше к Хрумкиным не заглядывал.

Тем временем бананы крепчали. Появлявшихся деток Хрумкины пристраивали за определенную плату в недалеко расположенный областной центр, где заранее были развешены на столбах рукописные объявления. Петрович паковал деток в мелкие горшочки и темными вечерами отвозил по нужным адресам на велосипеде с самодельным широким багажником. Деньги сразу превращал в доллары, а доллары складывал в черный полиэтиленовый мешок, который прятал в том же подвале рядом со ждущей своей участи бутылью первача. Петрович предупредил жену, чтобы в подвал сама не спускалась – мол, старая лестница может сломаться. Он не хотел, чтобы Люся раньше времени узнала о самогоне. Применять удобрения не входило в его намерения из-за необходимости тратить деньги и долгого ожидания результата.

– Какой-то биогумус... – ворчал при жене Петрович. – Лучше выпрошу в ближайшем селе ведро обычного навоза, привезу на велике...

Навоз он раздобыл, но решил применить по-своему. Когда Люся ушла на работу, Петрович развел его теплой водой и, превозмогая запах, добавил в раствор приличную порцию самогона из заветной бутылки. Смесь разлил по горшкам с банановыми черенками.

– Вадик! – позвала Люся, вернувшись домой. – А что это у нас за такой интересный запах? Будто на свиноферме, причем даже закусить хочется.

Петрович, опрыскивая листья бананов отстоявшейся водой, с неудовольствием ответил:

– Я ничего не чувствую!

Однако быстро открыл окна и проветрил все комнаты.

На следующий день стало заметно, что Хрумкин избрал правильную тактику: рост растений значительно ускорился. К концу лета бананы в порядке очередности стали цвести.

– А ты говорил – три года ждать! – обрадовалась Люся. – Такими темпами пошло дело, что мне скоро увольняться придется...

– Не спеши, – осадил ее Петрович. – Дождемся первых плодов, а потом решим.

У него еще оставались сомнения – все-таки первый опыт применения придуманного им удобрения мог и не принести желаемых результатов. Хрумкин определенно рисковал. Опять он не спал ночами и бродил с фонариком по комнатам, осматривал бананы втайне от жены: боялся, что те остановятся в росте и завянут. Но пословица о связи риска с поглощением шампанского оказалась верной – все обошлось самым лучшим образом! Уже

в декабре, несмотря на крепкие морозы, заглядывавшее в окна солнце позволило появиться первым зеленым плодам. А к весне они созрели, и супруги впервые смогли ими полакомиться. Конечно, комнатные бананы были меньшего размера, чем магазинные, но вкусом от тех не отличались. И тогда же Хрумкины заметили, что растения продолжают расти и, упершись в потолок, стали хорошо загибаться книзу.

– Люся! Про такое я ничего не знаю, – сконфузился Петрович. – Должны были только до потолка вырасти...

– Да пусть растут! – решила Люся. – Чем больше плодов, тем раньше можно будет начать продажу.

Хрумкин задумчиво и несколько подозрительно смотрел на растения и понимал, что теперь их трогать нельзя. Бананы продолжали расти по другому сценарию. А в кладовке начали накапливаться в ящике плоды для реализации. Вначале Люся отнесла попробовать пару килограммов на работу и предложила за половину магазинной цены директору школы.

– Где ты такие маленькие нашла? – изумилась Клавдия Ивановна.

– Мне предложили знакомые, – пролепетала Люся, не желая открывать правду. – Попробуйте, они дивно как хороши! И недорого...

Это была первая реализация товара, и вечером Хрумкины отметили ее торжественно: выпили сохранившуюся с Нового года бутылку шампанского. Остальные бананы в количестве четырех килограммов – первую выращенную партию – продала на рынке старенькая теща Петровича, проживающая отдельно от производителя уникальных фруктов, на другом конце города. Евгения Никаноровна к дочери и зятю никогда не ходила – боялась, что в одно из посещений дом обрушится, и ее жизнь прервется.

Первый урожай взбудоражил Хрумкиных. Ведь они не очень верили – особенно Люся, – что будет полноценный результат. Теперь же Петрович и его жена реально ощутили будущее изобилие бананов и начали планировать оформление документов на предпринимательство. Люся подала заявление на увольнение с работы и, уйдя в имеющийся в запасе отпуск, начала помогать мужу с бананами. Растения требовали все большего ухода, особенно после внесения новой порции спецудобрения. Это было просто удивительно: постепенно широкие зеленые листья заполнили комнаты, часть бананов цвела, а другая часть уже готовила хозяевам свои плоды. Петрович не успевал добывать ящики.

В начале июня в комнатах можно было прятаться друг от друга за разросшимися растениями.

– Вадик! – испуганно сказала как-то вечером Люся. – Что-то они очень быстро растут, ты не считаешь?

– Пусть! Больше зелени в доме – быстрее заполним ящики и отправим твою маму на рынок. У нас уже есть возможность купить подержанный автомобиль, буду им пользоваться. Не век же товар на велосипеде возить! – Петрович стоял, пригнувшись, под изогнутым банановым растением и с удовлетворением его рассматривал. – Ложись спать, завтра у тебя будет много работы. А мне еще нужно удобрить землю в горшках. Думаю, только к ночи управлюсь.

Когда Люся уснула, Хрумкин, используя последние пол-литра самогона, приготовил новый раствор с навозом и полностью разлил по горшкам. Он так умаялся за день, что не заметил, как резво ускорили рост побеги банановых растений. Еле пробравшись через живую зелень к двуспальной кровати, Петрович разделся и залез под одеяло к Люсе. В доме раздавался шелест продолжающих свой рост растений, но слушать его было уже некому – супруги крепко спали.

Петрович проснулся с первыми лучами солнца, но подняться с постели не смог. Что-то мешало ему – зеленое и тяжелое...

– Люся! – позвал он. – Ты спишь?

– Нет, но я не могу встать, меня придавило листвой...

– Да, у меня такая же беда, – сказал Хрумкин и начал искать способ освободить себя и жену от неожиданного плена.

Он слышал шелест листвы в комнате и не знал причины. Попробовал вылезти к краю кровати, отталкивая одеяло в сторону. Жена схватила его за руку.

– Вадик, я боюсь!

– Прорвемся, всякое в жизни случается! Старайся за мной держаться, – и он продолжил попытки слезть с кровати.

Люся пыталась ползти за ним, но у нее ничего не получалось: руки были опутаны листьями и не слушались.

К сожалению, Петрович также не мог похвастаться успехами в схватке с заполнившими всю спальню бананами.

«Неужели мне удалось создать идеальное удобрение? – подумал он, продолжая разрывать окутавшую кровать зелень. – Мог бы прославиться на весь мир, Нобелевскую премию отхватить...»

Он достиг края кровати, но свалиться с нее не смог, просто уперся в стену из банановых листьев. Едва повернув голову, Петрович обнаружил, что между ним и женой образовался зеленый занавес.

– Люся! – позвал он, испугавшись.

– Д... да, – прерывистым от усилий голосом отозвалась жена.

– Я... пытаюсь, но... у меня ничего не получается...

– Сейчас я выпутаюсь из этих чертовых зарослей и начну их вырезать... или вырубать... И доберусь до тебя...

– Вадик! А почему это произошло? Что случилось?

– Не знаю...

Хрумкин перестал разговаривать, чтобы не терять силы. Он пытался продвигаться дальше, разрывая листья по одному, но их было слишком много... И они шуршали, шуршали и шуршали, он чувствовал, что бананы вышли из-под контроля, они продолжали рост, причем рост этот убыстрялся с каждой минутой. Петрович понял, что силы на исходе. Еще немного, и он не сможет продолжать борьбу...

– Люся! – попробовал он громко крикнуть, но не получилось: голос у него неожиданно сел.

Ответа Петрович не дождался и еще дважды позвал жену – но с тем же результатом. Он попробовал повернуться, чтобы взглянуть в ее сторону – ему и это не удалось. Зеленые листья были вокруг: над ним, слева, справа, за головой... И они продолжали давить со всех сторон. В порыве гнева Хрумкин еще раз собрал все силы, разорвал уплотнившуюся зелень со стороны Люси и увидел ее застывшее белое лицо с раскрытыми глазами, в которых таился смертельный ужас! Рот был забит теми же зелеными листьями, которые были теперь всюду и с шелестом продолжали движение...

Люди, проходившие утром мимо дома Хрумкиных, увидели, как треснули и вывалились из окон стекла, а вслед за ними полезла на улицу сплошная масса зелени. Весь дом как будто слегка шевелился.

– Отбегайте! – крикнул кто-то, и все кинулись на другую сторону улицы.

У дома разом разошлись стены и съехала набок крыша. А к небу с июньским солнышком взметнулись огромные стебли странных растений с невиданными в этих краях цветами.

**Иван Йено
КОЛЛАЙДЕР**

В международном исследовательском центре продолжались обычные трудовые будни. Ученые обрабатывали результаты экспериментов и готовились к новым. Компьютерные системы работали на полную мощность.

Натренированная нейросеть. Могучий искусственный разум... А по сути – бестолковые железяки. Просто с неочевидными для внешнего наблюдателя внутренними связями, основанными на принципе весов.

Вряд ли машина может думать сама... или все же может? И как отличить искусственное от естественного?

Подобные мысли часто крутились в голове Ивана Сергеевича Панова, физика-теоретика из России. Он работал здесь с тех пор, как был сооружен ускоритель частиц. Некоторые экспериментальные узлы, ключевые для вычленения и интерпретации информации, придумал и разработал именно он.

Панов был очень увлечен своей работой. И, возможно, именно по этой причине был одинок в свои сорок с небольшим: ни семьи, ни близких друзей, только коллеги. Впрочем, большинство из них были такими же замкнутыми в себе исследователями. Панову некуда было уезжать на отдых, и свободное время, если у теоретиков вообще такое бывает, он проводил в кампусе местного университета, где ему предоставили превосходное жилье с видом на озеро. Основным участникам проекта было положено все самое лучшее. Исполняли даже их мелкие личные прихоти, которые, с точки зрения психиатрии, возможно, и ограничили с расстройствами, например: «Ни при каких условиях уборщица не имеет права смахивать пыль вот с этой моей любимой статуэтки». Начальство старалось не обращать внимания на такие причуды.

Единственное, чего не хватало Панову здесь, в приэкваториальной зоне, – смены времен года. Ни о каком снеге или осеннем пейзаже можно было и не мечтать.

Через несколько часов начинался очередной тестовый прогон пучков частиц по активной рабочей области. Но вначале предстояло тестирование незначительных усовершенствований в цепи электропитания, которые, по расчетам, впрочем, ни на что не влияли... разве только на долговечность и устойчивость самой цепи питания. Тестирование этих улучшений должно было пройти быстро и без проблем.

Сигнал оповещения о тридцатиминутной готовности застал Панова в туалете. Он стоял, не двигаясь, и глядел на свое отражение в зеркале. Жидкого мыла на руках уже не осталось, и струйка теплой воды теперь текла вхолостую, лишь увеличивая энтропию Вселенной.

– Внимание! Готовность «Альфа»! Всему персоналу вернуться на рабочие места! Внимание! Внимание! Внимание!

Иван Сергеевич поймал себя на мысли о том, что он ощущает себя как бы со стороны, а звуковой сигнал оповещения будто предназначен вовсе не ему. Да и вернул его в реальность не этот сигнал, а легкая вибрация смартфона в кармане рабочего халата. Вероятно, пришло очередное письмо местной спам-рассылки, назвать которую наиболее цензурно можно было бы так: «Ученые шутят». Панов не очень любил такой юмор и использовал эту рассылку только в качестве генератора случайных чисел. Когда нужно было определиться с важным решением, он дожидался получения подобного письма, принимал во внимание какие-то известные только ему детали из него, и на основании этого действовал.

«Самогипноз под воздействием зеркала. И, возможно, накопившаяся усталость. Ничего серьезного», – так подумала по крайней мере одна копия Панова. Та, которая находилась по эту сторону зеркала.

В кабине лифта он присоединился к еще двоим, спешащим с обеда. Они бурно обсуждали, как понял Панов, новые алгоритмы оценки «полезности» так называемых «сырых данных», генерируемых ускорителем в гигантских объемах.

Красное и белое свечение дежурных ламп, чередуясь равномерно, заполняло служебные помещения. Фактически на небольшой территории исследовательского центра сконцентрировались все знания и опыт человечества за тысячи лет – здесь можно было найти что угодно, от палки-копалки и молотка до новейших приборов, на определение назначения которых даже у специалиста могут уйти годы. Теоретики и практики с помощью этого оборудования посылали во Вселенную вопросы в надежде угадать правильный язык для общения с природой и получить долгожданный ответ.

– Какова же твоя сущность? Что же ты есть такое?

– На этот вопрос ты получишь ответ позже, ближе к концу нашего разговора, иначе возникнут неясности. Нужный путь все еще не пройден. И в привычном вашем понимании я все-таки «кто», а не «что». Я – живое.

– Получается, мы наконец-то обнаружили этот способ, позволяющий нам общаться с тобой?

– Не совсем. Причина в самих основах, которых вы еще не поняли или не приняли. Но я говорю не о каждом. Есть и те, кто

близок или уже осознал эти природные особенности. Система – цельная, взаимозависимая и взаимосвязанная. Мы с вами – одно. Несмотря на то, что существование и несуществование противостоят друг другу и не могут достичь друг друга, они по-прежнему – одна система. Они необходимы друг другу. И никак иначе. Именно по этой причине вы видите рождение пар частиц в вакууме – они нужны друг другу, чтобы просто быть. Как противовесы, определяющие сами себя. Несмотря на различия, они всё еще – одно целое. В известном вам так называемом «двух-щелевом» опыте частицы, за которыми вы перестаете наблюдать или, что более правильно, взаимодействовать с ними, переходят к самовзаимодействию, возвращаясь в исходную единичную волну, как бы проходящую сразу через обе щели. Эта волна и есть первоначальное самоуравновешивание явлений здесь, в существовании. То, что вы называете «пространством», является следствием асимметрии. И с ним можно очень эффективно работать. Неевклидова геометрия и теория одноэлектронной Вселенной, которые вы придумали, более близки к истине.

Панов обнаружил, что он находится не в офисе на рабочем месте, а стоит где-то в подвальном помещении и, по всей видимости, «общается» с коробкой из бумаги. И тут он испытал потрясение. В подвале не было зеркал, и ни о каком самогипнозе не шло и речи.

Как он оказался здесь? И для чего?

Коробка, на которую он пристально смотрел, шевельнулась, и из нее показалась морда кота. Или кошки. Да какая разница вообще, кот или кошка?! Он. Сошел. С ума!

Животное быстро исчезло в коробке.

«Пожалуй, я лучше спрячусь, чтобы не смущать твой разум», – отчетливо услышал Панов в голове.

«И не волнуйся, ты говоришь со мной, и ты не сошел с ума, – продолжал тот же голос. – Осталось совсем немного, и ты все поймешь. Все будет хорошо».

Иван Сергеевич понимал, что если он действительно нездоров, и это был приступ какой-нибудь шизофрении, то лучше дожидаться квалифицированной помощи, а не пытаться предпринимать какие-то радикальные шаги самому. Наверняка его уже ищут, и вскоре найдут и обязательно помогут.

Панов собрал всю волю в кулак и попытался успокоиться. В ожидании помощи он решил продолжить разговор со своим, теперь уже очевидно, болезненным видением, чтобы хотя бы получить ощущение контроля над ситуацией. Он рискнул сформулировать вопрос и понаблюдать, что будет происходить дальше.

– Что полезного можно извлечь из такого знания об Единстве, о котором ты говоришь? – спросил он вслух.

«Например, то, что любой существующий элемент можно стабилизировать. И ваша теория полураспада, использующая вероятности в расчетах, просто-напросто перестает работать. Вы неправильно понимаете сущность, которую называете слабым взаимодействием. Другой пример – то, что вы называете алхимией. Или ключи к трансмутации».

Панов не мог понять, откуда в его голове столько антинаучных и просто фантастических ассоциативных связей, ведь годы учебы и работы в университетской среде не должны были оставить и намеков на подобную чушь.

– Но почему именно я?! – вырвалось у него.

«Эти новые химические конденсаторные батареи в цепи генератора, предназначенные для выведения ускорителя на увеличенные мощности... Микроструктурный анализ одной из банок производил именно ты. Этого достаточно для связывания. Вы немного просчитались, и эффект получился выше запланированного. И это привело бы к гибели многих людей и другим тяжелым последствиям. Ты и я, вместе, здесь, забрали этот всплеск. Рождение и смерть. Мы – причина, и мы – следствие».

– Значит, я умер?

«Нет, ты же говоришь со мной. Несуществующие не существуют и тем более не говорят. Мы немного нарушили симметрию сейчас. Я взяла больше, но это не страшно. И да, последнее: мне бы хотелось, чтобы ты считал меня кошкой, а не котом».

И эта фраза, прозвучавшая в голове Ивана Сергеевича, была произнесена явно женским голосом.

Панов стоял рядом с генератором, в руках у него была слесарная фомка, по лицу струился пот.

Генератор был выведен из строя, его стальной кожух был взломан, и смятая защитная сетка, теперь бесполезно лежавшая на полу, будто бы побывала под прессом.

«Неужели это сделал я? – подумал Панов. – Но как я остался жив? Как я вообще смог сотворить такое с обшивкой под напряжением? Нахождение в помещении вблизи генератора во время его работы смертельно, вся высокоуровневая биология распадается на составные в течение десятка минут...»

Аварийное освещение и сигнализация отключились. Похоже, теперь напряжение с основных узлов было снято дежурными центрами. Опасность для персонала миновала. Оставалось надеяться, что никто не пострадал или, не дай бог, погиб.

«Как я буду объяснять все это?..»

Наталья Портнова ЛЮБВИ ВСЕ ОСОБИ ПОКОРНЫ

Аларель стоял по шею в холодной воде Бурного моря, связанный по рукам и ногам, и все его царапины нещадно жгло солью. Особенно ту, под шестым ребром слева, – чертова русалка почти насадила пирата на шпагу, и если бы ему не повезло поскользнувшись на палубе, то кормил бы он сейчас акул.

Да уж лучше акулья пасть, чем дьявольские когтистые лапы этих отродий!

Одна из них сидела на выступающей из моря скале, методично перебирая содержимое резного темно-зеленого сундука с золотым орнаментом. Аларель даже не задавался вопросом, как эта тварь открыла замок без ключа: русалочьи когти ценятся дороже всего как холодное оружие, что острее любого клинка и прочнее стали.

Сердце пирата плакало: все так тщательно собираемые сокровища, за которые их команда расплачивалась кровью, безжалостно летели в воду! И монеты из Древнего Темтуапа, и легендарные кинжалы царя Идлийского, и гребни для волос из сокровищницы королевского двора Мидлеров...

Ох, нет. Только не диадема!

Аларель облегченно выдохнул и расслабленно ссутулился, едва не набрав в рот воды, когда русалка на камне придирчиво повертела в своих длинных мертвенно-бледных пальцах похожую цветом на акулью шкуру диадему и отложила рядом с собой, что-то просвистев на своем напарнице.

Эта чертова диадема измотала пиратам всю душу! Будь трижды прокляты легенды, повествующие о несметных сокровищах Эхи-Лиша и его красавице-жене, чей взор пленял мужчин с первого мгновения знакомства! Четырехмесячное плавание с невероятными штормами, битвами и прочими напастями окупилось: диадема с сиренево-розовыми камнями невероятной красоты была найдена, вот только одного из бриллиантов – самого крупного, между прочим! – на месте не находилось. И все бы ничего, если бы чертов бриллиант не был частью карты, выложенной камнями на чертовой диадеме! Гр-р!

Надзирательница Алареля, кажется, неправильно истолковала его поведение и больно ткнула пирата набалдашником копья, шипя что-то на своем языке. Аларель лишь покривил губы и презрительно отвел взгляд в сторону. Смотреть на это лицо,

совмещающее в себе черты человека, глаза кошки и зубы акулы, ему было противно.

Русалочья раса и пираты уже не один десяток лет не могли поделить между собой водные просторы. Они беспрерывно воевали друг с другом за право зваться единственными владыками морей и устанавливать свои порядки на морских путях, и стычки вроде этой были не новы.

Под «стычками» с обеих сторон понимались грабежи и убийства.

«Парящую скалу», одно из самых быстроходных и громадных судов человеческой расы, эти проклятые кильки раскромсали в клочья всего за несколько часов. Аларель даже не знал, остались ли выжившие помимо него – русалки повязали пирата сразу же после битвы, застав его в обнимку с сундуком. По правде, Аларель хотел с ним утопиться – всяко лучше, чем прыгать в ручки к русалкам. Да не успел.

Вот и стоял у берега по шею в воде, как раз на такой глубине, чтобы мог дышать, но не мог сбежать.

– Эй! – окликнул он свою надзирательницу, и все русалки навострили и без того заостренные уши, расположенные на манер кошачьих. – Мокрятина, чего ты ждешь?

Лицо русалки искривилось в злобной гримасе, и она зашипела сквозь зубы.

– На-на-на, – помотал головой пират. – Вы умные тварюги, говорите по-человечески! Знаю, можете.

– Пр-рекр-рати болтать, – прорычала русалка и сощурила раскосые ярко-желтые глаза. – Не то я сож-жр-ру твой яз-з-зык.

Пират поморщился с издевкой:

– Уж прости, не намерен целоваться с холоднокровными склизкими бабами. Тем более вы там плаваете на глубине, жрете не пойми что... Фу, ну и запашок у тебя изо рта!

Русалка от злости принялась издавать глубокие гортанные звуки, больше подходящие свирепому хищнику, нежели сравнительно небольшому и хрупкому с виду созданию. Она подалась к пирату и занесла руку для удара.

Аларель заметил отблеск солнечный лучей на заостренных темных когтях и постарался уклониться, но в толще воды это было трудно сделать. Тем более, если ты связан.

Пират приготовился к скорой смерти. Он хотел встретить ее достойно, но, увы, человеческая натура брала свое, поэтому Аларель зажмурился и вздрогнул всем телом, не в силах бороться с инстинктивным страхом.

Русалка почему-то медлила. Когда же мужчина рискнул приоткрыть один глаз, то увидел, что его надзирательницу оттащили за

ширку и ремни, которыми были опоясано ее нагое серое тело, ее же напарницы. Они что-то настойчиво насвистывали ей на своем языке. Только та, что сидела на скале, осталась равнодушной, молча продолжая выкидывать в воду соковища.

– Я выпущ-щ-щу тебе тебе киш-ш-ки, зас-с-сранец! – еще пуще разошлась русалка, неистово лупя хвостом по воде. Удар гладкого серого плавника был подобен удару веслом, и Аларель искренне обрадовался, что морская тварь срывала гнев не на нем. – Сож-ж-жр-ру мясо, а кож-жу натяну на с-с-скалы, выс-с-суш-шу и...

– Дос-статочно, Рхи!

Надзирательница прекратила вырваться и испуганно взглянула на взявшуюся из ниоткуда русалку. Остальные тоже замерли.

Не серого, а, скорее, холодного жемчужного цвета кожа, более блестящие когти и тяжелые от воды косы отличали эту русалку от сородичей. Раскосые желтые глаза излучали мудрость и некоторое пренебрежение ко всему вокруг.

Русалки никогда не любили одежду, отдавая предпочтение легким каркасам, выполняющим роль брони, но эта светлокожая переплюнула их всех: когда она подплыла почти вплотную к пирату, тот вытаращил глаза, осознав, что верхняя часть русалочьего тела ничем не отличается от женского. И прикрыта она была лишь на самую малость ожерельем из потемневших от старости монет.

По всему ее виду можно было понять: статус этой русалки определенно выше тех, что повидал Аларель на своем веку.

– Это он, Найа. – Одна из серокожих русалок схватила пирата за горло, не давая ему отвернуться, пока эта самая Найа заинтересованно бегала взглядом по лицу Алареля. – У него был с-сундук.

– Диадема? – коротко спросила главная, щуря глаза.

– Без-з камня, капитан.

Взмахом руки Найа дала команду отпустить пирата, и русалка, сдавливавшая шею Алареля, отплыла в сторону. Капитан еще несколько секунд смотрела в глаза хмуро глядящему в ответ мужчине, а затем сама сжала его подбородок когтистой рукой.

– Не знаю я, где чертов камень, – процедил Аларель со злобой, стараясь увернуться от сжимающей его нижнюю челюсть холодной мокрой ладони. – А даже если бы и знал, то не сказал бы.

– Хр-рабрый муж-жчинка, – довольно произнесла русалка, приподнимая подбородок пирата и с оттенком гордости взирая на Алареля. – Хр-рабрый и кр-рас-сивый.

Найа провела кончиком когтя по щеке Алареля, и то ли месячная щетина, то ли заглубившая кожа спасли пирата от возможности приобрести тонкий элегантный шрам на лице в дополнение ко многим другим.

Аларель снова постарался уклониться от прикосновений врага, но капитан русалок со змеиной реакцией схватила его за грудки, притягивая к себе.

– Не трожь меня, мокрятина! – крикнул пират, дергаясь в воде в меру своих в прямом смысле ограниченных возможностей. – Не трогай, говорю!

– С-смешной, – как-то уж слишком довольно протянула русалка, а после сделала то, от чего Аларель и вовсе едва не взвизгнул. – Теплый...

– Слезь с меня сейчас же, сардина глубоководная! Да отцепись же ты!

Непропорционально длинный хвост русалки обвился вокруг пирата, а сама его обладательница прижалась к Аларелю со всей своей немалой силой, издавая нежные свистяще-шипящие звуки.

– Муж-жчина... – Капитан томно прикрыла глаза и провела ладонью по груди Алареля.

Остальные русалки – даже та, самая равнодушная из всех – зашипели наперебой. Они обступили пирата и обвиняющуюся вокруг него Найу, всплескивали руками, посвистывали, цокали, булькали и издавали множество других звуков – все это Аларель трактовал как обыденные женские разборки.

Найа же не обращала внимания ни на сородичей, которые пытались что-то втолковать своему капитану, ни на Алареля, хотя он нетерпеливо подпрыгивал, стараясь сбросить скользкий балласт.

Первыми сдались русалки. Прекратив верещать, они отступили и заняли прежние позиции. Та, что потрошила сундук, вернулась на скалу, к сокровищам, и с явным удовольствием принялась вешать на себя цветные бусы.

Аларель не собирался сдаваться так просто. Устав прыгать на одном месте, пират решил прибегнуть к старому доброму способу переговоров.

– Эй, дельфин недоделанный!

– Да, милый? – Найа продолжала прижиматься щекой к груди своего новоиспеченного возлюбленного и нежно погладила его по плечу, показывая, что она вся внимание.

– Тебе камень из диадемы нужен? Так вот, сам черт морской не в курсе, где его искать, а я уж тем более. – Пират снова дернулся для проформы. – Да пусти же меня, все равно не нужен!

– Нуж-жен! – запротестовала русалка, вцепившись когтями в разорванную рубаху Алареля. – Ты мой муж-жчина!

Аларель озадаченно крякнул.

– Это когда же я успел им стать?

– Вот как только увидела тебя, – промурчала Найа и мечтательно улыбнулась, – так и с-с-тал...

– Я не соглашался на это! Мокрятина, эй!

Капитан русалок лишь невинно заглядывала в глаза пирату снизу вверх, робко и покорно, и Алареля передернуло.

Во-первых, русалка была явно неадекватна.

Во-вторых, она на удивление красиво выглядела.

В-третьих, он влип.

Как убивать русалок, он знал давно. Как обездвигнуть – тоже. А вот что делать с влюбленной русалкой – не имел ни малейшего понятия.

– Ты такой кр-рас-сивый, – как-то жалобно прошипела Найа, проводя тыльной стороной ладони по заросшей щетиной щеке пирата. – Такой муж-жес-ственный...

Ух, эко сардину понесло!

– У нас-с, рус-салок, муж-жчин мало, и те с-слабенькие, – с грустным вздохом поделилась капитан, и ее тонкие, почти незаметные бровки сдвинулись к центру, образовав очаровательную складочку. – Я з-забер-ру тебя с-с с-собой. – Найа вновь прижалась к груди пирата.

Аларель каким-то мистическим образом поддался очарованию этой кильки, но вышел из оцепенения, когда раздался плеск брошенного в воду сундука.

– Куда ты меня собралась забирать?! А ну, пусти! Не то хуже будет!

Ни угрозы, ни просьбы на Найу не действовали: опьяненная любовью русалка в ответ на любую грубость своего мужчины лишь умилительно жмурилась, изредка поддакивая. В конце концов пират предпринял попытку достучаться до здравого смысла, который априори присутствовал у русалок как у разумного вида.

Должен был присутствовать.

– Мокрятина, головой своей подумай: человек и русалка несовместимы!

– Любовь с-сломает вс-се пр-рег-рады.

– Да не люблю я тебя!

– З-значит, полюбишь, – не терпящим возражения тоном отрезала капитан под стать своей должности и вновь превратилась во влюбленное недоразумение. – Я р-рас-стоплю твое с-сер-р-рдце!

– Ну не смогу я под водой жить! – взвыл пират, с мольбой кидая взгляды на остальных русалок. Те лишь равнодушно отворачивались или пожимали плечами, а кое-кто ехидно посмеивался. – Я же человек, дьявол тебя дери!

Найа и на эту претензию нашла управу: мол, русалочий город находится в огромной пещере, где дома стоят и в воде, и на суше, и попасть туда можно лишь через расщелину на дне моря,

и вообще, она не первая, кто влюбляется в человека, и живут все как-то, и детей заводят...

– Я женат! – Аларель зацепился за эту фразу, как утопающий за соломинку, и, мысленно читая молитвы, ждал.

От возмущения русалка перестала дышать, а ее подчиненные начали перешептываться.

– Ты ж-женат? – по-кошачьи прошипела капитан в лицо возлюбленному, и тот нервно сглотнул.

– Д-да, – голос пирата дрогнул. – Женат я.

Найа хищно сощурила раскосые глаза, и Аларель подумал, что сейчас она утопит его.

Конечно, он врал. Ну о какой жене может идти речь у пирата, когда он на сушу-то выходит раз в полгода? Но выбирая между браком с русалкой и женой на суше, Аларель однозначно выбрал бы второй вариант.

Найа долго и упорно всматривалась в глаза мужчины, затем пренебрежительно фыркнула и холодно заявила:

– Ж-жена твоя останется здесь. А ты пойдеш-ш-шь с-со мной.

И сказав несколько слов на своем языке другим русалкам, схватила ругающегося в голос Алареля и поплыла с ним в открытое море. Ибо настоящие мужчины на дне не валяются, и коль подвернулся – надо брать.

А любовь – дело наживное. Полюбит ее, никуда не денется...

Иван Ясников
МАЛЕНЬКИЙ ВОЯЖ

Летний ветер ласково веял в распахнутое окно. Призывно пошелестев страницами раскрытых учебников и конспектов, он снова убежал играть с листвою и прическами. При каждом его визите Анри одновременно радовался и раздражался. Всю неделю стояла приятнейшая солнечная погода, недоступная ему из-за сессии. Прямо как их староста Николь. В ее-то умной головке все даты и события соединены в прочные цепочки. На любой вопрос месье Рошалья – строгого профессора истории – она найдет ответ быстрее, чем он закончит вопрос.

Анри так не мог или не хотел. Во всяком случае, не в такую погоду и не в таком возрасте. Да, пожалуй, и не в этой жизни. Невозможно представить ничего скучнее копания в судьбах мертвых людей: любое их достижение умирает вместе с ними. Александр Македонский – и Македония. Чингисхан – и Монголия. Один построит, второй потеряет, третий захватит потерянное – бесконечная чехарда до прихода Наполеона Великого и после него. Вся разница – дерутся под разными тряпками или под одной. Тоска.

Где-то за окном мальчишки с криками вели футбольную баталию. Их азартная радость причудливо изменяла учебник: пушечные ядра обращались черно-белыми мячами, ровные каре бросались за ними, а вокруг метались желто-черные эскадроны со свистками наготове.

Анри вздохнул и взял со стола теннисный мячик. Откинувшись на спинку стула, он стал раскачиваться и запустил мяч над собой. Глаза тщательно проследили путь зеленого ядрышка к потолку и обратно. Рука прервала полет и тут же снова подбросила мяч. За этим нехитрым делом Анри придумывал план обходного маневра. Сначала надо встретиться с Жаком – тот хвалился, что достал копии ответов на прошлогодние билеты. Поль сможет сделать из них отличные шпаргалки. Их надо будет спрятать. В рукава пиджака или прикрепить к манжете? Нет, Рошаль такое видит насквозь. Под столом? Во внутреннем кармане? Рошаль принимает экзамены по истории уже лет двадцать и уж точно знает такие примитивные решения. Что же за дурной предмет эта история: запомнить невозможно, шпаргалки размером с полотенце, да еще и спрятать их негде!

«Боже, все бы отдал, лишь бы не нужно было учить все это!» – подумал Анри и снова бросил мячик вверх.

От злости бросок получился сильнее прежних. Мячик отскочил от потолка и, пролетев мимо рук студента, угодил тому прямо в лоб. Анри покачнулся, упал вместе со стулом и, кажется, потерял сознание.

В следующую секунду Анри обнаружил себя в плохо освещенном деревянном доме. Здесь так отвратно пахло, что тусклость освещения можно было списать на слишком густой смрад. В доме проходила странная вечеринка клуба исторического платья: все пришли в мешковатой одежде на старый манер или военных мундирах эпохи Расцвета Империи. Анри, бывавший на подобных встречах, чувствовал, что эта вечеринка отличается от других. Люди говорили с сильным акцентом, пили по-настоящему и – пожалуй, самое главное – не испытывали особой радости от этой вечеринки. Они выглядели так, как выглядят люди в привычной, а не праздничной обстановке.

Среди людей, сидящих за столами, мелькнуло знакомое лицо. Анри обрадовался, но никак не мог вспомнить, где видел этого парня. Решив узнать это во время разговора, Анри подошел к столику и спросил, может ли присоединиться к парню. Тот безразлично кивнул.

– Славное местечко! – сказал Анри, усевшись напротив. – Часто здесь бываешь?

Парень посмотрел на Анри, особое внимание уделив одежде, и спросил:

– Мы знакомы?

– Конечно! – и глазом не моргнув, солгал студент. – Я – Анри Пираль! Теперь припоминаешь?

– Нет.

– Может... может, я ошибся? – Анри изобразил смятение. – Как тебя зовут?

– Наполеон Бонапарт.

Это было так очевидно, что Анри удивился, как не узнал сразу. Ну конечно, это двойник Наполеона Великого – кому еще быть на такой вечеринке! Которая, правда, меньше всего походила на вечеринку клуба исторического платья. Все вокруг просто кричало о том, что он сидит в настоящем трактире с настоящим Наполеоном. Память услужливо вывалила названия дюжин книг и фильмов о перемещениях во времени. Усилием воли молодой человек сгреб их в сторону, высвобождая пространство для поиска выхода. Искать выход всегда лучше, чем сходить с ума от сомнений в действительности.

– Мы познакомились в кадетской школе Бриенн-ле-Шато, – припомнил студент свои конспекты.

– У меня нет друзей по Бриенну, – холодно заметил Наполеон и тем еще больше ослабил сомнения в своей реальности.

– Я не был вашим другом, – поспешил уточнить Анри. – Скорее – я не был врагом. Меня восхищала ваша любовь к Корсике, но не хватало решимости последовать вашему примеру.

Наполеон пожал плечами и снова пресек попытку контакта:

– Не люблю ни трусов, ни подхалимов.

– Ого! – искренне воскликнул Анри. – Это же те самые слова, которые вы сказали... тому самому генералу после победы над османами в битве при... м-м... ну когда вы еще сделали за него всю работу.

Наполеон посмотрел на Анри так, как смотрят на идиотов.

– Месье Пираль, вы говорите ерунду! Между генералом и лейтенантом есть немало чинов, принимающих командование. Кроме того, я не...

– Я все понял! – перебил его Анри. – Вы – это вы, который еще не стал тем, кем стал. Как я сразу не сообразил – на вас же французская форма!

– А какая еще на мне может быть?! – изумился Наполеон.

– Так русская же! – выпалил Анри. – Вы же вот-вот пойдете на службу к русскому императору.

Наполеон схватил дерзкого собеседника за воротник и притянул к себе через стол.

– Понятия не имею, кто вам разболтал, но лучше бы вам заткнуться! – Оттолкнув Анри, лейтенант продолжил: – Я не могу ни принять их предложение, ни отказаться. Если я соглашусь, то потеряю в чине и жаловании. Но и оставаться во Франции не имеет смысла – здесь вообще нет карьеры, а скоро не останется и денег.

Анри совершенно не разделял уныния лейтенанта.

– Да у вас будет самая стремительная карьера в истории! Когда османы и Англия начнут войну, вы будете получать чины быстрее, чем портные – шить вам мундиры! А потом возвратитесь со своими войсками в Петербург героем-победителем и, легко совершив дворцовый переворот, станете императором!

В этот раз Наполеон уже не сомневался – перед ним был именно идиот.

Анри понял, что его словам не доверяют, и потому с жаром начал вываливать все известные ему факты, безбожно путая хронологию и действующих лиц. Наполеон слушал его все с тем же недоверчивым видом, но не прерывал.

Наконец Анри замолчал. Наполеон долго смотрел на него, обдумывая услышанное, а потом произнес:

– Если хотя бы десятая доля сказанного вами имеет отношение к действительности, то вы самый опасный человек во Франции.

И прежде всего – для самого себя. Вы слишком громко предрекаете нежелательное. Например, скорая революция: сторонники убьют вас за разглашение тайных замыслов, противники – за распространение слухов. Если же она действительно случится, если вторгнется Англия, а мой, как вы его назвали, стратегический гений окажется настолько хорош... если все это будет именно так, то мне нет никакого смысла терять время в России. Оставшись во Франции, я смогу разбить роялистов и английские десанты еще до того, как они соединятся в указанных вами местах. А после сам высажу десант на острове еретиков, разгромлю их и пройду через Пруссию до Петербурга.

Наполеон расхохотался, довольный пришедшей ему в голову неожиданной мыслью.

– Посмотрим, в каком звании они примут меня тогда!

За соседним столиком услышали его последние слова и решили пошутить в меру своего опьянения.

– Прими-ка вот это! – гаркнули за спиной у Наполеона, и в затылок ему полетела пустая кружка.

Однако пьяный метатель промахнулся – кружка угодила не в Наполеона, а прямо в лоб Анри. Вокруг раздался хохот – и тут же затих...

В следующую секунду Анри обнаружил себя лежащим на спине в своей комнате. Из раскрытого окна доносились крики детей, играющих в футбол. Ветер шелестел страницами на столе.

Анри поднялся с пола и побрел на кухню за льдом для ушибленных лба и затылка. Вернулся, поставил на место опрокинутый стул. Все еще плохо соображая, подошел к столу с конспектами и учебниками. И тут его взгляд зацепился за текст:

«В июне 1812 года был начат поход Наполеона на Российскую Империю».

Анри усомнился в верности своих глаз и перечитал это предложение трижды – но каждый раз слова несли один и тот же смысл. Забыв про лед и боль, студент наискось пробежался по параграфу. Война с Россией? Немыслимо! Все это походило на чью-то ловкую шутку. Но, пролистав учебник до сорок второй страницы, он увидел там записанный когда-то телефон старосты Николь. Это был его учебник. Но откуда в его учебнике истории взялся поход на Россию?!

Напрашивался только один ответ: из истории.

Анри разыскал главу о карьере Наполеона Великого. Оказалось, что теперь никакой он не Великий, а всего лишь Наполеон I Бонапарт и никогда не служил в Российской Империи. Зато упрямо добивался от Франции большего, чем могла добиться сама Франция.

А самым ужасным было то, что эти события, как и все последующие, изобиловали датами, названиями и именами, о которых Анри Пираль не имел ни малейшего представления. Это полностью обнуляло шансы сдать экзамен месье Рошалю – а студент ни на миг не сомневался в том, что месье Рошаль существует в любом историческом завитке.

Схватив с пола треклятый теннисный мяч, Анри со всей силы запустил им в стену. Тот бойко отскочил в многострадальный лоб студента, но принес только вспышку боли. Никаких наваждений, никаких перемен в учебнике.

Машинально взяв пакет со льдом и приложив его к голове, несчастный студент опустил на стул с единственной мыслью: «Господи, лучше бы я просто выучил историю!»

ПОЭЗИЯ**Николай Проценко
НЕОТВРАТИМОСТЬ**

СУК

Я сидел на суку,
небо подпирая.
А под дубом внизу
выла волчья стая.

Я сидел на суку,
топором махая.
Сук срубил. И меня
съела волчья стая.

THE BOUGH

I sat, propping the heaven up, on a bough. And the wolf pack howled under the oak below.

I sat, brandishing with the axe, on the bough. I cut this bough down. And I was eaten by the wolf pack up.

DER AST

Ich sass auf dem Ast, unterstuerzte das Firmament. Und unter der Eiche, unten, das woelfische Rudel heulte.

Ich sass auf dem Ast, mit der Axt hin und her schwenkend. Ich schlug den Ast ab. Und das woelfische Rudel verschlang mich.

ТУПИК

Я в скале в тупике.
Перед взглядом – стена.
Сзади – дверь на замке.
Снизу – пропасть без дна.

Сзади в двери – замок.
Справа, слева – стена.
И стальной потолок.
Снизу – пропасть без дна.

THE DEADLOCK

I am in a rock in a deadlock. In front of me before my eyes there is a wall. Behind me there is a locked up door. Below there is an abyss without bottom.

Behind me there is a lock in the door. To my right, to my left – there is a wall. And there is a steel ceiling. Below there is an abyss without bottom.

DIE SACKGASSE

Ich bin in dem Felsen in der Sackgasse. Vor den Augen ist die Wand. Hinter ist die abgeschlossene Tuer. Unten ist es der Abgrund ohne Boden.

Hinter ist das abgeschlossene Einlassschloss in der Tuer. Rechts, links sind die Waende. Und oben ist die staehlerne Decke. Unten ist es der Abgrund ohne Boden.

МНЕНИЕ**Алексей Корепанов
ВОЗВРАЩЕНИЕ – КУДА?*****О романе Станислава Лема «Возвращение со звезд»***

Это отнюдь не критическая статья, и не рецензия, и не анализ идей, содержащихся в произведении выдающегося польского писателя. Это просто попытка поделиться своими впечатлениями от романа. Причем в разное время эти впечатления были разными. Наверное, тут подойдет определение «эссе» (хотя слышится мне в этом слове нечто манерное).

Читая роман в первый раз, я не знал, что сам автор считает его неудачным, поскольку, по его словам, «центральная для этой книги проблема искоренения социального зла рассмотрена слишком уж примитивно и неправдоподобно» (С. Лем, «Моя жизнь»). Я тогда обратил внимание совсем на другое, о чем и сделал вот такую запись в своем дневнике:

«18 августа 1970. Прочитал «Возвращение со звезд» Лема. Там есть одно место: говорится о бессмысленности полетов к звездам. Люди улетают с Земли, встречают иную цивилизацию, получают новые знания. Но пока они летели, на Земле прошли столетия, и то, что узнали космонавты, давно уже открыли люди на Земле.

И цивилизация, которую встретили космонавты, не стоит на месте, развивается, и пока корабль летит назад, к Земле, эти знания стареют. Вот и выходит, что полет не был нужен никому. А вторая сторона полетов: время в летящем корабле течет медленнее, чем на Земле, и поэтому, вернувшись назад, космонавты будут «гостями из прошлого», оторванными от людей Земли, они переживут свой век и не встретят ничего знакомого.

Все это верно. Но вряд ли нельзя найти выход из этого положения. Если людям дана возможность полетов в космос, то можно добиться и разрешения тех противоречий, о которых говорилось выше. Может быть, будет преодолен световой барьер (Эйнштейн пошел дальше Ньютона, совершил революцию в физике, а кто-то пойдет дальше Эйнштейна), может быть, будет осуществлено движение в «нуль-пространстве», может быть, люди достигнут того, чему еще нет названия, о чем еще не можем знать и чего еще не можем предвидеть мы, как питекантроп не мог предвидеть современных ракет или знать устройство Вселенной (чего, кста-

ти, не знаем еще и мы) – я верю только в одно: нет таких задач, которых не мог бы разрешить человек, а поэтому, когда во весь рост встанут противоречия, которые таят в себе межзвездные перелеты, люди разрешат их и устремятся в глубины космоса. Это же элементарная философия! Противоречия назрели – и познание совершает качественный скачок, разрешая их».

Большим оптимистом я был тогда...

Тогда, в те годы, мне интересна была история любви вернувшегося со звезд Эла Брегга. Мне были интересны его рассказы о том, что ждало этих людей там, среди звезд. Но и в те времена концовка романа вызывала у меня смутное чувство неприятия. Потом это чувство стало вполне отчетливым.

Но сейчас о другом. Прошло много лет, и я, перечитав роман, очень ясно осознал два его, несомненных для меня, достоинства.

Первое – восхитительнейшее, вызывающее белую зависть (потому что понимаю: мне так не написать никогда) описание мира будущего глазами вернувшегося из космической экспедиции Эла Брегга. Глазами человека, покинувшего планету сто двадцать семь лет назад и ничего не смыслящего в ее сегодняшних реалиях. Первые семнадцать (!) страниц романа занимают описания полета Брегга от Луны до Земли и его блужданий по космическому вокзалу. Эти картины созданы настоящим мастером! Эл Брегг ничего не понимает, он растерян, он мечется в поисках выхода из космопорта, тонет в водовороте чудес, созданных за то время, пока он отсутствовал на Земле. Пожалуй, неандертальцу было бы гораздо легче сориентироваться где-нибудь в аэропорту Хитроу наших дней или на берлинском железнодорожном вокзале. Это просто умопомрачительные сцены (во всяком случае, для меня), затягивающие главного героя в невероятно изменившийся мир. А точнее, преграждающие вход в этот мир.

Второе – то, о чем я упомянул в своем дневнике. Проблема, всю глубину которой я ощутил далеко не сразу. А когда ощутил – мне стало холодно и жутко... Я просто поставил себя на место Брегга и понял, как бы я чувствовал себя, если бы перенесся на сто тридцать лет в будущее и оказался в совершенно чужом для меня мире. И дело тут даже не в том, что вокруг будет царство непонятных технических новинок – к этому раньше или позже, но можно приспособиться. Дело в другом. Дело в безбрежном, разрывающем душу одиночестве. Нет, не так – в ОДИНОЧЕСТВЕ. Все те, кого ты любил, все те, кого ты знал, уже мертвы... И это, по-моему, самое страшное. Выдержит ли психика такое потрясение? Да, Эл Брегг и другие участники экспедиции знали, что именно так и будет, и, вероятно, приучили себя к этой мысли. Хотя не знаю, можно ли сделать так, чтобы эта мысль стала

привычной. Думаю, именно поэтому межзвездные перелеты через «обычное» пространство никогда не станут реальностью. Кто захочет добровольно вычеркнуть себя из привычного мира и по возвращении погрузиться во все чужое? Кто захочет обречь себя на это ужасное одиночество? Возможно, добровольцы и найдутся, но меня в их числе не будет точно. И эта вот ситуация, придуманная писателем-фантастом, стала для меня не просто неприятным ощущением, а чем-то близким к потрясению. Вы только вдумайтесь: одиночество в чужом мире, и могилы, могилы, могилы близких людей... Пропустите это через себя – и вы, надеюсь, поймете меня.

И третье – концовка романа, о которой я уже упоминал. Я не верю, что спасением Брегга станет любовь, что она поможет ему приспособиться к новому миру. Думаю, все поведение Брегга свидетельствует не о любви, а о влюбленности... да и любовь имеет привычку угасать с течением лет. Любовь не станет для Брегга тем якорем, что привяжет его к чужой для него Земле (даже если бы и не было никакой бетризации населения!), он не перестанет чувствовать себя одиноким... и вернется к звездам, как и другие участники экспедиции. Цена межзвездного перелета – потеря Земли для тех, кто решился улететь от нее. Потеря – навсегда. И завершать свою жизнь им придется там, среди звезд.

Я не собираюсь выдавать свое мнение за истину в последней инстанции. Это просто мое мнение. Которое я выразил и в своем рассказе «Возвращение на звезды».

Уж лучше жить в своем времени...

Джерри ТУДА И ОБРАТНО

Душно и муторно. Не спится. Простыня омерзительно липнет к спине. Если поворачиваешься, она послушно пытается повернуться вместе с тобой и только позже нехотя отслаивается.

К утру приходит Она. Мягко гладит по голове ледяной рукой, чуть взъерошив волосы. А может, это не она, а рассветный ветер из окна.

– Я тут, – тихо шепчет. – Я вернулась.

Она – это депрессия.

Мы с ней знакомы так давно, что наши отношения больше похожи на роман.

Я наперед знаю все, что будет происходить. Я тысячу раз слышал то, что Она будет говорить мне, но каждый раз как будто впервые ныряешь с головой в эту ледяную воду. Ныряешь, беспомощно хватая несуществующий воздух ртом. Я перепробовал тысячу рецептов – таблетки, психотерапия, спорт, медитация. По нулям. Кажется, Она просто на меня запала. Возможно, это взаимно – спустя столько лет и совместных воспоминаний уже и не поймешь.

– Скучал без меня? – Она уже уютно устроилась у меня в ногах.

Вздыхаю и переворачиваюсь на спину, простыня тянется за плечом.

Мерзко. Надо в душ.

– Не особо, – рассматриваю угол. Там притаился паук Васька.

– Не начинай, я не в настроении.

– Нет, ныряй сейчас, – говорит Она и нетерпеливо закрывает мне глаза.

Я оказываюсь на дне депрессии.

Я же человеческим языком просил: не сейчас. Честное слово, сама виновата.

На дне живет моя знакомая толстая девушка. Тут в целом неплохо, иногда сквозь тучи пробивается солнце, а когда толстуха вращает попой, переваливаясь с ноги на ногу или, трясая жирными щеками, кричит на меня, то жизнь вообще вполне сносна – настолько забавны эти зрелища. Унылая речка течет, болтая в своих мутных водах маленьких мертвых зверушек. Серое свинцовое небо дышит траурной осенью. Моя жирная подружка сидит на берегу.

– Ну что тут у тебя новенького? – спрашиваю как старого друга, с некоторым воодушевлением.

– Падаль, как всегда, – подружка кривит рот, обнажая ряд желтых зубов. – Вчера лиска проплыла. Красивая – ух! Белый животик, рыжая мордочка...

Правда, она хороша? Прямо при встрече – сразу под дых. Мне жалко животных. Каждый раз мне кажется, что они здорово страдают из-за моей депрессии. Мертвые зверушки для меня – всегда удар ниже пояса, а тут целая лисичка.

Но не сегодня.

– А солнышко-то у тебя тут припекает, – ехидно замечаю, взяв себя в руки. – Почти курорт. Вон как ты загорела и посвежела.

Жируха сердито сопит. А никто не обещал, что быть моим депрессивным глюком – легкая работа! Толстые пальчики быстро перебирают подол грязной юбки.

– Лес умирает. Воздух здесь ядовитый, – вздыхает она, театрально закатывая глаза. Ветер ворочает жирные волосы на голове толстухи.

Я смотрю на противоположный берег – деревья там послушно высыхают на моих глазах, торопливо сбрасывая желтую листву. Одно дерево так спешит, что, чересчур накренившись, выдирает свои корни из земли. И падает с жутким треском, образуя мостик над болотцем.

– Вот видишь, – опять вздыхает жируха.

На упавший ствол запрыгивает толстая жаба и радостно – не вру, именно радостно – квакает.

Я повожу головой:

– Гляди, как ловко.

– Ты меня достал, – надувается толстуха. – Какой-то ты незрелый в этот раз. Иди-ка ты отсюда, а?

Я проваливаюсь на дно дна депрессии, и меня тотчас чуть не сбивает серый грузовик. Успеваю запрыгнуть на бетонную тумбу в основании моста. Сверху капает что-то соплистое и липкое. Отвратительно воняет грязными носками. Влажно так, что тяжело дышать. Мимо мчатся фуры и грузовики. За пределами моста – проливной дождь. Мне туда.

Бреду по длинной бетонной тумбе. Где-то тут меня ждет встреча с моим следующим депрессивным глюком – мальчишкой лет десяти. У него вши, вечно сопливый нос и родители-алкоголики.

– Явился – не запыхался, – скрипучим голосом говорит пацаненок.

Я уже вымок до трусов. Пролетающие машины окатывают меня волнами ледяной воды.

– Привет, малец, – киваю ему. – Что новенького?

– Папка вчерась квасил, – привычно заводит слезливым голоском свою волюнку мальчишка, попутно вытирая нос драным рукавом. – Схватил табуретку и на нас с мамкой кинулся... Братика грузовик сбил... Жучку бомжи на пустыре сожрали... Метро, говорят, подорожает...

– Ты мне это в прошлый раз говорил, – напоминаю я. – Нового-то чего? Может, сериал какой посмотрел прикольный?

– Дядя, ты тю-тю? – Пацаненок оборачивается ко мне, и я впервые вижу, что у него серые глаза. Не водянистые и безразличные, как ливень вокруг и зловонные лужицы под мостом, а ярко-серые, как асфальт сразу после дождя в лучах солнца.

– Да брось, – я усаживаюсь рядом с мальцом. – Рассказывай давай, что у вас тут смотреть принято, на дне дна моей депрессии.

– Ну, – пацаненок чешет затылок, – по вечерам мы смотрим порнуху с твоей бывшей и ее новым хахалем.

– Да ладно, тебе же восемнадцати нет! – возмущаюсь я.

– И не будет, – ехидно говорит мальчишка. – Я от туберкулеза раньше помру.

Я хмыкаю:

– Ври да не завирайся. Ты – плод выдумки моей депрессии. По сути, бессмертное существо. Возможно, божественного происхождения.

Пацан косится на меня и как-то странно шмыгает носом.

– Ты это... что сейчас ляпнул, а? – тихо интересуется он. – Какого, на фиг, божественного происхождения? С дуба упал? Думаешь, если ты на самом дне депрессии, можно вести себя, как скотина, да, дядя? За языком своим следи, вот что!

– Какой ты милый, малыш, – улыбаюсь так, что пролетающие мимо грузовики истерически сигналият. – Уже решил, куда поступать будешь, когда школу окончишь?

– Мааааааа! – пацан вскакивает, с ужасом глядя на меня. Срывается с места и с воплями мчится к серым халабудам по другую сторону дороги. – Мааа, мамочка-а-а! Этот козел меня доведет, я те клянусь!

– Выучи столицы всех государств! – назидательно ору ему вслед. – Приду в следующий раз – проверю!

Пацан оборачивается, его лицо красное от слез. Он молча показывает мне непристойный жест, и...

...я снова проваливаюсь. Я на днище дна дна депрессии. А давно я тут не был, честно говоря.

Это как метро, но без метро. Огромный тягучий подземный переход без единой лестницы наверх. Вместо ярких светильников – лампочки, расплывающиеся дрожащий свет. Где-то впереди раздаются звуки негромкой беседы. По краям прохода сумрак

сгущается, в нем копошатся жирные крысы, которые что-то – а возможно, и кого-то – жрут. У меня в руках – тяжелый, как мой характер, чемодан. В нем труп. Зачем он туда забрался – не могу взять в толк, ему явно тесно в чемодане. Я слышу, как труп сердито пыхтит. Ставлю чемодан на пол и открываю его. Труп удивленно смотрит на меня.

– Ну хорош, – говорю ему. – Чемодан с трупом – это для тех снов, когда у меня высокая температура. А в депрессии моей ты что делаешь?

– Как что? – пожимает плечами покойник. – Антураж создаю. Атмосферу нагнетаю. Вообще, не знаю, я Ей тоже говорил, что это уже перебор. Хотя мне-то что, у меня оплата фиксированная.

– Ей? – переспрашиваю я.

– Ну этой, фифе этой твоей, – раздраженно поясняет труп. – Депрессии. Но Она ж у тебя баба совсем безмозглая.

– Есть такое, – ухмыляюсь я. – Сам ее разбаловал, никогда границ ей не ставил, вот Она и пытается творить, что хочет. Но фигушки. А теперь поднялся и топай отсюда, хорошо?

– Никакого уважения к мнимым покойникам! – возмущается мой собеседник, вылезая из чемодана. Он не очень хорошо владеет телом. – Надеюсь, расчет-то будет по договоренности, как сверхурочные?

– Это не со мной обсуждай, – я пинаю чемодан. – Вали отсюда. Шкандыбай куда подальше.

Труп презрительно поджимает губы, плетется прочь и исчезает в полумраке.

– Жаловаться на тебя буду! – доносится уже издали.

Валяй, жалуйся. Интересно, кому?

И тут подходят они. Хорошо, что я покойника успел отправить восвояси.

– Слышь, Вася, курить есть? – спрашивает парень в белой кепке.

У него очень, очень сильная правая. Я вспоминаю об этом, и мне заранее становится больно, немножко страшно и тоскливо. Сейчас меня будут бить.

– Угости братков, не жлобись. Слышь, Вась? – еще один в фирменном «Абибасе», через полморды шрам.

Кулаки у них чешутся. Не люблю с этой гопотой встречаться. Хотя... с какой радости?

– Не курю, – отвечаю с вызовом.

– Че, впадлу братков угостить, да-а? – с обидой говорит Белая Кепка.

Абибас одобрительно кивает, двигаясь на меня.

– Эй, молодые люди! А ну, тихо! – лающий голос из-под стены. Это что-то новенькое. Оно блестит сердитыми глазами и проявляется из огромной бумажной коробки вонючим и оборванным бомжом. – С этого дня новый порядок по нашему днющу, ясно? Идите, подпшите бумажку, что прослушали инструкцию по технике безопасности, а то придется весь уровень аннигилировать.

– Не понял, что за новшества? – возмущается Абибас, почесывая репу. – Почему нас не уведомили в трехдневный срок до начала операции?

– Непредвиденные обстоятельства, – отвечает бомж. – Этот, – он кивает на меня, – меняет правила игры на ходу.

– Козлиииина непунктуальная, – обиженно тянет Белая Кепка.

– Ты че, а? – Абибас стартует на меня. – Ваще краев не видишь, да-а? Рамсы попутал?

– Ты не зарывайся, – мягко отодвигаю его. – Моя депрессия, что хочу – то и делаю.

– Слышь, Вася, да мне по барабану, кто у вас там главный – ты или твоя, – Абибас дергает головой, будто вправляя позвонок. – Я не понял, че, с каких это пор заказчику все можно, а?

– Уймитесь, молодой человек, и оставьте ваш автограф под документом, – напоминаю язвительно.

Пробормотав что-то про оплату исполнителям в условиях форс-мажорных обстоятельств, Абибас выхватывает у бомжа договор и черкает закорюку огрызком карандаша.

– Дубина, – беззлобно тычет его в плечо Белая Кепка. – Какие, на фиг, форс-мажорные, если этот фраер в одностороннем порядке крутит условия депрессии, как фокусник мартышку?

Все косятся на меня. Я прочищаю горло и бросаю на бомжа испытующий взгляд. Бомж заглядывает в шпаргалку.

– Пацаны, я не думал, что до этого дойдет, – вздыхает он и ныряет в коробку.

Спустя миг бомж выныривает, и в руках у него белая, яркая ромашка. Не вру – ромашка! Он тяжело вздыхает, крутит носом и лучезарно улыбается беззубым ртом. В его глазах стоят слезы.

– Все будет хорошо, – обещает бомж срывающимся голосом, протягивая мне ромашку.

Белая Кепка тихо стонет. Абибас отворачивается.

– Спасибо, добрый человек, – ответно улыбаюсь я, принимая цветок.

– Катись отсюда, – скрежещет зубами Белая Кепка.

Абибас протягивает бомжу платок, и тот промокает выступившие слезы.

– Больно, чертовски больно, – жалуется он гопникам.

Те печально кивают.

– Скажите спасибо, что я не потребовал обнять меня и по плечу похлопать, – язвительно говорю я.

Белая Кепка брезгливо морщится.

Я разворачиваюсь и, чуть пританцовывая, иду вперед по подземке. Почему-то навязчивая картинка не исчезает. Наверно, Она судорожно пытается приготовить для меня следующее дно, днище в квадрате, но это требует времени. Птичка моя, ты была не готова. Это даже приятно, мне впервые удастся тебя удивить.

И тут я вижу ее, мою знакомую жируху. Она пристроила свой необъятный зад на мраморном парапете и сидит, опираясь на стену. Девушка успела переодеться в затасканные джинсы и толстовку. Эти дурацкие джинсы, с дырками. Ее бледные ноги выглядывают в прорези и чем-то неуловимо напоминают колбасу. Вареную – знаете, со складочками и нитяными перемычками. Жируха надвинула капюшон чуть ли не до самого носа и затягивается вонючей сигаретой.

– Ты смотри, кто тут, – удивляюсь я. – Что же мы тут делаем, Королевадохлых зверюшек и мест с плохой экологией?

– На перекуро вышла, – вздыхает толстуха. – Имею право согласно трудовому договору. А то живу у тебя на дне депрессии, будто мне самой заняться нечем. А я похудеть хочу. Одежду красивую купить. Платье и чертовы каблуки. На свиданку пойти. А нет, сиди как проклятая, охраняй твоих вонючих мертвых зверушек в речке.

– Так похудей. Спортом займись. Бегай по утрам до лесочка и назад, – я мягко толкаю ее в бочок.

– Дурак, – тихо шипит жируха.

У нее трясутся щеки, она плачет. Мне никогда не приходилось еще успокаивать сотрудников своей депрессии, и я не знаю, как нужно себя вести с придуманными жирными девушками.

– А хочешь, я отменю дно депрессии? – спрашиваю внезапно.

– Ты че, с ума сошел? – в глазах жирухи неподдельный ужас. – А где я работать буду?

– А ты не будешь работать, – помахиваю ромашкой. – Ты похудеешь и будешь на свиданки бегать. Куда сюда еще и работу воткнуть? График и так плотный.

Глаза жирухи подозрительно блестят. Она хищно облизывает тонкие губы.

– А остальные что? Удалишь мое дно – в другие проход будет закрыт навсегда.

– Обещаю по ним не скучать, – ухмыляюсь я. – Ты не переживай, надо будет – моя что-нибудь другое придумает. Она у меня фантазерка. Вообще, по секрету тебе скажу, я с ней разводиться думаю.

Впервые в глазах жирухи вижу неподдельный интерес к происходящему.

– Ну давай, решайся, – и я сую цветок ей прямо под нос. – Попробуй, погадай на ромашке: любит или не любит?

Девушка недоверчиво берет ромашку, вертит его в руках и аккуратно отрывает лепесток.

– Любит, – тихо бормочет она.

Я ухмыляюсь и сообщаю:

– Дна депрессии первого уровня больше нет.

В тот же миг я оказался на своем диване в луже пота. Она смотрела на меня с легким испугом и нескрываемой обидой.

– Вот засранец, – прошипела Она. – Ты зачем все уничтожил? Мне теперь заново все, да? С нуля? Опять двадцать пять?

– Милая, я ведь предупреждал тебя, что сегодня не в духе, – и я расплылся в улыбке. Думаю, со стороны это больше напоминало оскал.

Она вскочила с дивана и выпорхнула в окно, с досадой хлопнув оконной рамой. Обычные женщины после такого больше не возвращаются, но с этой ничего нельзя знать заранее.

– Попробуй медитацию, крутая штука. А не поможет – обливайся холодной водой по утрам! – крикнул я ей вслед.

Блин, как же душно. Надо принять душ.

Алина Неборская ОН ПРИВЕЗЕТ МНЕ ЗВЕЗДУ

Твои слова, как воздух, незримы для меня.

Где ты?

Я все еще задыхаюсь от осознания, что теперь идти придется самой. Без твоей поддержки. Без опоры.

И все же, когда мне грустно, я могу прийти сюда...

Тот день мне хорошо запомнился...

По телевизору должны были показать очередную серию моего любимого мультфильма. Но мне запретили включать телевизор. Пульс в руках, а нажать нельзя.

Мама закрыла все окна, хотя было так душно. Я задыхаюсь от жары, от возмущения, от непонимания. Перед глазами полосатые обои, в которых заблудился взгляд.

Все волнуются, бегают из комнаты в комнату. Мамины тихие шаги и удары моего сердца одинаково громко звучат в голове. Топ-стук. Топ-стук. Топ-стук. Тикают часы им в такт. Тик-так. И я готова закричать от этого повторяющегося звука. Как громко. Как страшно.

Хлопает дверь, и мама запирается от меня. Я слышу приглушенный плач. Тихий стон, словно от боли. А у меня комок в горле, который никак не проглотить. Выкричаться бы, чтобы он вышел.

Тик-так. Стук. Топ.

Звонок.

Мама шепчется с кем-то, но слов не разобрать. Не потому, что говорит негромко. Потому что плачет и говорит одновременно.

Утешь меня. Пожалей. Объясни.

Я боюсь подойти. Маме плохо, и точно будет ругаться. И плакать.

Папа, где ты? Утешь меня. Пожалей. Обними нас с мамой.

– Все плохо, зайка, – папа сидит рядом, как будто и не уходил никуда.

На нем рабочий серый костюм со смешным галстуком, который мы с мамой выбрали на его день рождения. Мне не нравится, когда все пуговицы на пиджаке застегнуты, как сейчас — словно папа совершенно взрослый. Такой недостижимо далекий.

– Плохо? Это как? Как тогда, когда ты не смог починить моего пони?

Его руки холодные. Большими ледяными пальцами папа гладит меня по спине, неловко сжимает плечо.

– Это, скорее, как когда я не смог починить нашего пса. – Он смешно поднимает брови, но мне ничуть не весело. Улыбается, но я не могу ответить тем же. Как будто совсем не шутит. – Зайка, знаешь ведь, мне нужно было лететь по делам на самолете...

– Да, в коман... камондриро... На работу.

– Да, туда. Но бывает так, что самолет меняет курс, – папины глаза становятся очень грустными, словно два серых холодных камня. Тусклые. – Вот и мой самолет не полетит на работу. Мы отправимся за облака, туда, где бабушка Таня и тетя Надя. Я лечу к ним в гости. Выше неба, выше звезд. Выше солнца.

– Но тогда ведь ты нескоро вернешься! Мама говорила, что это очень далеко! – глаза щиплет от жары. И от слез.

Стук. Тик-так.

Сейчас закричу, освобожусь от комка в горле.

Холодные руки крепко прижимают меня. Так крепко, словно в последний раз.

– Останься. Бабушка и тетя подождут еще, – шепчу я.

– Не могу, – папа говорит тихо-тихо, словно уже далеко от меня. – Я их так давно не видел. Ты не плачь. Не стоит. Я привезу тебе звезду, достану с неба, самую красивую, самую яркую. Ты же знаешь, там, на небе, их так много.

– Мне не нужна звезда! – капризно надуваюсь я, пытаюсь освободиться, но только понарошку, ведь иначе папа отпустит меня. – Она слишком большая и горячая! Ты что, не знаешь, мне уже пять лет, и я понимаю, что звезда это не яркая точечка! Глупый!

Стук. Топ. Хлоп.

Мама подбегает ко мне, обнимает, прячет лицо в моих волосах, чтобы я не увидела ее красные от слез глаза.

Холодные объятия сменяются жаром ее тонких рук.

И никого больше рядом, кроме нее.

– Милая, – я чувствую ее горячее дыхание на затылке. – Папин самолет...

– Я знаю. – И дрожу, выкрикивая, чтобы наконец суметь вдохнуть побольше воздуха: – Он улетел выше неба! Выше звезд! Выше солнца! Он привезет мне... звезду... самую... яр... кую...

Когда мне плохо, далекая звезда становится близкой. Стоит закрыть глаза, и я попадаю сюда. Все залито белым светом, таким ярким, что когда я впервые оказалась здесь, то подумала, что ослепла. Но рядом – папа. На нем тот самый серый пиджак, который я так не люблю. И все же мне хорошо. Это место – наша звезда, папин подарок мне.

Когда мне становится грустно, наша звезда спасает меня, укрывает своим светом, согревает в своих объятиях...

Татьяна Шарая ВАХТА

Нелли стояла на пороге игровой комнаты.

Она прибыла только день назад, как и остальные вахтовики. И она была полна надежд. Сколько пришлось работать, чтобы попасть на этот корабль! А впереди работы еще больше...

На Земле шел 3078 год. Несмотря на множество задач по уборке планеты, постепенно продвигалось и терраформирование Луны. Корабль-станция «Прометей» был похож из космоса на насекомое под стеклом: причудливое металлическое тело, распластанное под огромным куполом и надежно прикоренное к поверхности спутника Земли. К основному куполу прижимались открытые поля и теплицы – анфилады экспериментальных ангаров с растительностью и специфической фауной. На следующие пару лет эта станция станет для Нелли домом.

Сначала новоприбывших не выпускали из личных комнат-кают – медики вели карантинное наблюдение, да и вахтовикам нужно было прийти в себя после долгого перелета с Земли эконом-классом. Убедившись в их физическом благополучии, служба контроля прислала сообщение: вечером состоится небольшая гипновечеринка с ситуативной ролевой игрой. Это был известный способ проверить новичков с точки зрения поведенческой психологии – но и праздник тоже. Нелли волновалась разве что насчет своей слабогипнабельности – если остальные дружно начнут веселиться или удивляться не существующим для нее вещам, будет досадно... И не получится завязать отношения. Что скрывать: Нелли хотела найти партнера. Должна была найти здесь партнера. Иначе – горечь поражения, пепел упущенных возможностей на языке; она прекрасно знала этот вкус.

Привычно оттолкнув клубок тяжелых, мутных эмоций, женщина глубоко вдохнула специфический воздух станции, воздух с едва уловимым кисловатым привкусом металла. Улыбнулась.

«Так или иначе, Луна, ты – прекрасное место, и я трепещу пред тобой».

Она перешагнула порог.

Нелли оказалась не первой. Игровая комната была довольно большой, она состояла из нескольких разделенных псевдovitражными ширмами отсеков. В середине находилась барная стойка, из-за которой помахала ладошкой миловидная девушка. Рядом со стойкой подпирал фальшколонну, судя по его формен-

ной одежде, охранник – немолодой, с мрачным выражением лица. Еще трое мужчин с видом химиков-любителей оживленно переговаривались над невысоким столиком, на котором были рассыпаны стекляннные палочки для смешивания, пробирки и флакончики-пробники. У каждого из троих была электронная трубочка. По комнате плавали крохотные облачка электронного пара. Пока Нелли шла к стойке, она уловила три разных вкуса: горьковато-лимонный, сладкий ореховый и непритязательный цветочный.

В нишах стен красовались растения, трехгранный мох всюду цвел синими шишечками – неудивительно: мхи и лишайники неплохо приживались на Луне, пусть пока и под куполом.

«Интересно, как растения переносят дым?..» – мелькнуло в голове.

Сев у стойки, Нелли нерешительно взяла предложенный девушкой стакан с коктейлем.

– Меня зовут Марина, я ваша ведущая и аниматор на сегодня, – весело сказала та. – А вы?

– Нелли, ботаник. Вот... Работать приехала.

Разговаривать не хотелось – ей вообще это не очень удавалось. Не сразу, по крайней мере. Наблюдать за мужчинами было интереснее. Один был яркий – с серебряной сережкой в левом ухе, а закатанные рукава не скрывали цветные узоры на руках – от запястья до локтя.

«Даже слишком яркий», – подумала Нелли. Обычно она с такими не связывалась.

Второй, немолодой, с львиной гривой, отливавшей белесым блеском, с большим апломбом что-то доказывал:

– Получив высшее научное звание, я...

Третий, выглядевший типичным середнячком, внимательно слушал.

Беседа прервалась, когда вошла целая компания. Среди новичков были несколько похожих друг на друга мужчин в рабочих комбинезонах и две женщины – высокая шатенка с идеальным макияжем и пухленькая блондинка, пискнувшая:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, подходите все сюда, дорогие коллеги! – тут же отреагировала аниматорша. – Вот мы и собрались. Берите бокалы! С завтрашнего дня начнется нелегкий труд. Но сегодня праздник! Луна приветствует вас и рада приютить на своей обширной груди. А меня зовут Марина. Добро пожаловать на борт!

Произошло стремительное знакомство: яркий представился Сашидом, пухленькая – Ольсой, ученый оратор оказался обладателем странного сочетания «Джонатан Симс». Среднячок

буркнул: «Бореус», а шатенка пропела: «Диана». Имена троих похожих, одинаково застенчивых и не слишком симпатичных парней, оказавшихся братьями, Нелли тут же забыла. Марина, махнув рукой в сторону мрачного мужчины у стойки, объявила его капитаном Федосеенко.

– Тоже на вахту прибыли? – удивилась Нелли. Вроде бы здесь требовались только мирные профессии.

– Нет, он местный, – пояснила Марина.

– Присмотрите за нами на случай, если инопланетяне из стен полезут? – кокетливо прищурилась Диана.

– Непременно, – сухо ответил капитан. Похоже, он был еще меньше склонен к коммуникации, чем Нелли.

Ведущая организовала несколько игр для малознакомой и постепенно поднимающей градус компании – суматошных, относительно забавных, чтобы раскрепостить и сблизить участников. В какой-то момент из-под стойки полезли глянцевые черные ящерицы-сцинки с хищными усиками, разбежались по залу, вызвав дикий женский визг и обценную лексику со стороны мужчин. Но стоило кому-то коснуться ящерики, как она превратилась в радужный пузырь, взлетела, причудливо отражая лица вахтовиков, и рассыпалась призрачными брызгами под потолком... И началась шумная охота.

– Кто смешивал последнюю заправку? Что мы курили? – повторял Бореус и глуповато хихикал, дергая сцинков за хвосты.

Нелли догадалась: «Гипнограммы!» – и даже засмеялась от удовольствия. Она их увидела! Как приятно быть как все! Мощная машина иллюзий стоит в этой игровой комнате...

Братья-в-комбинезонах переглянулись и мягко просочились за стойку бара, а оттуда с букетом бутылок и пакетом хрустиков перебрались в угловой отсек, где и уселись на диванчик, снисходительно наблюдая за беготней.

Марина наклонилась к Нелли и с улыбкой шепнула:

– Кое-кто здесь явно не тот, за кого себя выдает.

Нелли с удивлением покосилась на нее и промолчала, но с этого момента в ней поселилось какое-то напряжение. Краем глаза она словно бы замечала какие-то тени там, где их не должно быть.

Ольса повизгивала, прячась за спиной профессора Симса, который аккуратно тыкал в сцинков вилкой. Сашид азартно ловил их руками. Диана удивительно точно была ящерок длинным тонким каблуком...

Ее глаза занимали пол-лица, и зрачков в них не было.

Вместо носа красовалась узкая черная прорезь.

За скривившимися от отвращения губами виднелись острые клычки.

Нелли невольно вскрикнула. К счастью, в общем шуме ее никто не услышал, а когда она сморгнула – все исчезло.

«Побочные эффекты гипноза», – немного успокоившись, объяснила она сама себе.

Но не вглядываться в окружающих – тяжело, сканирующе – уже не могла.

Когда пузыри кончились, разгоряченные вахтовики облепили стойку, и за коктейлями снова пошла беседа.

– Вахта! – восклицал Джонатан. – Вы вдумайтесь: вахта! Это не просто слово. Это символ! В древние времена вахта означала военное дежурство, время максимальной активности внимания и ума во имя защиты своих от опасности. Представьте: в бескрайней тьме маленький огонек костра и круг света от него. А за его границей шуршат листья и травы, бродят дикие звери, блестя глазами, таится нечто непознаваемое, непредсказуемое!.. Ничего не напоминает?

– Стихи какие-то? – робко спросила Ольса.

Нелли старалась не замечать, как на коже блондинки то проступают, то тают странные фиолетовые узоры. Остальные же этого не видят.

– Да нет! Смотрите: прошли века, и вот уже планета освоена, осияна огнями тысяч построек, а мы – мы вглядываемся в Космос! Мы несем свою вахту! И даже шире: прошли тысячи, миллионы лет, вот мы сделали все, что могли, исчерпали отведенный срок – канули в Лету, и от нас не осталось следа. Лишь тогда наша вахта по-настоящему закончена. А взамен приходит новая разумная раса – сначала как первобытное существо у маленького костра...

– Ничего себе у вас метафоры, Симс!

– Я профессор, мне полагаются живое воображение и склонность к риторике, – подмигнул тот.

– В списке вахты не было профессоров, – вдруг сказал Бореус.

– Только кандидат. Нелли, вы, да?

– Да, – растерянно отозвалась она.

Все смолкли. Глаза Джонатана Симса забегали. Он смущенно закашлялся... и усмехнулся:

– А важно ли это? Каюсь, чисто по-человечески хотел произвести впечатление!

Разоблачение приняли по-разному, но большинству было все равно. Разговоры продолжились, постепенно становясь все более бессвязными. Обсуждали, в основном, причины выбора своей работы.

– Все потому, что мы, вахтовики, – особые, бесстрашные люди! – доказывал один из братьев.

Двоих других Нелли то видела, то нет. Но она уже приловчилась игнорировать эти некорректные гипноволны.

– Да бросьте, – возразил Сашид. – Вот местные, которые тут живут, они бесстрашные. Статистика к ним жестока. Риски дезадаптации выше с каждым годом. И психика страдает, особенно у главных. У капитана корабля, у начстанции...

«А он умен», – Нелли сделала глоток, скрывая свой интерес.

Пожалуй, все-таки Сашид. Яркий – и что? Попытка не пытка. Нужно успеть пометить его как партнера!

– А я всегда думала, что капитан и начальник станции – это одно и то же, – лениво сказала Диана. – И ничего особо не делает, потому что неприлично богат и находится на вершине пищевой цепи. Зачем ему напрягаться?

– Нет-нет! – с неожиданным пылом вмешалась толстушка. – Капитан – лицо формальное! А вот мой папа... – тут она осеклась и покраснела.

Все с изумлением посмотрели на нее.

– Вы – дочь начстанции? Того самого, неприлично богатого? – уточнил Симс.

Ушки блондинки полыхали жаром.

– Что вы тут забыли-то, в рядовых?! – выразил общее удивление Бореус.

Блондинка принялась что-то объяснять про самостоятельность и практику в общем порядке, но Нелли не вслушивалась: она смотрела на капитана Федосеенко, до которого никому не было дела. Он молча отошел в угол и прислонился к стенке.

Вдруг Нелли как ударило.

«А что, если он не капитан, которым назвался, не охранник, а тот самый “номинальный” второй глава станции?! И слушает нас. На это намекала Марина? Нет, что здесь делать капитану? У него полно забот, станет он тратить свой вечер на людей, с которыми ему не придется напрямую работать, а то и встречаться вообще... Психологические портреты ему службы предоставят, та же Марина наверняка не аниматор, а психолог или социотехник. Есть здесь хоть кто-нибудь, не притворяющийся кем-то другим? А я? “Я приехала сюда работать!” Ага, как же».

Она решила подойти и спросить прямо.

– Вы тот, за кого себя выдаете?

– Я ни за кого себя не выдаю, – тихо произнес капитан. – В любом случае все вы скоро обо мне забудете.

– Я вас запомню, – пообещала Нелли. Может, это ее шанс? – В конце концов, – сказала она успокоительно, – важно не то, кем мы притворяемся или что скрываем; важно то, что в нас при этом есть настоящего. Правда?

Федосеенко покосился на нее с какой-то невнятной тоской и ничего не ответил.

«Бррр, это точно не наш выбор, – подумала Нелли. – С таким унынием прямая дорога в грунт».

Она вернулась к остальным. Вахтовики болтали ни о чем, ожидая старта обещанной сценарной игры. Нелли, время от времени вставляя реплики, посматривала искоса на Шашида, соображая, как бы реализовать свои планы.

Шашид наполнил свой бокал у стойки и пошел обратно к центру комнаты. Нелли встала, чтобы протянуть руку и остановить мужчину, это был бы такой красивый жест – но тут комнату тряхнуло. Погас и снова зажегся свет, зазвучали тревожные возгласы, Марина торопливо объявила, что ситуация штатная... Нелли нашла взглядом Шашида. Он – и когда успел? – держал в объятиях Диану, успокаивая ее. Парочка не замечала никого вокруг.

Нелли отвернулась. В бокале еще оставалось шампанское.

«Я пью серебряный ключ, – пробежала мысль, – холодный серебряный ручей с пузырьками...»

Похоже, этот бокал был лишним. Нелли собралась было подойти к цветущему трехграннику, чтобы пожаловаться ему на свое невезение – как старому знакомому, который уж точно не подведет, – но тут ее перехватила Марина.

– Слушай, мне надо сбегать кое-куда на пару минут, насчет этого сбоя. Раздашь всем вводные вместо меня? Вроде вы перезнакомились, поймешь, кому какую. Верхняя твоя.

Нелли растерянно кивнула и приняла пачку листов. Когда аниматорша выбежала, Нелли удалось сосредоточиться на буквах. Она прочла:

«Ты человек. Ты прибыла день назад с планеты Земля, как и остальные вахтовики. Тебя зовут Нелли. Ты ботаник. Ты полна надежд. На Земле 3078 год, постепенно продвигается terra-формирование Луны. Полет длился неделю. Корабль-станция «Прометей» станет для тебя домом на пару лет. После карантинного периода служба контроля прислала сообщение: вечером состоится гипновечеринка с игрой. Твоя стартовая игровая задача – найти партнера...»

Нелли мигнула. Пролистала другие вводные, не веря своим глазам. Все тексты начинались так же, как ее, но дальше различались именами – Ольса, Шашид, Диана... Где-то был указан 3021 или 3055 год, где-то название корабля было «Кипарис», а где-то «Андромеда», где-то срок полета от Земли был указан как три месяца, а срок вахты – как пять лет... Она могла прочитать подноготную каждого. Но... зачем?

Ужасающее понимание оформилось молниеносно. Она поискала взглядом представителя персонала станции – капитана, но его нигде не было. Он исчез.

Нелли машинально стала раздавать вводные, повторяя один и тот же бессмысленный вопрос и слыша истеричные нотки в своем голосе:

– Где капитан Федосеенко? Вы Федосеенко давно видели?

И ей отвечали:

– Он только что вышел.

– Да он в дальнем отсеке спит.

– А, его в рубку вызвали, что-то срочное.

– Он час назад отправился в медблок...

Правда обрушилась на нее, как паровой молот.

Это было не начало – это был финал.

Игра началась задолго до этого момента.

Она не стала ждать, пока остальные вчитаются и в ходе жаркой дискуссии обнаружат несоответствия, а затем осознают реальное положение дел. Так или иначе, большинство из них наверняка уже добились заданных персонажам простеньких целей.

Нелли незаметно – да и некому особенно было ее замечать – вышла из комнаты, прошла по темному ночному коридору и выбралась по лестнице на холодную, оборудованную отличной вытяжкой палубу с обзорным окном. Здесь можно было курить.

Нелли. Имя-то какое смешное.

Лунная долина лежала перед ней, покрытая слабо светящимся синеватым мхом. Тротваанги здесь, в терраформированной части, росли мелкие, с кривыми извилистыми ветками, но задачу свою по наполнению атмосферы конмиир-пандиком выполняли. Ничего, будут и душистые травы, и щебечущие хорпикки...

Она сморгнула и быстро вытерла глаза. Ее не утешало, что запись вводной встречи доступна только корабельному психологу и что завтра начнется работа, а значит, и общение с основным составом экипажа – с теми, кто приезжает сюда не на год-два, а на значительные сроки. И кстати, может быть, среди них найдется пригодный партнер... Было жалко капитана Федосеенко, в котором она не угадала достойного и который не получил от нее взаимности – хотя Федосеенко и был ненастоящим, кик руме, иллюзия игровой комнаты. Было очень жалко себя, которой, как говорится, при разборе кладки не досталось ни одного яйца. И было иррационально жалко землян – безумных антропоморфных существ, которых давным-давно не йостиээр. Тарстоээх гипно-вечеринка, хэрдд туомо слидд!..

Евгения Мялицина
ТИШИНА

Осторожно пробираясь по сентябрьской тайге, силясь понять ее и не понимая, вдыхая невероятно свежий воздух, в котором смешалось так много ароматов, одинокий путешественник из далекой столицы постепенно начал ощущать, что ему неудобно. Очень. И, как любой нормальный человек, попытался найти простое объяснение, подбодрить себя и успокоить.

Но ничего не помогло.

Объяснений не было, покой не пришел.

Он как будто оказался на другой планете, где все чужое и нет ничего знакомого, родного и спокойного, как в детстве, когда стоило испугаться – и мамы руки дарили ласку, и так хорошо становилось...

Где ты, мама? Тебя уже нет...

Почему так тихо? Просто невыносимо. Тишина давит на уши, ложится на плечи грузом, более тяжким, чем груз прожитых лет. Почему не поют птицы? Даже комары не жужжат. Даже шорох собственных шагов словно кто-то заглушает, хотя под ногами опавшая листва. Привычный шум машин на городских улицах сейчас был бы милее этой жуткой тишины.

Когда-то он уже испытывал нечто подобное, но когда? Черт бы побрал дырявую память...

Зачем меня сюда понесло? Вот же дурень!

Товарищей уже давно не слышно, их громкий смех и разговоры стихли еще час назад.

Хорошо, что пока день – ну, по крайней мере по часам. Потому что здесь вечные сумерки, и солнечные лучи давно не помнят, как выглядит лес под столетними кронами мощных молчаливых деревьев.

Наверное, я никогда не найду дорогу назад. А хочу ли я ее найти?..

Самое стремное, что потянуло меня побродить в одиночестве внезапно, и я не взял с собой ни спичек, ни еды, ни компаса, ни телефона. У меня только фляжка с остатками чая, такого противного на вкус. Серега, не пожалев, бухнул сахара от души – ну глюкоза же, вы что, не знаете, как она полезна? Ну да бог с ним, он не со зла. Они так-то нормальные мужики, меня, вон, с собой потащили на Дальний Восток, покорять таежные просторы, и не

их вина, что все усилия взбодрить своего угрюмого друга, то бишь меня, особым успехом не увенчались.

Наверное, беспокоиться уже начали... Хотя вряд ли. Я ж сказал, что прогуляюсь немножко и далеко отходить не буду. Тем более им было не до меня: они вели жаркий спор на излюбленную мужскую тему – о политике.

А мне это неинтересно. Мне вообще в последнее время мало что интересно.

Лес тянется и тянется, черные деревья обступают со всех сторон, высокая трава цепляет за ноги, пряча в себе упавшие и погибшие то ли от сильного ветра, то ли от старости деревья, о стволы которых я то и дело спотыкаюсь. Кустарники и какие-то лианы с крупными белыми цветками так и норовят схватить за руки, и иногда мне чудится, что в этом страшном чужом безмолвии я слышу едва различимые слова:

«Не уходи, останься с нами, ты нам нужен, мы скучаем...»

Тьфу ты, блин, совсем уже с катушек съезжаю. Места здесь какие-то не такие. Слишком дикие, первобытные, неприветливые, не для людей.

То ли дело наши светлые леса! Идешь себе, грибы собираешь, цветочками-птичками любуешься, и мысли тяжелые хоть немного, но отступают, становится легче дышать и жить.

И о них, ушедших из жизни, не так больно вспоминать.

...Справа хрустнула ветка. Я вздрогнул и всем телом повернулся в ту сторону. И увидел просвет между деревьями. Поляна, что ли? Или гарь?

И тут как будто кто-то, рядом стоявший, прошептал на ухо:

«Иди туда, иди скорее, ты нам нужен, мы скучаем...»

Ноги сами пошли, голову как туманом накачали, и лишь одна мысль билась в ней:

«Ну почему же так тихо?»

Я вспомнил. Я уже ощущал такую тишину, ее тягостное давление.

Было это через полгода после того, как их не стало. Как обычно, я пришел на кладбище. Стоял у могил жены и дочери – и внезапно понял, что вокруг сделалось очень тихо. Воздух стал вязким и прилип к коже. На плечи будто взвалили булыжник весом в тонну. Исчезло все вокруг, ничего не осталось. Даже вечно орущие вороны заткнулись. Что за фигня? Не помню, раньше вроде такого не было. Или просто не замечал?

Ноги шли и шли, и вот деревья расступились, открывая поляну. Идеально ровную, как циркулем начерченную. Больше, кажется, ничего особенного: трава, полевые цветы, дерево, упавшее и уже почти сгнившее... о-о-о, вот это да!!!

Никогда ничего подобного я раньше не встречал! Ровно посередине поляны, как будто кто-то замерил и специально посадил, виднелось растение. Стебель и листья обычные, как, например, у пионов. (Она их очень любила, и я часто приносил ей их потом, после...) А вот цветок... хотя нет, это никакой не цветок, скорее, плод или что-то в этом роде, не силен я в ботанике: крупный, яркий, с черными и красными ягодами по краям, мясистый, напоминающий треснувший на четыре части гранат. Он контрастировал со всем, что находилось вокруг него. Как будто это растение было не с нашей планеты. И могу поклясться всем, чем угодно: этот плод пульсировал. словно бьющееся сердце. А листья тихонько шевелились и тянулись в мою сторону, при том, что никакого ветра не было.

Меня нестерпимо влекло к этому «пиону-гранату».

Я медленно приблизился, опустился на колени и, как завороченный удавом кролик, не мог оторвать взгляд от этого чуда. Растение медленно развернулось и тоже смотрело на меня своими многочисленными ягодами-глазами, а его листья, все так же колыхаясь, как на ветру, тянулись к моей груди, к сердцу...

А вокруг по-прежнему царило мертвое безмолвие.

Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг я опять услышал те голоса, на этот раз показавшиеся очень знакомыми. Они шептали мне:

«Ты устал, отдохни. Тебе больно – мы знаем, как помочь: съешь красную ягоду с цветка, и вся боль, весь черный яд тоски и горечи, что ты накопил в себе, растворятся, ты забудешь, станет легко! Потом съешь черную – и мы снова будем вместе, с тобой, навсегда, мы скучаем, ты нам нужен, нам нужен, нужен... нужен...»

Какие же они обалденные! Как будто все самые вкусные плоды мира отдали этим ягодам свою сладость или все кондитеры мира собрались и придумали один самый-самый торт, вложив в него все свое мастерство и многолетний опыт.

...Мне хорошо. С меня сняли груз, почти раздавивший меня. Спасибо тебе, чудо-цветок, хоть все это и кажется бредом, а ты, уж прости, но правда похож и на пион, и на гранат одновременно. Но все равно спасибо!

Черт, почему так спать хочется? Просто сил нет бороться, глаза слипаются. А, ладно, вздремну немного, потом вернусь назад... обязательно вернусь... Куда только? Не помню... Мое сознание было затуманено сном, но мне показалось, что я услышал до боли родной смех и радостные голоса:

«Теперь мы всегда будем вместе!»

Командир спасательной операции, надев на лицо подобающую такому случаю маску, самым серьезным и строгим тоном

сообщил четверем ожидавшим его мужчинам, на лицах которых все еще можно было разглядеть следы надежды:

– Мы прочесали весь лес настолько, насколько это возможно и согласно всем инструкциям. Но мои ребята никого и ничего не нашли. Операция продолжится, но... – он замолчал.

Он сделал все, что мог. И не его вина, что кто-то без должной подготовки суется в тайгу, добавляя работы ему и его людям.

Тут командир вспомнил, что скоро окажется дома, в тепле и уюте, с любимой женой и маленькой дочкой, и настроение его слегка улучшилось.

Командир развернулся и пошел прочь.

Мужчины остались стоять в молчании. Неподдалеку догорал костер, над которым висел чайник. Один из них – высокий и темноволосый – подошел к костру, снял чайник, насыпал туда заварку и, задумавшись, еще больше посмурнел и добавил побольше сахара.

Он так долго уговаривал своего убитого горем друга отправиться в этот поход...

...Ночью ему приснилась круглая поляна, а на ней необычный цветок с черными и красными ягодами, похожий одновременно на пион и на гранат...

Евгений Кусков ПОСЛЕДНИЙ?

Небольшие волны, гонимые сонным ветерком, покрывали рябью поверхность реки и лениво огибали корпус судна. Пришвартованное у пирса по всем правилам, оно, казалось, было готово отправиться в путь в любую минуту.

Когда-то так и было.

Этот пароход курсировал по реке, не столько доставляя обычных пассажиров из пункта «А» в пункт «Б», сколько позволяя пассажирам зажиточным замечательно проводить время, наслаждаясь открывающимися видами. В те давние времена помещения судна наполняли голоса, в темное время суток его окна светились яркими жизнерадостными огнями, а по палубам прохаживались изысканно одетые люди.

Все это осталось в далеком прошлом. Некогда белоснежный красавец-пароход теперь покрывали отталкивающие язвы ржавчины. Гребным колесам, расположенным по обоим бортам, однажды замершим вовсе не из-за поломки, больше никогда не суждено привести судно в движение, а из двух высоких труб не будут вырываться в небо клубы черного дыма. Огонь в топках погас, и там, где прежде шипел обжигающий пар, властвовало холодное безмолвие.

Он жил здесь давно. Отсчет времени перестал иметь значение. Это судно манило его с того самого момента, как он впервые его увидел – еще тогда, в прошлой жизни, до того, как человечество столкнулось со страшной угрозой.

При всем желании он не мог вспомнить, сколько лет прошло с тех пор. Косвенным ориентиром служил сам пароход, прибывший сюда – к месту своей, как выяснилось позднее, последней стоянки. Он был тогда в отличном состоянии и мог бы служить людям еще долгие годы.

Только однажды служить стало некому.

С тех пор время и природа совместными усилиями изрядно потрепали судно. Одна мачта накренилась, палубу покрывал слой грязи и мусора, нанесенного ветром, порывы которого постепенно расправлялись и с окнами. Целыми остались менее половины, а без защиты стекол внутренние помещения, блиставшие роскошью, приходили в негодность, покрываясь зловонным налетом плесени.

На фоне этой безрадостной картины название судна, написанное на корме и еще читающееся, несмотря на слезающую

лоскутами краску, воспринималось как злая ирония: «Фортуна». Богиня удачи давно не заглядывала в эту часть мира.

Он знал, почему избрал именно этот пароход своим новым домом. В той, прежней, жизни он любил смотреть, как это красивое судно величаво двигалось по реке, сопровождаемое гомоном голосов и звоном бокалов. Но побывать на борту ему никогда не доводилось – билет даже в самую дешевую каюту стоил неподъемных для простого грузчика денег. Поэтому «Фортуна» была, в каком-то смысле, символом другой жизни, недостижимой, почти запретной. Все, что позволялось обычным людям – смотреть со стороны.

Теперь же он мог посещать пароход беспрепятственно. Заходить в любое помещение на борту, не боясь быть вышвырнутым. За минувшие годы он исследовал судно досконально, посетил все каюты, побывал везде, куда смог проникнуть, в том числе и силой, презрев бессмысленное упорство замков, слепо ограждающих от посторонних то, что уже давно лишилось хозяев.

Раньше те вещи, которые он там обнаружил, являлись настоящими сокровищами. Теперь он мог лишь вертеть в руках эти красивые, но бесполезные безделушки, ловя их блестящими гранями лучи солнца, да скатывать прямоугольные бумажки с портретами президентов в шарики и разбрасывать их по палубам. Больше всего ему нравилось разглядывать произведения художников, перенесших на холсты не только реальные пейзажи, но и плоды собственного воображения. Каждая из этих картин была замкнутым мирком, наполненным множеством деталей и штрихов, изучение которых могло занимать часы.

Единственным местом на пароходе, куда он не ходил, было машинное отделение. Если в другие помещения солнечные лучи так или иначе проникали, то здесь, в чреве судна, ничто не разгоняло мрак.

Он боялся темноты, и с этим ничего нельзя было поделать. Он даже не знал, почему его тело сковывает страх при одном взгляде на черный провал машинного отделения – равно как и на любое место, где царил тьма. Искусственное освещение, каким бы ярким оно ни было, полностью проблему не решало.

Лишь однажды он отважился спуститься вниз, к ржавым механизмам. Факел в его руке горел так ярко, что почти обжигал. И все равно тени окружали, надвигались со всех сторон и – самое ужасное – смыкались за спиной. Далеко он не смог пройти и с бешено бьющимся сердцем выскочил из машинного отделения. Заблокировав ведущую туда лестницу, он твердо решил никогда больше не испытывать судьбу. Хотя что именно ему там угрожало, он не ведал.

Но если отдельные помещения можно было запереть, отсечь от себя, то с неумолимо наступающей ночью ничего поделать нельзя. С каждым заходом солнца он баррикадировался в каюте, которую выбрал для себя – самую роскошную – и зажигал столько свечей, сколько мог себе позволить. Открытый огонь на пароходе, внутренняя отделка которого выполнена из дерева, это риск. Риск, без которого нельзя обойтись. Благо свечами и спичками он запасся на месяцы вперед. И не сомневался, что найдет еще, если хорошенько порыскает в городе. В крайнем случае можно будет разводиться костер из дров, пускай это и более хлопотно.

Пока же до ночи было далеко – солнце стояло высоко в небе.

Он пробрался на капитанский мостик. Оттуда, с вышины, открывался великолепный вид на окрестные луга. Сочный зеленый цвет успокаивал глаза, умиротворял сознание и обманывал разум. Глядя на эту красоту, так трудно поверить в случившееся здесь.

Встав к штурвалу, как делал бесчисленное число раз прежде, он взялся за него и попробовал повернуть. Пока еще механизм поддавался, но усилий с каждым месяцем требовалось все больше. Ржавчина и отсутствие ухода делали свое разрушительное дело.

Он задумался о том, что никогда не пытался воспрепятствовать разрушению судна, предпочитая пассивно наблюдать, как оно медленно покидает этот мир. Сначала от него отрывались совсем небольшие частички – чешуйки высохшей, как старая кожа, краски. Потом пришел черед более крупных ее пластов, а также осколков стекол и различных предметов, выдуваемых ветрами из внутренних помещений. Нынче стали потрескивать и стонать – даже при не очень сильном волнении – переборки и конструкции судна. Процесс этот ускорялся, а он по-прежнему оставался пассивным наблюдателем.

«Интересно, – подумал он, – переживу ли я этот пароход?»

Если так, то ему придется искать себе новый дом. Пока об этом рано задумываться всерьез. С другой стороны, судно станет малопригодным для проживания задолго до того, как полностью развалится, поэтому уже сейчас хорошо бы поискать другое убежище.

В город он выбирался и раньше, не имея никакой цели. Ему нравилось ходить по мощенным брусчаткой улицам, смотреть на угловатые дома, нависающие над тротуарами. Кое-где возле них почти постоянно чернели тени, которые приходилось настойчиво обходить.

Как и пароход, город постепенно ветшал, но каменные стены сильнее сопротивлялись неизбежному. Поэтому поменялось не так уж много с тех пор, как здесь жили люди, в том числе и он.

Когда-то это было рыбацкое поселение. Расположенное недалеко от главного тракта, оно разрослось до размеров, позволяющих присвоить ему статус города. Хилые лачуги первых жителей сменились основательными каменными домами, улицы, прежде превращавшиеся в болото после каждого дождя, устлала брусчатка, а на окраине даже появилась ткацкая фабрика. Большая часть женщин работала на ней, а многие мужчины, подобно предкам, занимались рыболовством.

Он родился и вырос здесь, бегал по этим улицам с раннего детства – порой с друзьями, чаще один. Уже тогда ему больше нравилось посвящать все время себе, самостоятельно, без чьей-либо компании изучать мир (ту его часть, которая была ему доступна). Окончив школу, он отказался от идеи покинуть родное место и уехать в крупный город, манящий возможностями, но пугающий неизвестностью. Устроился работать грузчиком на причале, женился на ткачихе, выбрав ее не за особенные качества, а потому, что она согласилась. У них родился сын, который дожил до трех лет.

А потом все изменилось.

Болезнь пришла издалека, из крупного города, в котором он мог бы жить. Никто не знал точно, что это было. Сначала думали – столбняк. Однако большинство заразившихся не ранились грязным инструментом, не получали никаких, даже незначительных травм и не контактировали с опасными животными.

На всякий случай массово уничтожали крыс и прочих разносчиков. Эти меры ожидаемо не помогали. Почти все заболевшие умирали в течение суток, лишь некоторым удавалось прожить втрое дольше – и назвать их удачливыми не повернулся бы язык. Конец всех ждал один, разница была лишь в том, как долго несчастный будет мучиться, пока его тело уничтожает само себя, ломая кости смертельными тисками сведенных сильнейшими судорогами мышц.

Лекарства не было. Все попытки создать его провалились. Более того, по слухам, массовая вакцинация, наоборот, ускорила распространение болезни. Уберечь себя люди не могли, как ни старались – выяснилось, что зараза непостижимым для обычного столбняка образом распространялась по воздуху. Очень быстро убирать тела умерших стало попросту некому, и смрад гниющей плоти окутал город удушающим покрывалом. Он хорошо помнил те времена, когда даже сильный ветер был не в силах разогнать эту завесу. Так продолжалось, пока разложение не завершилось естественным образом.

Но отдавали богу душу не все. Те, кто по какой-то причине избежали смерти, покидали свои дома, близких, друзей и прята-

лись в укромных местах, стараясь не показываться людям, еще влачившим жалкое существование. Одним из таких (счастливых?) был и он. Покинув родной дом, он перебрался на тогда еще новый пароход и уже оттуда наблюдал, как вымирает его город.

Он по-прежнему не помнил, когда это было. И не знал, насколько распространилась болезнь. Может быть, она захватила и опустошила весь мир? Оставалось только гадать, ведь никакой связи не то что с другими странами – с соседним городом не было. Телеграф приказал долго жить еще когда на улицах встречались люди. Всякое сообщение – как по воде, так и по суше – прекратилось и того раньше. С тех пор ни одно судно не прошло по реке, ни одна повозка не показалась на главном тракте, хорошо видном с капитанского мостика «Фортуны». О путниках и говорить не стоило. Тракт пришел в упадок – нынче не каждая лошадь сможет осилить его.

Так он и остался один. Один из переживших смертельную эпидемию. Некоторые сбивались группами, но большинство, подобно ему, предпочитали уединение. Многие покинули эти места. Последний раз он видел другого больше трех месяцев назад. Поэтому с полным основанием считал эту часть города своей.

А возможно, он и вовсе остался один здесь.

В пище недостатка не было – болезнь сразила только людей, не тронув никаких других тварей. Животные, которых стало гораздо больше, чем раньше, теперь беспрепятственно бродили по улицам и становились легкой добычей. А уж запасы пресной воды и вовсе были неисчерпаемыми.

* * *

Он покинул борт «Фортуны», спустившись по жалобно скрипящему трапу, и направился в город. Никакой особой цели у него не было.

Идя по пустынным улицам и оглядывая мрачные здания, он гадал, вернутся ли люди когда-нибудь сюда. Раздастся ли снова человеческая речь, коснутся ли руки оставленных вещей, осветятся ли окна изнутри уютными огнями? Несмотря на прошедшие годы, все равно не верилось, что город умер окончательно и теперь его удел – постепенное превращение в прах.

Он добрался до церкви и, задрвав голову, несколько минут разглядывал покосившийся крест на куполе. Подумывал зайти, но после полудня солнце уже не так уверенно проникало внутрь, и там, среди хаоса сломанных лавок, набирал силу полумрак. Да и брать в церкви нечего после того, как он вынес оттуда все свечи.

Одарив священное здание последним продолжительным взглядом, он собрался идти дальше, как вдруг заметил движение.

Первая мысль: животное. Их ведь много теперь на улицах, в том числе и представляющих угрозу, вроде медведей. Но то, что он увидел, заставило его на мгновение оцепенеть, а затем молниеносно спрятаться за угол ближайшего строения.

Настороженно выглянув, он увидел ребенка – тот вышел из распахнутой двери, ведущей в подвал некогда жилого дома. Мальчишка лет пяти, не больше. В грязной, но относительно целой одежде, исхудавший – очевидно, страдающий от недоедания. Не поэтому ли отважился выбраться из укрытия днем?

Разрозненные группки людей, переживших эпидемию, продолжали прятаться то тут, то там не один год после того, как основная масса населения погибла. Немногочисленные и чрезвычайно осторожные, они очень редко попадались на глаза. В светлое время суток находились в своих жилищах, обустроенных зачастую в подвалах, лишенных окон, и выходили по ночам, добывая пропитание. Источниками света старались не пользоваться, чтобы не привлечь внимания, поэтому их глаза приспособились к темноте, а у некоторых и вовсе не выносили даже огонька свечи.

Последний встреченный им живой человек был взрослым мужчиной. Совершенно безумевшим, судя по взгляду, бешеным крикам и... отчаянной попытке напасть.

В тот раз все закончилось благополучно.

Нынче причин для волнения тем более не было. Это же всего-навсего ребенок, притом перепуганный.

Должно быть, что-то случилось с родителями либо теми взрослыми, которые приютили его. Иначе никто не позволил бы ему выйти на улицу днем. Какая трагедия разыгралась в этом подвале и как давно, он гадать не собирался. Задумался ненадолго лишь о том, что мальчик родился уже после того, как смерть пришла в город. И еще, совсем мимолетно, вспомнил своего сына.

Давно это было.

Очень давно.

Выскочив из-за угла, он стремительно направился к мальчишке. Взор заволокла красная пелена, пальцы раскрылись, готовясь вонзить длинные острые когти в податливую плоть, шерсть на загривке яростно вздыбилась, а из глотки вырвался утробный рык.

Д. В. Амурский
ШАНС

Каждый будний день Иван Петрович Сидоров просыпался по будильнику в шесть двадцать пять, откидывал одеяло, надевал на волосатые ноги чуть растянутые синие треники, потом просовывал руки и голову в белую футболку с надписью «Сан-Франциско» и поднимался с постели. Затем он шлепал босыми стопами на кухню, где нажимал кнопку электрического чайника «Браун» и отправлялся в туалет по малой нужде. Все это он совершал автоматически, не задумываясь ни на секунду, уже много лет подряд.

Съев на завтрак два глазированных сырка «Ростагроэксспорт» и запив их чашкой чая, Иван Петрович шел умываться, чистить зубы и бриться. Последняя процедура никогда не нравилась нашему герою, но супруга его, Мария Павловна, утверждала, что небритый Сидоров будет пострашнее ядерной войны. С этим утверждением Иван Петрович не соглашался, считая, что фраза «побрился – и король, а не побрился – тоже король, только небритый» полностью исчерпывает суть вопроса, но спорить с женой не решался, зная ее вспыльчивый нрав.

Облачившись в голубую сорочку и темно-серый костюм, Сидоров целовал супругу в теплую от сна щеку и выходил в прихожую. Там он выбирал верхнюю одежду и обувь по погоде, с легким кряхтением натягивал все это на себя и степенно покидал квартиру. Дорога до метро была исхожена Иваном Петровичем вдоль и поперек. Обогнуть дом с восточной стороны, прошагать наискосок через бульвар по дорожке, мощенной красно-коричневой плиткой, дождаться зеленого сигнала светофора и перейти улицу. Далее путь нашего героя пролегал дворами вдоль забора хоккейной коробки и по заасфальтированной тропе рядом с сеткой, огораживающей футбольное поле с искусственным покрытием. На этом поле вечерами и по выходным играли молодые жилистые гости столицы из южных регионов. Гортанные крики игроков заставляли Сидорова представить себе аулы, примостившиеся на склонах могучих гор, кристальной чистоты реки, бегущие среди острых скал и окатанных камней, и старые черешни у полуразрушенных глинобитных стен.

Последний отрезок дороги был самым скучным, он тянулся между старых панельных пятиэтажек, среди которых, по воле алчных застройщиков, как волк среди овец, затесалась двадцатитрехэтажная кирпичная свеча. Каждый раз Иван Петрович проходил мимо этих зданий, раздумывая о чем-то своем. О том,

к примеру, что в выходные нужно будет сдать в химчистку зимнюю куртку или о том, что сломалась спица его черного зонта и надо решить, что проще: починить старый или купить новый.

Как-то раз, проходя рядом с последней на пути к метро пятиэтажкой, Сидоров заметил, что круглосуточная аптека в небольшой стеклянной пристройке к дому закрылась. Иван Петрович никогда в аптеку не заходил, но полагал, что такое заведение было полезным для жителей района, и то, что оно внезапно перестало работать, достойно сожаления. Всю дорогу в метро, плотно зажатый плечами, спинами и животами сограждан, наш герой размышлял о причинах закрытия аптеки и о том, что может занять ее место. По его прикидкам выходило, что в стеклянной пристройке появится что-нибудь совершенно бесполезное, типа табачного киоска, скупки золота или офиса экспресс займов.

Оказавшись на рабочем месте, Сидоров поделился своими соображениями с коллегой, Николаем Степановичем Денисовым. Тот пессимизма Ивана Петровича не разделил и предположил, что возле метро откроют хороший пивной или колбасный магазин. После этого беседа заглохла, так как оба занялись своими прямыми служебными обязанностями.

Несколько дней спустя, шагая на работу, Иван Петрович обнаружил, что большие витрины бывшей аптеки, заклеенные изнутри газетами, украсили плакаты-близнецы «Букинистический магазин “Апостол”. Скоро открытие!» с репродукциями той самой гравюры с евангелистом Лукой из книги первопечатника Ивана Федорова. Сидоров очень удивился: такого варианта развития событий он даже и не предполагал. Иван Петрович любил посещать книжные магазины и бродить между полок, вдыхая ни с чем не сравнимый типографский запах. Пролистывая новинки в отделах фантастики и научно-популярной литературы, он редко что-то покупал, но сама атмосфера книжных действовала на нашего героя умиротворяюще. К сожалению, в последние годы подобные магазины слишком часто разорялись.

На работе Сидоров поделился новостью с Денисовым, но коллега слушал Ивана Петровича невнимательно. Вероятно, его волновало в данный момент другое. Что именно, наш герой не стал уточнять, боясь выйти за рамки приличий. Сидоров всегда пребывал в сомнениях насчет этих самых рамок, и любознательная Мария Павловна часто корила его за отсутствие интереса к коллегам. На самом же деле Ивану Петровичу всегда хотелось проникнуть в чужие тайны, но он считал это свое любопытство неприличным и никому о нем не рассказывал. Вот и сейчас он видел, что Николая Степановича что-то гнетет, но лезть к коллеге с расспросами Сидоров не отваживался.

Через неделю, возвращаясь с работы, Иван Петрович вышел из метро помятый, как картофель в пюре. Их линия, самая загруженная в столице, работала в тот вечер с перебоями, из-за чего Сидоров смог на пересадке забраться только в третий по счету поезд. Народу в вагон набилось столько, что наш герой с трудом дышал, придавленный телами соотечественников. Вдобавок машинист несколько раз останавливал состав посреди тоннелей, сделав эту поездку совсем уж долгой и неприятной.

С трудом вырвавшись на перрон своей станции, Иван Петрович постоял немного у колонны, переводя дух, потом тяжело поднялся по ступенькам и с сожалением застегнул куртку. Ветер, забавлявшийся на улице опавшими листьями, подтвердил правильность его решения, ведь простыть при такой погоде – дело нескольких минут. И тут Сидоров заметил, что букинистический магазин в стеклянной пристройке к пятиэтажке открылся. Через отмытые до блеска витрины было видно, что в торговом зале горит свет, а между стеллажей, заставленных книгами, бродят люди. Иван Петрович решил, что такую отвратительную поездку в метро требует компенсировать чем-нибудь приятным, и зашел в «Апостол».

Возле входной двери обнаружился крошечный гардероб. Сидоров с радостью повесил куртку на плечики и направился к стеллажам. В одном журнале наш герой прочитал, что когда людей опрашивали, чем пахнут старые книги, почти все респонденты ответили, что считают этот аромат древесным. Затем большинство упоминало запахи дыма, земли, ванили и шоколада. Иван Петрович все эти оттенки не чувствовал. Мария Павловна частенько поговаривала, что ее муж не в состоянии отличить «Шанель № 5» от «Диориссимо», и действительно, обоняние Сидорова не слишком помогало ему в жизни. Но войдя в этот букинистический, наш герой явственно ощутил терпкий аромат тайны, приправленный легкими нотками приключений.

Иван Петрович прошелся вдоль всех полок и остановился возле книги, которая привлекла его внимание. Это был увесистый фолиант, размером превосходивший том «Детской энциклопедии», которой Сидоров зачитывался в школьную пору. За годы, прошедшие с момента выпуска этого гроссбуха, его обложка пришла в негодность, поэтому книгу заново переплели и обтянули темно-синей тканью. Название фолианта, выведенное чернилами, Иван Петрович едва различал, поскольку буквы изрядно выцвели. Но, взглядевшись, он все же смог разобрать три слова на латыни: «*Sola virtute armatus*».

– Лишь доблестью вооруженный, – подсказал Сидорову невысокий седой человек, внезапно оказавшийся за спиной у нашего

героя. – Редчайший экземпляр. К сожалению, родная обложка утрачена, но сохранность иллюстраций при этом... – Человек поднял глаза к потолку и развел раскрытые ладони, демонстрируя свое восхищение иллюстрациями в фолианте.

Иван Петрович покивал в ответ, а потом раскрыл гроссбух наугад. Взгляд его сразу же упал на картинку, напоминающую гравюры Альбрехта Дюрера. Рыцарь, облаченный в полный комплект доспехов, сидел на коне, а юноша без лат подавал ему боевое копьё. Сидоров начал вглядываться в детали рисунка, пытаясь рассмотреть заклепки на сбруе скакуна, гравировку на шлеме и наплечниках рыцаря, траву и мелкие камешки под копытами, и вдруг понял, что это именно он сидит в седле, удерживая левой рукой поводья и принимая правой длинный деревянный стержень. Налетевший с моря порыв ветра заставил Ивана Петровича поежиться. Пахнуло солью, рыбой и гниющими водорослями. Гнедой под Сидоровым встрепенулся и шумно втянул ноздрями холодный воздух. Потом фыркнул и нетерпеливо стукнул копытом.

– Ле Баско, скорей! – крикнул Иван Петрович неожиданно для самого себя.

Юноша кивнул, нацепил на себя нагрудник, затянул кожаные ремешки и побежал к своей лошади. Сидоров же осторожно поджал пятками бока гнедого, и его скакун тронулся с места, быстро переходя с шага на рысь.

Слева от дороги поднимался горный хребет. Иван Петрович даже знал, неизвестно откуда, что называется он Аурунчи. Справа виднелись хижины рыбаков. Копыта гнедого дробно стучали по булыжникам древней Аппиевой дороги.

Вот показался каменный мост через расщелину. Похоже, что его выстроили еще римляне, а местные жители соорудили деревянные ограждения по бокам. Середина декабря выдалась дождливой, поэтому мутная, неприятно пахнущая вода доходила до самых краев дефиле. С востока к мосту приближался большой конный отряд. Сидоров заметил желто-красное арагонское знамя. Он тут же подумал, что вестовой не ошибся, и что всадники Колонны вот-вот ворвутся в Молю, а французские пехотинцы сейчас в полном расстройстве из-за лихорадки, выкосившей половину солдат, и новой атаки отразить не смогут. Иван Петрович повернулся и увидел позади себя оруженосца.

– Ле Баско, скачи за подмогой! Я их задержу!

Всадники Колонны тем временем перестраивались по трое и начали въезжать на каменный скат. Сидоров перехватил копьё полочнее и пришпорил гнедого. Скакун прижал уши и помчался галопом. Вскоре Иван Петрович уже мог различить лица вражеских кавалеристов. На них читалось явное недоумение: разве будет

кто-то в здравом уме атаковать в одиночку сразу целое знамя? Но Сидоров верхом на гнедом в один миг промчался по пандусу, влетел на мост и ударил копьём. Раздался треск ломающегося дерева, потом – грохот железа. Средний арагонец вылетел из седла, как куль с мукой, сильно толкнув заодно своего соседа справа. Оба вместе с конями рухнули в воду, подняв тучу брызг. Кавалерист слева дернулся, его конь оступился и тоже упал, сломав деревянные ограждения и погрузившись в мутную жижу.

Иван Петрович швырнул обломок копья в лицо следующему арагонцу и выхватил меч. Два сильных удара обезоружили очередного вражеского кавалериста, а третий удар вышиб его из седла. Разгоряченный Сидоров поставил своего скакуна поперек моста, отбросил поводья, управляя гнедым только ногами, и снял освободившейся рукой щит с луки седла. Теперь он мог прикрывать себя и коня, отбиваясь от арагонцев.

Вражеские кавалеристы, придя в себя после первоначального замешательства, снова набросились на Ивана Петровича, но он без устали разил их мечом, а хорошо обученный гнедой при первой же возможности поворачивался, вставал на дыбы и бил нападающих копытами. Узкий мост не позволял арагонцам напасть всем сразу, поэтому Сидорову удалось долго удерживать поле боя за собой. А когда силы уже начали оставлять его и кровавая пелена повисла перед глазами, противники вдруг прекратили атаки и ушли на свой берег, надеясь, что Иван Петрович последует за ними. Наш герой только хмыкнул: «Ищите дурака!» и не тронулся с места. Эта пауза позволила ему перевести дух и оглядеться. Резко пахло лошадиным потом и кровью. Тела убитых загромождали каменный скат. От воды в расщелине тянуло холодом, сыростью и какой-то гнилью.

Увидев, что враг не покидает мост, арагонцы завопили «Сантьяго!» и снова ринулись в бой. Уставший Сидоров уже еле отмахивался тяжелым мечом. Вот кто-то из врагов ранил Ивана Петровича в правую руку.

«Неужели конец?» – подумал наш герой.

Но что это? За спиной раздался громовой клич «Сен Дени!», а затем звонкий голос Ле Баско прокричал:

– Ваша милость, держитесь!

Тут кто-то тронул Сидорова за плечо. Он попытался ударить мечом, но обнаружил, что больше не сидит в седле на мосту и не преграждает путь арагонцам. Иван Петрович снова увидел вокруг себя стеллажи с книгами, а позади него переминался с ноги на ногу невысокий седой человек – хозяин букинистического магазина.

Седой попытался заглянуть ему в лицо:

– Что скажете?
– Это... это... невероятно!
– Я же говорил вам, что это редчайший экземпляр. На моей памяти – только третий. За тридцать пять лет! Я смотрю, у вас был полный отклик?

– Что вы имеете в виду?
– Отклик, резонанс... Как еще сказать? Вы ведь были там? Вы ощущали себя одним из них?

– Да... Но как такое может быть?
– Я и сам не знаю. Возможно, все дело в иллюстрациях, хотя не уверен. Мне кажется, что они побуждают человека перейти в особое состояние, своего рода транс или как там это называется...

– А вот если бы вы меня не тронули за плечо, что бы произошло?

– Этого я тоже не знаю. Наверное, это зависит от человека и от того, насколько полным был отклик. Может быть все что угодно, сами понимаете... Будете брать книгу?

– Я подумаю, – в замешательстве сказал Сидоров.

Тут у него в барсетке завибрировал телефон. Иван Петрович отложил фолиант и полез за трубкой.

– Ваня, где тебя носит? – в голосе Марии Павловны, помимо негодования, проскальзывали еще и нотки волнения.

– Я на Кузьминках, в книжном, – ответил Иван Петрович.

– Нашел время! Ужин стынет! – возмутилась супруга, но голос ее звучал чуть спокойнее. А потом она добавила почти нежно: – Жду тебя!

Убрав телефон, Сидоров виновато посмотрел на хозяина магазина:

– Я пока подумаю.

И заторопился к выходу.

Полночи нашему герою снились сражения, в которых он протыкал копьем и рубил огромным мечом неисчислимые вражеские полчища. В какой-то момент Иван Петрович так резко взмахнул рукой, что даже разбудил Марию Павловну. Супруга поцеловала его в лоб и уложила на другой бок, после чего Сидоров заснул спокойным сном без сновидений.

Добравшись утром до своего рабочего места, Иван Петрович рассказал коллеге о букинистическом магазине и удивительной книге. Он вспомнил, какими реальными были запахи, как явственно вырисовывалась местность вокруг. А рассказывая о битве на мосту, наш герой так увлекся, что даже продемонстрировал Денисову все свои движения, удары и блоки, чего не делал, наверное, с самого детства, когда они с ребятами во дворе играли в мушкетеров. Николай Степанович сначала слушал вполуха,

погруженный в свои тяжкие думы, но затем увлекся и даже уточнил у Ивана Петровича, где располагается этот замечательный книжный. В середине дня, когда все сотрудники направлялись обедать, Денисов заявил, что ему нужно срочно съездить в главную контору.

До конца рабочего дня коллега так и не вернулся.

В метро Сидоров раздумывал о странной книге. Вернувшись мысленно во вчерашний день, он вдруг спохватился, что даже не посмотрел, на каком языке была напечатана «Sola virtute armatus». Но воссоздав по памяти великолепную иллюстрацию с конным рыцарем и тот невероятный эффект, к которому привело ее рассмотрение, решил, что эту книгу нужно обязательно купить. И неважно, что скажет Мария Павловна!

Выйдя из подземки, Сидоров дошагал до букинистического, вошел в маленькую прихожую и снял куртку. И направился вдоль стеллажей, предвкушая, как возьмет в руки фолиант, как посмотрит, для начала, где была издана эта удивительная книга.

Но «Sola virtute armatus» не попадалась на глаза нашему герою. Тогда Иван Петрович планомерно перебрал все, что лежало на стеллаже, потом так же дотошно пересмотрел соседние. Тщетно! Он увидел множество редких старых книг, но ни одна из них не оказалась той самой.

Сидоров растерянно огляделся, заметил невысокого седого человека у противоположной стены и бросился к нему, расталкивая других посетителей.

– Добрый вечер! Вы меня помните?

– Да.

– А та книга, что я вчера смотрел, она где?

– Сожалею, но «Sola virtute armatus» продана.

– Когда?

– Сегодня днем.

– А других нет?

– Я же говорил вам, что это редчайший экземпляр. Его купил мужчина примерно вашего возраста и телосложения.

Иван Петрович застыл, не зная, что и делать. В мыслях он уже обладал удивительным фолиантом, поэтому весть о том, что книга досталась другому, сначала вызвала у Сидорова недоумение, потом острое возмущение. Он так нехорошо глянул на хозяина магазина, что тот вжался в стену. Затем наш герой почувствовал, что готов разрыдаться. Чтобы не делать этого на людях, он побежал к выходу, сорвал с вешалки свою куртку и выскочил на улицу, громко хлопнув дверью. Холодный осенний ветер заставил Ивана Петровича застегнуться.

Сидоров брел домой, шурша опавшими листьями, и в душе у него зияла пустота, как будто оттуда вынули что-то очень ценное и важное.

Мария Павловна сразу заметила болезненное состояние своего мужа и заставила его после ужина на всякий случай принять амиксин, а потом съесть витамины «Дуовит». Иван Петрович безропотно проглотил маленькую таблетку, затем разжевал синее драже, после него красное; не морщась, проглотил, запил водой и, не раздеваясь, рухнул в постель. Заботливая супруга тут же укрыла его пледом и выключила в спальне свет. Сидоров лежал в темноте и ругал себя последними словами. И незаметно уснул.

На следующее утро Иван Петрович впервые за многие годы не поднялся по будильнику. На работу наш герой опоздал на полчаса. Когда он вошел в кабинет, оба телефона заливались неспевшимся дуэтом. Кресло Денисова пустовало. Иван Петрович снял трубку на своем аппарате и объяснил шефу, что приболел, поэтому немного опоздал. Начальник осведомился о Николае Степановиче, и Сидоров ответил, что не видел коллегу с середины вчерашнего дня. Потом, припомнив, добавил, что Денисов уезжал вчера в головную контору.

Объяснившись с шефом, Иван Петрович перехватил звонок на второй аппарат и почти то же самое рассказал дотошной секретарше. Не успел он положить трубку, как ему снова позвонили. На этот раз взволнованный женский голос сообщил, что с ним говорит жена Николая Степановича. Перемежая речь всхлипываниями, женщина поведала, что они с мужем крепко поссорились пару недель назад. И добавила, сбиваясь на плач, что Денисов вчера не ночевал дома, и что она совершенно не понимает, куда он мог подеваться.

Весь день Сидорова донимали звонками по поводу пропавшего. Николай Степанович исчез без следа, как будто растворился в осеннем сумраке. Когда вечером Иван Петрович, движимый смутными подозрениями, показал фотографию коллеги хозяину букинистического магазина, тот признал в Денисове покупателя «*Sola virtute armatus*». А Сидорову с тех пор по ночам стал сниться сон, в котором его поджидали у подъезда оседланный гнедой конь и юноша-оруженосец с длинным боевым копьём. Иван Петрович в этом сне вскакивал с постели и, не одеваясь, мчался к лифту. Безрезультатно давил на кнопку, потом, спотыкаясь, бежал вниз по лестнице. А когда он наконец выскакивал из подъезда, то понимал, что опоздал. Ни коня, ни юноши нигде не было видно. Лишь слышалось издали цоканье копыт по асфальту...

ДЕМОНСТРАЦИЯ

Зал официальных делегаций когда-то задумывался солидным правительственным офисом в терминале космодрома. Но как всегда на этой планете, на его отделке и мебелировке решили сэкономить. И сейчас Медонт ощущал себя актером второсортного голографического фильма, который снимается в наспех арендованном ангаре. Но того, кто стоял напротив, обуревали иные чувства.

– Надеюсь, ты понимаешь, как важны эти переговоры для Новой Эллады?

Всепланетный архонт Креон не скрывал своего волнения. На его упрямом лице, окаймленном аккуратной, начинающей седеть бородкой, то и дело появлялись мельчайшие капельки пота. Мундир правителя Новой Эллады смотрелся безупречно, как обычно, но широкая многоцветная перевязь, соответствующая высокому званию Креона, была сдвинута на бок на целых три пальца.

Медонт, едва сдержав желание поправить расшитую ленту, придал лицу самое серьезное выражение и ответил:

– Ваше высокопревосходительство, я осознаю всю серьезность этой миссии и приложу все свои силы, чтобы отстоять интересы родной планеты.

Про себя же Медонт подумал, что с удовольствием послал бы к Танатосу и Креона, и весь ареопаг Новой Эллады, если бы не долги за домик на берегу залива. А жалование логофета по особым поручениям позволяло снизить остроту финансовых проблем.

Тем временем архонт продолжил задавать вопросы:

– Ты уверен, что вы справитесь втроем? Я могу послать с вами лучших людей из логофесии внешних сношений.

– Благодарю, ваше высокопревосходительство! Но мы прекрасно справимся втроем. Акаст понимает меня с полуслова, а Феспий искусен в добыче чужих секретов.

– Ну, как скажешь. Знай, что вся Новая Эллада будет молиться за вас!

Медонт представил себе владельцев банка, в котором брал кредит на домик, молящимися за него, Медонта, и чуть было не рассмеялся, но сдержал свои эмоции, увидев перед собой пятерню архонта. Логофету показалось даже, что во время крепкого рукопожатия в уголках глаз правителя появились слезинки, но тут Креон резко развернулся и зашагал к выходу. Официальные проводы на космодrome закончились. Теперь делегации предстояло лететь на Новую Тевтонию и попытаться выторговать для родины соседнюю систему Кармина, богатую минеральными ресурсами.

Вопрос о том, кто имеет больше прав на Кармину, оказался настолько запутанным, что даже Межзвездный третейский суд на Делии отказался быть арбитром. В конце концов назначили переговоры. Проявив добрую волю, Креон согласился, чтобы проводились они на Новой Тевтонии. Представлять Новую Элладу выпало только что назначенному логофету по особым поручениям. Медонт прекрасно понимал, что такой стремительный скачок его карьеры был вызван только тем обстоятельством, что никто из земляков-дипломатов не хотел браться за эту миссию. В логофесии трезво смотрели на вещи и считали, что удачно провести переговоры почти невозможно. Да, желающих портить карьеру не нашлось, и лишь Медонт, отягощенный долгами, решил рискнуть. Архонт неспроста упоминал о важности этой миссии, ведь полезные ископаемые на Новой Элладе были почти исчерпаны, и развитие планеты зависело от доступа к новым источникам ресурсов.

Генерал Карстен Фольмер мерил шагами приемную министра обороны. Сохранивший, несмотря на возраст, гибкость и силу, он напоминал хищного зверя, мечущегося по клетке. Генерал не любил, когда его внезапно вызывают к начальству, поэтому перебирал в памяти свои возможные промахи и недочеты. Но во всех вверенных ему частях и подразделениях Центрального военного округа Новой Тевтонии уже давно не происходило ничего крамольного. Личный состав планомерно повышал боевую готовность, техника не пропадала и в меру сил поддерживалась в рабочем состоянии. Но может быть, эта не в меру пронырливая фрау Рекер пронюхала про сверхсекретную военную базу на побережье Внутреннего моря, где за счет планетарной казны отдыхал высший командный состав?

Генерал снял фуражку, промокнул высокий лоб и лысину мягким платком, потом глянул на секретаршу. Та помотала головой: министр еще не освободилась.

Наконец Фольмера пригласили войти. Он по-военному четко поприветствовал Ильзу Рекер, миниатюрную рано поседевшую женщину с лошадиным лицом, и сразу осведомился о цели вызова. Министр предложила ему сесть и окинула взглядом, не сулящим ничего хорошего. Ее бледно-серые глаза смотрели холодно, с отчуждением, и генерал подумал, что, возможно, фрау Рекер нарыла на него какой-нибудь компромат.

Но министр начала говорить совсем о другом.

– Как вы знаете, херр генерал, сейчас в столице проходят переговоры о статусе Кармины. Эта система богата полезными ископаемыми и представляет собой лакомый кусочек. Но высаживать там наших горняков и начать разработки нельзя: кроме нас,

на Кармину претендует Новая Эллада. Так уж вышло, что наши позиции ничуть не лучше, чем у оппонентов, поэтому никакого прогресса на переговорах не наблюдается. Ну вот совсем никакого! – министр глянула на генерала так, будто именно он был виноват во всех дипломатических затруднениях.

Карстен Фольмер не пошевелился, но в глубине души посочувствовал мужу фрау Рекер, а также ее секретарше и другим непосредственным подчиненным, включая себя. А министр между тем глянула на портрет, где был изображен высоколобый человек с располагающим к себе лицом, и продолжила свою речь:

– И тогда наш горячо любимый президент предложил провести маленькую демонстрацию силы. Совсем маленькую и безобидную, чтобы никто не смог обвинить нас в давлении, но достаточную для того, чтобы получить козырь на переговорах. Вы меня понимаете, херр генерал?

– Нет, фрау министр! – резко ответил Фольмер. – Я не дипломат, я военный. Если прикажет президент, я высажусь на Новой Элладе, на Кармине или в любой другой точке Галактики и поставлю кого угодно уважать Новую Тевтонию. Но я не понимаю, что такое маленькая безобидная демонстрация силы, за которую нас нельзя будет обвинять в давлении.

Щеки Ильзы Рекер порозовели. Губы министра сжались в две тоненькие ниточки. Фрау раскрыла рот, но не произнесла ни звука, лишь злобно посмотрела на генерала и сделала глубокий вдох. Потом глянула на информационную панель перед собой и продолжила спокойным голосом:

– Херр генерал, я знаю, что в армейской среде очень не любят неопределенность, поэтому предлагаю вам примерный сценарий этой демонстрации. Вы примете у себя в округе на секретной базе, той самой, на берегу Внутреннего моря, представителя Новой Эллады и обеспечите ему первоклассный отдых. Затем, когда ваш гость расслабится, устройте развлечение. Такое, чтобы он понял, что войска Новой Тевтонии – это важный фактор. Очень важный! Покажите ему, на что вы способны! Продемонстрируйте, как мы сильны! Но не переусердствуйте! Никаких угроз! Вы меня поняли? – И министр смерила Фольмера новым ледяным взглядом.

– Так точно, фрау министр!

Медонт с Феспием купались в изумрудных водах Внутреннего моря. Местечко, в которое их привезли на время технического перерыва в переговорах, больше напоминало роскошный курорт, а не военную базу. Здесь имелось все, с чем люди асоциировали самый лучший отдых: прекрасные пляжи с белым коралловым песком, не обжигающим ступни даже в разгар дня,

великолепные парки, в которых были проложены сотни стадиев отличных дорожек, спортивные площадки и самый настоящий ночной клуб со всей положенной атрибутикой.

Медонту еще не приходилось оттягиваться в подобных местах, хотя Феспий заявил, что видел курорты и получше. Хозяева-военные демонстрировали поразительное радушие, стараясь исполнить любой каприз гостей с Новой Эллады. Но через несколько дней, заполненных праздностью, Медонт заскучал. Феспию было проще, он делал свою обычную работу, притворяясь отдыхающим. А вот логофет по особым поручениям чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Он позавидовал Акасту, который остался в планетарной столице, и попробовал связаться с МИДом Новой Тевтонии. Министр оказался недоступен, но его заместитель заверил Медонта, что технический перерыв вот-вот закончится, намекнул, что для высоких гостей готовится нечто необыкновенное, не виданное ими никогда, и попросил логофета потерпеть еще пару дней.

Медонт обдумал эту информацию и вызвал Феспия на разговор во время самой шумной фазы вечернего шоу. К следующему вечеру специалист по добыче чужих секретов смог разузнать, что задумали гостеприимные хозяева. Оставалось передать шифрованное сообщение по открытым каналам Акасту и тщательно подготовиться к тому дню, когда тевтонцы покажут им «нечто необыкновенное».

– Так вы говорите, что это часть традиций Новой Тевтонии? – обратился Медонт к важному лысому генералу, который вызвался сопровождать их. Генерал был немолод, но выглядел очень гибким и сильным.

– Да, херр логофет. Первые поселенцы, когда прибыли на Новую Тевтонию, устраивали гонки, победителям которых доставались самые лучшие участки на планете. Позднее это стало основой для военных игр. Разные подразделения соревнуются между собой, пытаясь первыми захватить позицию, отыскать там вымпел и доставить его в штаб.

– А как мы сможем наблюдать за этими играми?

– Наш горячо любимый президент разрешил вам находиться в штабе округа. Там вы сможете увидеть все действие так, как не видел еще ни один житель вашего мира.

– А куда мы направляемся сейчас?

– К моим фаворитам! Первый корпус космического десанта – это лучшие бойцы Новой Тевтонии!

Генеральский флаер быстро донес Медонта и Феспия до забетонированных площадок, уставленных огромными ангарами,

возле которых выстроились сотни орбитальных транспортов. У каждого челнока стояли шеренги десантников в полной выкладке. Флаер приземлился, и генерал повел гостей к своим любимцам. Плечистые гиганты в боевых экзоскелетах выглядели очень грозно. Медонт подумал, что по сравнению с этими вояками силы обороны Новой Эллады покажутся горсткой жалких оборванцев.

– Вы говорили, что это первый корпус, – сказал он. – А много их у вас на Новой Тевтонии?

– Нет. Всего лишь пара сотен. Больше не получается по экономическим соображениям. Но в случае необходимости наши арсеналы позволят экипировать еще столько же.

Медонт посмотрел на Феспия: тот нахмурился и что-то мысленно прикидывал.

– А в играх будут участвовать все двести корпусов? – задал новый вопрос логофет по особым поручениям.

– Нет, конечно. Для игр семь самых лучших частей делегируют своих лучших десантников.

Потом представителей Новой Эллады привезли в штаб. Он был оборудован по последнему слову тевтонской техники. Громадные голографические экраны позволяли увидеть в мельчайших деталях позицию – островок посреди Внутреннего моря, а также космических десантников, готовящихся к играм.

Осмотрев центральный зал, Медонт обратился к генералу:

– Я понимаю, что, наверное, замучил вас вопросами. Но позвольте мне задать еще один, дабы понять все про ваши замечательные игры. Я правильно понял, что сейчас семеро десантников будут сброшены с орбиты в боевых капсулах, и тот, кто окажется ближе к вымпелу, получит преимущество?

– Да. Вы все поняли правильно.

Лысый генерал излучал самодовольство. Было заметно, что предстоящее действие нравится ему само по себе, вне зависимости от присутствия гостей с Новой Эллады.

– Но что мешает вашим десантникам сделать так?

Медонт глянул на часы и подошел к дальней стене центрального зала, задрапированной черными портьерами. Мелькнула вспышка, и логофет пропал из поля зрения. Зато на голографическом экране, показывающем позицию, внезапно появился человек, очень похожий на Медонта. Он подошел к бункеру в центре островка, прицепил что-то к бронированной двери и прижался к стене. Грохнул взрыв. Человек нырнул в образовавшуюся дыру и вскоре вернулся с вымпелом в руках. Потом на экране польхнуло, и двойник Медонта исчез. Зато от портьер центрального зала донесся голос логофета:

– Что мешает вашим десантникам сделать так? – И Медонт протянул генералу вымпел.

– Вы уверены?

Лошадиное лицо министра обороны выражало крайнюю степень озабоченности, а бледно-серые глаза непрерывно бегали с информационной панели на генерала и обратно.

– Так точно, фрау министр! Я видел это собственными глазами. А еще у нас есть данные систем наблюдения. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что представитель Новой Эллады телепортировался из штаба на позицию, взял там вымпел и телепортировался обратно в штаб.

– Расстояние?

– Двести километров.

– Это значит, что элладцы могут отправлять свои войска с боевых транспортов на низкой орбите сразу на поверхность планеты. Это значит, что наша противокосмическая оборона бесполезна. А еще это значит, что они так уверены в себе, что не побоялись продемонстрировать это нам. Я права?

– Так точно, фрау министр!

Ильза Рекер кинула быстрый взгляд на портрет и задумчиво произнесла:

– Наш горячо любимый президент будет расстроен. Это нарушит все его планы по поводу Кармины. Но лучше изменить планы, чем подвергнуть родину опасности...

– Bravo, Медонт! Вы превзошли самого себя!

Всепланетный архонт Креон едва не искрился от радости. Встречая логофета по особым поручениям на космодроме, он обнимал дипломата с такой страстью, что Медонту в какой-то момент показалось, что его кости вот-вот затрепещат. О том, что в результате переговоров Кармина досталась Новой Элладе, логофет сообщил по гиперсвязи еще с Новой Тевтонии. С космодрома Медонта, Акаста и Феспия привезли в личные покои архонта, и уже там Креон начал расспросы.

– Но как же вам это удалось? Ведь у нас не имелось никаких преимуществ.

– Вы знаете, ваше высокопревосходительство, еще в дипломатической академии нас учили, что добрым словом и револьвером можно добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом. Проблема заключалась в том, что у нас этого самого револьвера не было. Но он есть у тевтонцев, причем довольно внушительный. Нам с Феспием его показали – мы оценили всю серьезность аргумента.

- И что же вы противопоставили этому револьверу?
- Мы блефовали, заставили тевтонцев поверить, что у нас есть кое-что получше, чем их космические десантники. И наш блеф удался.
- Но ведь на Новой Тевтонии не дураки сидят! Как вам удалось их обмануть?
- Мы с Акастом близнецы, это вы знаете. Но тевтонцам это было неизвестно, и я предпринял некоторые шаги, не позволившие им это узнать. Я не зря взял с собой Феспия! Он вовремя выяснил, что военные Новой Тевтонии собираются показать нам свою мощь, и даже раздобыл точный сценарий этой демонстрации вместе с координатами острова, на котором все должно было происходить. Акаст скрытно отправился туда под видом рыбака на арендованной шаланде и в нужный момент блестяще отыграл свою роль. Мне же оставалось в условленное время взорвать светозумовой заряд, спрятаться за портьерой, затем выйти оттуда и предъявить военным Новой Тевтонии дубликат их выпела. После нашей ответной демонстрации в переговорах наметился прогресс. Тевтонцы дали знать, что согласятся на нашу юрисдикцию над Карминой в ответ на беспощинную торговлю и обязательство о взаимном ненападении.
- Но как вам пришло в голову повернуть такое убедительное представление?
- Мы с Акастом еще в школе увлекались фокусами. А близнецам многие трюки удаются значительно проще, чем обычным людям.

В самом просторном кабинете Новой Тевтонии в удобном мягком кресле сидел человек, чье выразительное, располагающее к себе лицо украшало тысячи портретов на всей планете. Он изучал досье на информационной панели перед собой. Потом президент откинулся назад и положил руки на аккуратную подстриженную макушку.

- Значит, говорите, это был лишь трюк?
- Да, мистер президент.
- Причем трюк такой банальный и избитый, что даже стыдно о таком говорить?
- Да, мистер президент.
- Ну что ж, сохраните досье для меня. Оно пригодится, если эта дура Рекер пойдет на следующие выборы. Да и вояк поможет держать в узде, если возомнят о себе больше положенного... Дадим элладцам время, пусть открывают на Кармине рудники и шахты, пусть делают дороги. А мы потом придем на все готовенькое и возьмем все, что захотим...

МУМИЯ И ГОНЗАГА

*Кто меньше полагался на милость судьбы,
тот дольше удерживался у власти.*

Никколо Макиавелли

16 августа 1328 года

Туман, пришедший с Мантуанских озер, накрыл засыпающий город белым пушистым покрывалом. В этой дымке улицы Мантуи казались загадочными и зловещими. Редкие прохожие старались поскорее убраться под крышу. В южной части площади Святого Петра густая мгла помогала группе горожан оставаться незамеченной. Из всех собравшихся в нише гильдии суконщиков более всего выделялся представительный мужчина с белой окладистой бородой, чуть раздваивавшейся в нижней части. Бородач задавал вопросы и отдавал своим спутникам распоряжения:

- Где веронцы?
- Подходят к площади.
- Передайте Кастельбарко, чтобы он атаковал дворец Бонакольси только по моей команде. Ринальдо во дворце?
- Да, отец. Мы подкупили прислугу и теперь знаем даже какого цвета сорочка у сеньоры Аньезе.
- Филиппо на месте?
- Да, отец.
- А где Савиола и его люди?
- Там, где и договаривались. Они ждут твоего сигнала.
- Ну, с богом. Начинаем.

Бородач-подеста проводил взглядом людей в темных плащах. Один за другим они исчезали в тумане. А ему оставалось лишь молиться, чтобы все прошло, как запланировали.

Вскоре вернувшиеся вестовые доложили, что Савиола бесшумно разрушил часовых на площади Святого Петра. В это же время отряд под командованием старшего сына подеста Гвидо заблокировал в казармах всех ломбардцев, верных Ринальдо. Бонакольси остался в своем дворце лишь с горсткой телохранителей. И в тот момент, когда налетевший с севера ветер начал разгонять белую пелену, на площадь вступила конная сотня из Вероны под командованием кондотьера Кастельбарко. Подеста Луиджи Гонзага шумно выдохнул. Дело осталось за малым – во что бы то ни стало захватить городского капитана Ринальдо Бонакольси. Живым или мертвым. И второе – предпочтительнее.

В суматохе Бонакольси попытался сбежать. Когда Ринальдо, без оружия и полуодетый, хотел выскользнуть из дворца на своем

гнедом, капитана нагнал Альберто Савиола. Два беспощадно точных удара мечом – и вот уже Бонакольси, истекая кровью, скачет обратно. Каким-то чудом Ринальдо удалось удержаться в седле, но других чудес этой ночью для городского капитана не оставалось. Луиджи дал знак, чтобы поверженного врага не преследовали.

Утром, когда все уже закончилось, сторонники Гонзага нашли в дворцовой конюшне холодный труп Бонакольси. Подеста задумался: может, стоило похоронить Ринальдо с почестями? Ведь он как-никак был городским капитаном славной Мантуи. Или же выставить тело на поругание, чтобы чернь выместила на нем всю свою злость и зависть к лучшим людям?

Тут Луиджи кто-то тронул за плечо. Сын Гвидо указывал на безумную Леонору, пришедшую к дворцу. Женщина с распущенными светлыми волосами, облаченная в рубище неопределенного цвета, сидела над телом Бонакольси и что-то бормотала. Подеста прислушался и понял, что Леонора нараспев читает сто восьмой псалом:

– Да воспомянется беззаконие отцов его пред Господом, и грех матери его да не изгладится; да будут пред Господом всегда, и да истребится с земли память о них за то, что не подумал он оказать милость и преследовал человека бедного, и нищего и сокрушенного сердцем, чтобы умертвить его. И возлюбил он проклятие, и оно придет к нему, и не восхотел благословения, и оно удалится от него.

Затем Леонора резко поднялась на ноги и устоялась на Луиджи. От безумного взгляда разноцветных глаз у подеста на мгновение закружилась голова. А блаженная изрекла громким визгливым голосом:

– Гонзага воцарятся в Мантуе и будут править ей во славу Господа до тех пор, пока среди них останется хотя бы один Бонакольси!

Женщина рассмеялась безумным смехом, а Луиджи аж передернуло от ее слов. Он снова посмотрел на тело городского капитана и надолго погрузился в размышления. Как сделать так, чтобы Бонакольси был среди Гонзага? После сегодняшнего переворота это совершенно невозможно! Он, Луиджи, теперь обязан убить всех потомков своего врага, чтобы обезопасить своих сыновей. И иначе нельзя. Взгляд подеста упал на потемневший фасад собора. В крипте хранятся мощи Святого Ансельма, покровителя Мантуи. А что помешает ему хранить в капитанском дворце мощи Бонакольси?

– Гвидо! Приведи ко мне магистра Фанчелли.

Когда старший сын подеста подвел к отцу заспанного городского медика, тот сначала не поверил собственным ушам. Забальзамировать Бонакольси? А потом усадить мумию в зале заседаний малого совета? Но Луиджи Гонзага повторил свое распоряжение и потребовал, чтобы оно было выполнено неукоснительно.

16 августа 1705 года

Когда тебе девятнадцать лет и ты герцогиня – жизнь превращается в вечный праздник. И не беда, что муж, Карл Фердинанд Гонзага, старше тебя на тридцать четыре года. У него – своя жизнь, свои друзья, свои враги. А ты, впервые приехав в Италию из Парижа, каждый день открываешь что-нибудь диковинное и невероятно интересное. И не беда, что на севере идет война. В Мантуе безопасно – тут расквартирован французский гарнизон.

Прибыв в город, герцогиня Сюзанна Генриетта отводила душу на балах, устроенных в ее честь местной знатью. Но праздники быстро закончились и начались скучные будни. После блестящего Версаля столица герцогства казалась маленькой и провинциальной. К тому же город так и не оправился после жуткого разграбления, которое устроили летом 1630 года имперские войска. Как возмущенно рассказывала Сюзанне Генриетте ее камеристка, мантуанка Паула, ландскнехты тогда вывезли четыре сотни фургонов с драгоценностями, статуями, картинами, церковной утварью и всем, что они только смогли украсть в Мантуе. Потом герцогу Карлу, вернувшемуся в свою столицу, пришлось просить соседей помочь кто чем сможет. Тогда сюзерен Тосканский прислал ему мебель на две комнаты, правитель Пармский – столовое серебро, а властелин Моденский выделил волов и сотню работников, чтобы выскородный сосед не помер с голоду.

Однажды, гуляя со свитой по лабиринту зданий герцогской резиденции, Сюзанна Генриетта случайно зашла в мрачный покой, стены которого были завешены потемневшими гобеленами. В этом заброшенном зале пахло плесенью, сыростью и чем-то еще, странным и неприятным. Юная герцогиня уже собиралась выйти из жутковатого помещения, как вдруг заметила что-то у дальней стены.

Когда слуги с факелами осветили зал, пораженная Сюзанна увидела страшное высохшее черное тело, по чьей-то прихоти усаженное в кресло с подлокотниками. Колеблющееся пламя отразилось от мраморных шариков, вложенных в пустые глазницы, отчего всем показалось, что мумия наблюдает за людьми.

– Что это? – в ужасе вскрикнула Сюзанна.

– Это мумия Ринальдо Бонакольси.

- Зачем она здесь? – взвизгнула юная герцогиня.
- Никто уже точно не помнит, – ответила Паула, – но говорят, что она хранится здесь уже более трех веков.
- Дикость какая! Уберите ее отсюда немедленно! Выкиньте в озеро, чтобы я больше никогда не видела это во дворце!

16 августа 1707 года

В четырехэтажном дворце, выходящем окнами на Большой канал Венеции прямо напротив рыбного рынка, поселился важный вельможа. Вышколенные слуги именовали его «вашей светлостью». Это был Карл Фердинанд Гонзага, герцог Мантуанский и Монферратский, суверен Арша.

В середине дня к парадному входу дворца причалила гондола с господином, закутанным не по погоде в черный плащ. Привратник на галерее сначала недоуменно стрельнул глазами:

- Как прикажете доложить?
- Господин Джованни.
- Вам назначено?
- У меня срочная депеша к его светлости. Приказано передать из рук в руки.

Господин в черном плаще держался так уверенно и властно, что слуга без всяких проволочек помчался к герцогу. Когда нежданного визитера проводили в кабинет, гость попросил оставить его с хозяином наедине.

– Ваша светлость, позвольте представиться: рейхсграф Джованни Батиста Кафельбарко.

– Очень приятно. Позвольте полюбопытствовать, чем обусловлен ваш столь неожиданный визит?

– Я здесь инкогнито, по личной инициативе. Поэтому назовите меня просто господин Джованни.

– Как вам будет угодно.

– Император Иосиф назначил меня губернатором Мантуи. Прежде чем начать исполнять эти почетные обязанности, я хотел бы, в память о дружбе наших далеких предков, осведомиться, не могу ли я что-либо сделать для вас в частном порядке, перед тем как Надворный совет обвинит вас в государственной измене.

– Это уже решено?

– Да. Ваш союз с французами очень огорчил императора, и он, взвесив все за и против, решил отозвать вашу инвестицию с соблюдением всех необходимых формальностей.

– Печально. Очень печально, – проговорил герцог и уставился в окно, чтобы гость не увидел выражения его лица.

По Большому каналу проплывало множество гондол и лодок, груженных различными товарами. Несмотря на упадок Серенис-

симы, движение на главной водной артерии города не затихало даже ночью. Проследив взглядом за самым большим судном на канале, Карл Фердинанд сделал глубокий вдох и продолжил:

– А что вы сказали о давней дружбе наших предков?

– Разве вы не знаете? Мой далекий предок Гильельмо Аззоне Кастельбарко помог вашему предку стать правителем Мантуи. Именно Гильельмо привел солдат из Вероны.

– Это все было так давно... Я никогда не интересовался семейными преданиями.

– Может, вы и про мумию не знаете?

– Какую мумию?

– Мумию Бонакольси. Вам разве не рассказывал ваш отец?

– Он скончался неожиданно, когда мне было тринадцать лет. Если он и собирался поведать мне какую либо семейную тайну, то не успел это сделать.

– Сочувствую вам, ваше сиятельство.

– Благодарю вас, господин Джованни. Так что вы говорили о том, чтобы сделать для меня что-нибудь в частном порядке?..

Когда рейхсграф-инкогнито покинул дворец, герцог вызвал к себе престарелого камердинера.

– Никколо, тебе известны семейные предания рода Гонзага?

– Да, ваша светлость.

– А знаешь ли ты историю про некую мумию?

– Да, ваша светлость.

– Ну так поведай мне.

– Ваша светлость, не гневайтесь, но это больше похоже на сказки, которые детям рассказывают перед сном.

– Так расскажи мне эти сказки, Никколо! Обещаю, что не буду сердиться на тебя.

– Ну, вы сами попросили, ваша светлость. Если что – я не виноват. Так разные пустобрехи из черни болтают. А говорят они, извините, ваша светлость, что ваш предок, господин Луиджи, основатель вашего рода, продал душу дьяволу, чтобы стать сеньором Мантуи. Но нечистому этого показалось мало, и он потребовал, чтобы в герцогском дворце всегда находилась мумия прежнего правителя города. И покуда эта мумия оставалась на месте – Гонзага были властителями Мантуи.

– И что же произошло с этой мумией?

– А вы разве не знаете, ваша светлость?

– Конечно же, не знаю, Никколо. Если бы я знал, я разве стал бы у тебя это спрашивать?

– Ваша супруга потребовала, чтобы эту мумию выкинули из дворца и утопили в озере.

– И ее действительно выкинули?

- Да, ваша светлость.
- Остолопы! А почему не спросили у меня?
- Но, ваша светлость, вы же никогда не интересовались семейными преданиями. К тому же вы очень строго указывали не беспокоить вас, когда ее светлость занимается перестановками во дворце.
- И когда это произошло?
- Ну, наверное, позапрошлым летом.
- Два года назад... А после этого Евгений Савойский разбил французов под Туринном, и мне пришлось бежать из Мантуи... Проклятая лотарингская шлюха! Она даже не смогла родить мне законного наследника! Проклятые французы! Их было в два раза больше, но они отсиживались в лагере, дожидаясь, пока Савойский превратит их в фарш, а потом бежали, как последние трусы! Проклятая мумия! Проклятый Кагельбарко! Представляю, с какой радостью он приехал сюда, чтобы сообщить мне о решении императора!

* * *

С тех пор герцог Карл Фердинанд Гонзага стал совершенно непохожим на себя. Он забыл про великосветские манеры, часто бранился и впадал в неистовство. Он написал письмо супруге в Париж, в котором в очень резкой форме выказал свое нежелание видеть ее хоть когда-либо. Эта резкость, а также общий депрессивный настрой герцога привели к тому, что вскоре Гонзага покинули даже самые верные сторонники. В начале следующего лета Карл Фердинанд направился в Миру, где намеревался в тиши загородных вилл договориться о помощи с членами Совета десяти, но неудачно упал, сходя с лодки. Герцога, жалующегося на сильные боли в груди, перевезли в Падую, где 5 июля 1708 года он и скончался, через пять дней после того, как Надворный совет постановил лишить Карла Фердинанда всех владений и конфисковать все его имущество в казну Священной Римской империи.

Так бесславно пресеклась главная ветвь рода Гонзага.

Руда Стевряка АЦЦКАЯ КОМЕДИЯ, или ДЕВЯТЬ КРУГОВ DOOM'а

С самого начала игра у Михи не задалась. Наверно, дело было в старой видеокarte и проблемах с вентилятором: игра подгружалась медленно, и картинка периодически как-то странно подвисала. В самый критический момент все монстры замирали, словно какой-то гад остановил время в виртуальной реальности, и по их уродливым мордам пробегали неясные тени. И чем ближе Миха подбирался к Primary Excavation, тем больше эти тени делались похожими на чьи-то лица.

Жутковатые странности начались уже на Caverns Area 2: Миха собирался достойно разобрать на части вагари и местных адских рыцарей. Но перед самой своей смертью вагари, как и предыдущие монстры, зависла, по ее лицу пробежала тень – и вместо привычных восьми глаз Миха увидел почти обычное двуглазое лицо с ехидной ухмылкой. Именно «почти», потому что лик с двумя глазами был увенчан парой красивых рогов. Рогатая рожа, в отличие от королевы пауков, не зависла, а подмигнула и заржала. И это был не привычный, надоевший до чертиков смех Бетругера. Миха вдруг вспомнил, как незадолго до этого захлебнулся своим хихиканьем противный осатаневший руководитель марсианского комплекса УАС. В последнее время Бетругер ржал совсем не там, где ему положено. И смех его был какой-то грустный и даже обреченный, словно не над Михой он насмеялся и издевался, а ехидно оплакивал собственную горькую судьбу. Адский клоун! «Может, звуковая карта глючит?» – думал думер. Но потом вспомнил странность другого рода.

Когда Бетругер сообщил, что чувствует запах Михиного страха, вонь на самом деле появилась: думер унюхал серу. Именно серу, а не паленые провода, подгоревшую картошку, табачный дым или еще что-нибудь обыденное. И неоткуда было взяться сере в Михиной комнате.

Primary Excavation встретил Миху непривычной тишиной. Оружие и боеприпасы были на месте, а вот привычных звуков не было. И туша в проеме была неподвижна. И свечи горели как-то уж слишком реально: от них вроде бы исходил запах ладана и тепло, словно горели они не на картинке монитора, а прямо в комнате. И словно дым какой-то наполнил помещение. Миха глянул на системник – ему показалось, что дым валит оттуда.

Но с системным блоком было все в порядке, чего не скажешь о субъективных ощущениях думера. Ему казалось, что цвета картинка на мониторе мерцают и переливаются по всей комнате, создавая причудливую игру отблесков и теней. И этот запах! Если где-то и горела проводка, то она не должна была вонять тухлыми яйцами и серой.

Миха хотел было сохраниться и перезагрузить игру – на его взгляд, это был самый логичный способ избавиться от глюков. Но не смог. Пальцы не доставали до клавиатуры, потому что она... она была внутри монитора – медленно, но уверенно плыла над залитой отсветами адского неба дорожкой, и только краешек ее с клавишей «ctrl» еще торчал из экрана. Миха попытался схватить беглянку и вытащить оттуда, но споткнулся. Он опустил глаза, чтобы глянуть, что там под ногами мешается – это был булжчик, один из многих на виртуальной дорожке. И тут Миха сообразил, что он топает следом за своей сбрендившей клавиатурой по дорожке внутри игры – прямо в лапы Кибердемону. Думер оглянулся: в конце дорожки голубым светом мерцал квадрат монитора, в этом мерцании еще виднелись смутные очертания комнаты. Но они быстро таяли, а сам светящийся квадрат стремительно сжимался. А впереди гнусно хихикал Кибер огнедышащий...

«А с каких это пор Киберы хихикать стали?» – подумал Миха.

И увидел того, кто хихикал на самом деле: чуть поодаль от адской ямы не было ни Кибердемона, ни другой знакомой нечисти. Только один Козел.

«Новый спрайт какой-то», – решил Миха.

Козел не имел ничего общего с Кибером, кроме рогов, да и те были гораздо меньше. Сам рогоносец был почти одного роста с Михой – двуногий, двурукий и с длиннющим голым хвостом, на конце которого виднелось нечто похожее на наконечник большого копыя. Руки у нового спрайта были совсем человеческие, только ногти, не стриженные года два, не меньше, вполне могли сойти за хорошие когти. Ноги заканчивались копытами, как у любого нормального козла. Очень ухоженными копытами, с красивым узором по краю. Двуногий ухмыляющийся Козел был облачен в черную мантию, распахнутую – видимо, ему было жарко. Под мантией виднелись очертания обычного человеческого тела с довольно солидной мускулатурой. И оружия вроде у Козла не было. Хотя у Бесов оружия тоже не наблюдалось – они же файерболлами швырялись. Может, и этот такой же. Впрочем, хвост с наконечником, когти-ногти и рога вполне могли сойти за неплохое оружие. Лицо у Козла тоже было совсем человеческое: с маленькими глазками, в которых отражались отблески пламени, крючковатым носом, белоснежными ровными зубами и бородкой, которая вполне

соответствовала козлиной внешности спрайта. Хихикал именно этот Козел – больше на карте никого не было.

– Ну, здравствуй, душа моя, душа пропащая! – Козел легко поймал сбежавшую клавиатуру и погладил, как любимого котенка. – Грешная моя душенька. Чем бы тебя развлечь? Попади ты сюда на пару десятков лет раньше, я бы нашел достойные развлечения, чтобы ты смог оценить теплоту моего гостеприимства. Но увы... – он грустно мотнул головой, – оглядись! Вон там раньше огненное озеро было. Красивое. Мои чертяки там пьяниц топили. А чуть дальше велась добыча камня, чтобы чревоугодников кормить. Но нету теперь каменоломенки: ваш дурацкий Кибердемон ее в мелкое крошево потоптал. Да и сами вы под ноги никогда не смотрите – все порушили. Озерцо-то один из первых думеров плазмоганом выпарил... Вот теперь и не знаю – куда тебя пристроить? Наверно, вобью IDDQD, сброшу тебя вниз – и болтайся там во веки веков. Бессмертный, гыыы!

– Ты кто? – удивленно выдохнул Миха.

– Не признал, что ль? Я – Князь мира вашего, хозяин, так сказать. Или, как у вас в интернетах говорят, Аццкий Сотона.

– Не понял! Тролль, что ли?

– Ты меня еще глюком обзови! – заржал Козел, назвавшийся Сатаной. – Ваши все так думают. Загрузятся пивом под завязку, садятся играть, а потом истину где-то рядом ищут, глазам своим не верят. Один даже скорую пытался вызвать, протасил с собой телефон. Только здесь то самое, «вне зоны доступа», скорая не слышит. Ты вот первый трезвый попался.

– У меня завтра зарплата, сегодня на пиво денег не было, – извиняющимся тоном сказал Миха. – И что? Теперь меня за это вниз на веки вечные? Это ж не грех, что я трезвый!

– Да не кипятись, пошутил я! – Сатана примирительно похлопал думера по плечу. – Не дрейфь, ты мне целый и невредимый нужен.

– Для чего? – Миха попятился и уперся спиной в скалу, за которой плескалась лава.

– Пригодишься, пригодись, – пропел Сатана. – Не плюй в думера, пригодится со Злом сразиться.

Он закружился, юлой завертелся и сразу стал похож на безумного шамана. Только вместо бубна стучал копытами по камням. Где копыто ударяло посильнее, там появлялась пентаграмма. Пыхающие рисунки, по мнению Михи, ничего хорошего не предвещали – из них и в нормальной игре без глюков, рогатых и двуногих всякая дрянь лезла.

И правда: из каждой пентаграммы повылазили Бесы. Миха инстинктивно дернул пальцами в поисках «ctrl», но клавиатура,

зараза, как привязанная, летала рядом с Сатаной. Однако Бесы швыряться всякой гадостью и бросаться в драку не спешили. Они мотали головами в такт перестуку сатанинских копыт, удрученно порывивали и крутились вокруг собственной оси, словно ловили свои невидимые хвосты.

– Ишь, рать адская! – по-отечески оглядел бесовскую толпу Сатана. – Ты, Михаил... вот же имечко у тебя знаковое прям... ты хоть раз моих настоящих родненьких чертей видел? По глазам вижу, что нет. Видел бы – вовек не забыл, свихнулся бы со страху. А это, – он махнул рукой в сторону топчущихся Бесов, – это вроде как тоже черти. Виртуальные. Ох, и куда наш Господь Бог смотрит, а? Во что Ад превратили? Пошто Бесов такими тупыми сделали? Это ж не Бесы, это инвалиды интеллектуально недоразвитые!

– Это не я! – замотал головой Миха.

– Знаю. Знаю, что не ты...

Слова Сатаны слегка успокоили думера: хоть чертей недоразвитых в вину ставить не будут. Потом беспокойство вернулось: Миха припомнил, на чьей совести спрайты третьего DOOM'а.

– Э-э... Коз... Князь... Тьмы...

– Князь мира сего! – гордо поправил его Сатана.

– Князь, ты это... ты пока разработчиков не трогай, а? Они же еще четвертую игру не доделали. А как доделают – глядишь, лучше будет.

– Да меня разработчики не волнуют, – снова успокоил его Сатана. – Будет тебе и четвертый DOOM, и пятый, и двадцать пятый, и шестьсот шестьдесят шестой, ы-ы-ы... Какой резон мне разработчиков напрягать, если у них игра с открытым кодом? Ну не станет разработчиков, так ведь думеров много – имя вам легион. Вы еще что-нибудь этакое запишите, что мне потом век не разобраться. Да и не в этом дело. Я ж понимаю: свобода творчества, полет фантазии, альтернативная реальность и мозги набекрень. Ну, видят люди чертей такими – пусть видят. Тем более большинство и таких дурачков пугается. А вот тому, кто этого придумал, – Сатана нежно потрепал одного из Бесов по холке, и тот довольно заурчал, преданно заглядывая хозяину в глаза, – я самое уютное место в Аду приготовлю. Будет у меня этот фантазер начальником треста, что рога чертей заготавливает.

– А чем этот лучше остальных? – поинтересовался Миха. По его мнению, все Бесы, как китайцы, были на одно лицо.

– Лучше. Умненький. Хитренький. Провокатор тот еще. Умеет засады устраивать, читать, писать и считать до десяти. Не ахти какую подставу сделал, но все же смекалистый. Ты, Михаил, шкаф за номером шестьсот шестьдесят шесть помнишь? То-то же! Умница не только спрятался и тихо в засаде сидел, так еще

и записочку наковырял с кодом и нашел куда прилепить. Да еще для засады выбрал место обитания Ларри Буллмана, известного своей рассеянностью. Вот скажи, многие ли из вас в ловушку не заглянули, мимо прошли?

Миха задумался. И ведь правда: и номер шкафа дурацкий, и записка с кодом на шкафу – вещь для игры нетипичная, потому что халявы в DOOM'е нет. Но в шкаф лезли почти все, даже те, кто на форумах спойлер читал.

– С таким контингентом можно вполне сносную преисподнюю замутить, – продолжал Сатана, – но есть одно «но»... – Он поманил пальцем Миху, и когда тот робко приблизился, спросил: – Вот скажи, душа моя ангельская, зачем нужна преисподняя?

«Ангельская душа» не слишком долго думала:

– Чтобы грешников жарить?

– Грубо, примитивно. Но почти угадал. Мы – вроде санитаров душ. Я бы сказал, ассенизаторы ваших душ. Дезинфицируем, чистим, шлифуем, полируем, избавляем от вируса греха этот мир. Так скать, не допускаем пандемию вселенского грехопадения. Бог и ангелы его – суть диагносты, правосудие творящие. А мы – исполнители врачебных назначений. Равновесие храним, здоровье душ поддерживаем. Благое ведь дело, а?

– Угу, – согласился Миха и поежился, вспоминая, насколько сам грехом инфицирован.

– Равновесие – штука хрупкая, – продолжал Сатана. – Тут профессиональный подход нужен. И объективный, без личной, так скать, заинтересованности, без лишнего фанатизма. Вот тут-то и путается под ногами виртуально-человеческий фактор... вот за него стоит ручки разработчикам вашим, фантазерам, подправить!

– Какой-какой фактор? – Миха снова забеспокоился, остро осознав свою причастность и к роду человеческому, и к сообществу виртуальному.

– Бетругер, мать его Киберу через колено, чтоб ему пасть его горгулья хребет перекусила и подавилась! – Сатана топнул в сердцах, и из появившейся пентаграммы лениво выплыл Какодемон, покружился над адской ямой и улегся в ногах у Князя мира сего, звучно рыгнув. – Ни рожи, ни кожи, мозгов чуть больше, чем у свидетеля Иеговы, а все туда же – мир захватывать. Наполеон марсианский, тьфу! Ладно бы исправлять или, как говаривал один умник шибко смелый, «обустроивать». Благим намерениям мы завсегда рады, благими намерениями – прямиком ко мне в пекло. Так нет же: место мое теплым показалось этому Чингисхану генномодифицированному!

Миха не только успокоился, но и обрадовался: его самого Бетругер до самых печенок уже достал своими дурацкими намеками и гнусным ржачем.

– Так ты его это... в пекло – и все дела! – радостно предложил он.

– Как?! – взревел Сатана. – Он же, Аттила мутировавший, прячется. Вот ты его хоть раз на прицеле держал? Он же, как крыса разумная или как истина фанатичного агента ФБР – где-то рядом. И хрен укусишь. А мне так и вообще развернуться негде: меня нет в этой игре!

– И что теперь делать? – приуныл думер.

– Вот тут-то ты мне и понадобишься! – Сатана поймал летающую клавиатуру, протянул собеседнику и хитро подмигнул. – До тебя мне тут один умник попался, из тех, что не только играют, но и карты делают. Трус конкретный, потому и решил тут же, что я его уже с потрохами купил. Торговался недолго – мне цена сразу понравилась, хотя душу его я и не думал покупать. Ну да покупатель... хм... выкупатель всегда прав, и я не возмущался. Выкуп он мне хороший дал, а я от халявы никогда не отказываюсь.

– И теперь мы можем у кого-то еще душу Бетругера выкупить? У id Software?

– Ну-ну! – хохотнул Сатана. – Чтобы купить что-нибудь ненужное, надо продать что-нибудь ненужное. Нет, все гораздо проще и интереснее. Проще для меня, интереснее для тебя. Ты ж у нас геймер, вот и будешь играть в свое удовольствие. – Сатана покопался когтистыми пальцами в глубинах своей мантии и вытащил на свет простую флешку. – Вот. Научно-технический прогресс в действии. Раньше для такого дела приходилось у фараонов тысячи рабских душ покупать. А теперь одна свободная за пару дней все сделала. Этот выкупатель души своей, оказывается, не только карты пилил, но еще и спрайты ваял новые. Отличные спрайты, как живые... Вот он мне и напилит все девять кругов Ада с положенными подуровнями. А заодно Бетругера с его... хм... так называемой армией: оригинальное, надо сказать, зрелище. Ловушек понаставил, оружия накидал. Одним словом, вундердумеркинд. Правда, под конец этот вундердумер додумался спрайт меня сделать... но получил в душу и побыл скворечником.

– Ты убил его?!

– Ой, ну что ты такое говоришь? Кому он нужен? Я злой, но справедливый: спрайта своего уничтожил, флешку забрал, а картостроителю хитрожопому пинка по той самой жопе дал – и обратно домой отправил. Поначалу, правда, хотел заставить тестировать, но дурень уперся: грех, мол, до смерти в Ад лезть. Не Данте он ни разу. Вот тот, даром что поэт, а смелый был. В общем, теперь это твоя забота. Дерзай!

Сатана снова хитро подмигнул, ехидно захихикал, а Мишу какая-то сила аккуратно, но уверенно потащила к вновь появившемуся светящемуся квадрату. Следом, размахивая лапами, бросился тот самый Бес, которого умницей признали.

– Ах да, чуть не забыл! – донесся голос Князя мира сего. – Чтобы открыть проход к кругам Ада, куда Бетругер свалил, код набери. Где набирать, сам найдешь, чай не дурак. Благословлять не буду: не наше это сатанинское дело – благословлять. Но помни: в душе я с тобой... или ты со мной... хотя... какая разница? Все мы – суть одна вселенная.

Бес догнал Мишу почти у самого монитора и, за секунду до того как думера втянул светящийся туннель, сунул ему в руку обрывок бумажки...

...Сохраненная игра успешно загрузилась. Вооружившись до зубов, Миша таки добрался до нормального Кибердемона. Надо же такому привидеться: козлы всякие в DOOM'e! Прошмыгнуть между ног гиганта, швырнуть в него кубик адский душевный – и можно веселиться, души собирать. Сырье для них вон как шустренько прет из адской дыры. Пару раз какие-то особенно наглые прыгучие магготы чуть было не скинули Мишу в кипящую лаву: подкрадывались, пока тот других подстерегал. Рогатый тоже пытался подкрадываться, да куда ж ему с таким весом и размером – и топот издали слышен, и морда видна.

Собирая души для последнего броска, Миша сбил очередного Беса и краем глаза подметил еще одну Бесову бошку, показавшуюся из пентаграммы. Бошка похлопала умненькими глазками и спряталась. Событие это отложилось на краю сознания, как нечто неправильное: Бесы тут лезли из жерла в центре, а пентаграммы, скорее, были нарисованы для красоты. И с какого перепуга бошка спряталась? И тут в голове зазвучал знакомый голос: «Умненький. Хитренький. Провокатор тот еще. Умеет засады устраивать, читать, писать и считать до десяти...» Впрочем, исчезнувший Бес с умными глазками быстро был забыт – для решающего броска кубу уже хватало душ и без него. Кибер красиво сдох, куб очень эффектно свалил в адскую лаву, которая должна была застыть камнем. Миша приготовился узреть «себя» с оружием в руках и облегчением на лице. Но лава застыла, предварительно выплюнув подобие лифта, а вид от третьего лица так и не появился.

Миша протер глаза: лифт не исчез, и в него кто-то уже забрался – сквозь щель закрывающихся дверей мелькнула щербатая противная ухмылка, лысина и тень большой летающей фигни вроде горгульи. Бетругер!

Кабина лифта закрылась, помигала с минуту и снова открыла двери – там уже никого не было. Только справа приветливо светился дисплей с цифровым вводом, а на стене так же приветливо было написано:

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ

Когда Миха подошел к панели ввода, над цифрами появилась строка:

«Уровень 1. Лимб. Чтобы спуститься, введите код».

Миха почесал голову, кликнул КПК, порылся в сообщениях – ни упоминания о лифте, ни кода к нему там не было.

«Дурацкие, однако, сны стали сниться», – подумалось ему.

В ответ в голове снова зазвучал тот же голос:

«Чтобы открыть проход к кругам Ада, куда Бетругер свалил, код набери. Где набирать, сам найдешь, чай не дурак. Код-то не забыл?»

Вспомнились умные глазки Беса, смотревшие из пентаграммы...

– Что за... – Миха в растерянности взмахнул руками и задел клавиатуру.

Она как-то слишком резво подпрыгнула, подвинулась в сторону, показав лежащий под ней клочок бумаги с корявыми строчками:

«666 эта ни йащег. Эта кот. Низабуть ато лифт нипаедит».

Миха потряс головой и припомнил свой сон... Какой, к черту, сон?! Из USB-порта торчала флешка, которой раньше не было, в руках была записка с кодом, написанная умненьким Бесом, а на мониторе терпеливо ждал лифт, которому тут быть не положено. Если это и сон, то...

Миха зашел в кабину лифта и ввел код. Кабина закрылась, с минуту тихо шуршала, снова открылась. Надпись на дисплее сменилась и сообщила:

«Уровень 1. Лимб. Прибытие».

За раскрывшимися дверями была пропасть или, скорее, жерло вулкана. Миха заглянул туда: дна не видать, а прыгать... Он сохранился, но прыгать не стал, потому что увидел другой путь. Вокруг адской дыры тянулась очень узкая тропинка. Перед ее поворотом виднелось что-то хорошо знакомое... ну да, патроны и пулеметная лента. А за поворотом обнаружился исчезнувший куб душ и броня.

– Ну, ни пуха тебе, ни пера, – раздалось сзади. – В смысле, ни Беса, ни файерболла. Кулаки я уже держу.

Миха обернулся: лифта там не было. Вместо него в воздухе мерцали слова:

ТЕПЕРЬ ТЫ К МИРУ СПУСТИШЬСЯ СЛЕПОМУ.
ЗЛУ ПЕРВОМУ ИДТИ, ТЕБЕ – ВТОРОМУ.

Вдали, словно приглашая за собой, раздался знакомый смех Бетругера. А надпись в ответ злобно рявкнула:

– Хватит ржать!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В DOOM!

Попадает думер в Ад – прямо в лапы к Князю Тьмы. Сатана и предлагает:

– Загадывай три желания. Я их исполню и заберу твою душу в Ад.

Думер задумался ненадолго:

– Первое: IDDDQD.

– Готово!

– Второе: IDKFA.

– Готово!

Думер еще ненадолго задумался.

– Ну а третье? – трепеща в нетерпении, спрашивает Князь Тьмы.

– Какое третье? В Ад давай!

В понимании Макса, смерть была довольно простым явлением: только что стоял живой человек – бах! – и труп. И никаких ангелов, валькирий и прочих Макс никогда при этом не замечал, а трупов за свою недолгую жизнь видел много, причем большая часть стала трупами не без его участия. Поэтому мысли о загробной жизни посещали его крайне редко. Больше его беспокоило собственное выживание – неизвестность за чертой не пугала его, просто в жизни было еще много интересного и приятного, кроме стрельбы по живым мишеням по приказу командира.

Может быть, поэтому картина, открывшаяся после смерти, показалась ему довольно примитивной. Хорошо, что чертей, стоящих с вилами у котла, не было – иначе ему бы совсем грустно стало. Однако, глядя на возвышающегося над ним Князя Тьмы, Макс подумал, что и черти с вилами тоже будут, такие же, как на карикатурах: тощие, с рожками и копытцами. И это его Ад! Позорище.

– Как сказал мне апостол Петр, кааясь во грехах ты не будешь? – прорычал Князь.

– А зачем? Мертвых не воскрешу, а даже если и воскрешу, то они все равно опять помрут когда-нибудь. Я приказы выполнял.

Хорошо выполнял, командиру не перечил: он же всегда прав. Не промахивался, не ныл. Ну, не вышел рылом, чтобы в Рай – чего уж там. Пошли, что ли.

– Погодь, – примирительно рыкнул Князь. – Петр за тебя словечко замолвил. В общем, одно желание твое перед кругами моего Ада я исполню. Молодой ты еще к нам явился, зеленый, – Сатана мерзко и глухо хихикнул. – Только глупых желаний, вроде «чтобы дожил я до седин», не загадывай. Такую хрень я исполнять не буду. Так, по мелочи: бабу классную или вечеринку крутую. Сам знаешь, у нас бабы разве что в вареном виде имеются, так что оторвись напоследок.

Макс задумался. Баба – это хорошо. Но годы службы в морской пехоте как-то отшибли сексуальный энтузиазм. Того, что обламывалось в перерывах между рабочими кровавыми буднями, вполне хватало, чтобы не страдать, как какой-нибудь монах, постригшийся не по доброй воле.

– Да на фиг мне баба! Если до седин дожить нельзя, то и баба не нужна. Только вот вы меня выдернули в самом начале рейда. Ребята там душу отводят, а я даже раз пальнуть не успел. Мне бы туда, да закончить работу.

– А вот фиг, – ехидно заявил Князь Тьмы. – Тебе туда не положено, ты помер и лежишь теперь тихонько под обломками. Вот и лежи себе. Хотя... – Сатана почесал когтем между рогами, что-то припоминая. – Могу устроить тебе виртуальное исполнение твоего желания.

– Виртуальное? – хмуро переспросил Макс. – Это как?

– Как, как... каком! – заржал Князь Тьмы. – Слышал про такую игру, DOOM называется? Вот могу тебя на время пустить в мозги какого-нибудь думера – оторвешься по полной. Хочешь в голову хорошего думера – будет хороший, но короткий бой. Хочешь подольше – отправлю к ламеру. Играет никак, но зато быстро ко мне вернуться не получится. Впрочем, при хорошем стечении обстоятельств можешь его подучить своим примочкам. Я не в курсе, что там, да как. Но ты стрелял всю жизнь – и они только и делают, что пуляют. Правда, пальцами по клавиатуре. Решай.

Макс скривился: компьютерные игры он всегда считал убийством времени. Потом представил глупых и примитивных чертей с вилами и копытами. Навсегда...

– Давай!

– Вот блин! – Макс обиженно убрал руки от клавиатуры.

На мониторе маячили два импа, только что завалившие его без особого труда. Ultra-Violence он проходил достаточно неплохо, но вот Nightmare никак не давался. Еще бы, Макс так и видел

ехидную ухмылку Сержанта: «С читями любой дурак пройдет. Для настоящего думера читерство – грех великий. Да покарает читера Кибердемон».

Макс нажал пробел. В голове тупо крутилась мысль, что через час его маленькая ложь раскроется. Nightmare он никогда не проходил. А через час его ждет deathmatch, и сражаться с ним будут не такие же ламеры, как он, а достойные противники, живые, а не пиксельные боты. И только что его завалили два тупых импа, не умеющих думать.

Он привычно завернул за угол, взял бензопилу и пошел к топчущимся на лестнице зомби. Пошел без надежды на победу, уже предвкушая выныривающего из-за угла импа, к которому банально не успевал вовремя повернуться. На зомби у него еще хватало запала, но потом...

– Сзати! – взорвался в его голове крик.

Макс подпрыгнул и резко развернулся, одновременно вдавив «ctrl» до упора, но вместо клавиши пальцы ощутили странно незнакомое ощущение курка под пальцем. Имп сдох. Правда, потом Макса все-таки задолбили остальные. Им было просто, потому что Макс был в шоке, почти в коме: в его голове кто-то только что орал. Снова на мониторе затоптались монстры, и Макс прислушался к своей голове – тишина. Протянул руку к пробелу, отдернул.

– Ну и что? – буркнули в голове. – Стрелять будем или как?

– Ой, что? – сказал сам себе Макс. – Ты что такое?

– Сам ты что! – огрызнулись в голове. – Я не что, я кто! Я – Макс.

– Неее, – неуверенно сказал своей голове Макс. – Это я Макс!

А ты... что ты та... Ой! – Он почувствовал что-то вроде пинка внутри. – Ты кто?

– Макс!

Какое-то время Макс и тот, что внутри утверждал, что он тоже Макс, молчали. Потом Макс, который сидел за компьютером, робко спросил:

– Если ты – Макс, то я кто?

В его голове что-то зашевелилось, словно осматриваясь.

– Вот сцука!

– Кто сцука?

– Сатана – сцука! – недовольно рявкнул голос. – Мало того что стрельбу только виртуальную обещал, так еще и ламера-тезку подsunул, гнида. Ладно, ты будешь Макс-второй.

– Почему это второй? – возмутился Макс. – И какой такой Сатана?

– Потому что я настоящий боец, а ты ламер. И Сатана обыкновенный, с рогами и хвостом.

– И с копытами? – уточнил Макс. – А с чего ты взял, что я ламер?
– С копытами, – подтвердил голос. – Сатана сказал, что ты – ламер.

Макс-второй обиделся. Еще от Сержанта слышать такое можно – Сержанта в их компании никто пока не обошел в игре. Но какой-то Сатана с рогами, которого никто не знал, обзывается... обидно!

– Он не какой-то, – буркнул голос. – Он – Князь Тьмы. Ждет не дожидается мою душу. Будет ждать, пока я тут твоими руками не настреляюсь.

И тут Макс похолодел.

– А ты что, умер?

– Ну да, – хихикнул голос у него в голове. И рассказал, как все было: как его накрыло взрывом, не дав даже выйти на улицу, как экспрессом по туннелю пронесло мимо ворот и бородатого мужика в белом балахоне, как со всего размаху грохнулся на пыльные камни и обнаружил рядом рогатого Князя. И про исполнение желания рассказал. – Так что, ламер Макс, я у тебя из головы не вылезу, пока не пройдешь игру до конца. Так Князь обещал.

Макс глянул на топчущихся импов и заметил:

– Тогда ты поселился у меня навсегда.

– Правда? – в голосе Макса-первого звучала усмешка. – Скажу Князю – не поверит. А почему навсегда?

– Так ты сам сказал, что я ламер. А это, – Макс-второй ткнул пальцем в монитор, – Nightmare, читы не работают. А без читов я никак. А через час мы собирались друг друга валить.

– Друг друга?

– Ну да. Только там игра короткой будет, – Макс-второй вздохнул, – я же ламер.

В голове молчало. Потом хрипатый голос объявил:

– Фигня-война. Запускай. Князь сказал, что ты обучаемый.

– Чему обучаемый? – спросил Макс-второй.

– Стрельбе, – бросил Макс-первый, и руки потянулись к пробелу.

Поначалу все было хреново. Макс-второй еще не отошел от шока и не привык к присутствию наглого Макса-первого в голове. Тот смачно ругался, когда их поражали чем ни попадя, и все время норовил управлять руками Макса-второго. Получалось криво: с помощью морпеха в голове руки не на клавиши давили, а пытались нажать на курок привычным Макс-первому движением. Правда, на появление монстров Макс-первый реагировал более чем отлично, словно знал, откуда полезут, где вынырнут. После очередного танца топчущихся монстров Макс-второй заявил:

– Нет, так не пойдет.
– Что не пойдет, ламер?
– Сам ты ламер! – заорал Макс-второй. – Это не пистолет, это клавиатура! Тут нет пистолета! И курка нет.

В голове притихли. Потом глухо спросили:

– Как нет? Я же стреляю.

– Это ты в своей прошлой жизни стрелял, нажимая на курок. А здесь надо нажимать «ctrl».

– Вот блин, сцуко – Князь! – выругался Макс-первый. – Вроде у геймеров были эти... джойстики. У тебя есть?

– Дурак, что ли? Кто же в DOOM джойстиком играет?

Макс-первый снова примолк, потом пару раз кашлянул и предложил:

– Ладно! Рули сам по своим клавишам. Но помни: главный – я. Мои приказы выполнять беспрекословно.

Макс-второй кивнул, надеясь, что первый поймет кивок.

Первый понял. Игра пошла быстрее. Поначалу Макс-второй иногда сбивался, и пальцы первого дергались, стремясь спустить курок. Но потом привык, стало даже прикольно. И картинка на мониторе становилась... объемнее, что ли...

Макс-первый оказался неплохим игроком: заглядывать в карту ему не требовалось, он с ходу запоминал свой маршрут и не путался в коридорах. Особенно ценным было его качество чувствовать появление монстров заранее. Хотя он долго привыкал к игровому пополнению боеприпасов: Макс-второй частенько, отстреляв восемь пистолетных патронов, тянулся рукой куда-то, вместо того чтобы продолжать играть. С дробовиком было еще хуже: первое время руки инстинктивно отрывались от клавиатуры после каждого выстрела. Но вскоре оба привыкли, и осечек больше не было.

Второй странностью было неприятие первым Максом крутого оружия: БФГ, плазмоганы и прочее, как он говорил, это хрень бесполезная. И как второй ни пытался переубедить, первый уперся и ни в какую не хотел расставаться с дробовиком и бензопилой, игнорировал артефакты, аптечки, секреты...

Nightmare был пройден. Макс-второй теперь уже увереннее думал о предстоящем deathmatch'е. Зато Макс-первый притих, слушая захлебывающиеся мысли по поводу предстоящей игры:

– Мы их всех...

– Ты их всех... – глухо перебил Макс-первый.

– А ты куда?

– Князь сказал: одна игра. Свой deathmatch будешь проходить без меня. Удачи!

За спиной у Макса потеплело и повеяло запахом серы.

– Стой! Это нечестно!

Но Макс-первый уходил из его сознания, освободив сначала руки, потом часть мыслей. Вот уже осталось только воспоминание. И Макс-второй представил, как вместо «ctrl» спускает курок дробовика – и противника разрывает на куски выстрелом...

– Добро пожаловать в Ад! – Князь Тьмы гнусно ржал. Две души вместо одной за вечер, просто отличный результат.

– Его-то за что? – возмутился Макс-первый, ощутив в своей призрачной голове присутствие второго. – Он же сопляк, ни одного человека не убил.

– Убил! – убежденно заявил Сатана. – Только что! Как там наш Всевышний сказал: намерение равноценно действию. Ламер только что сам убил противника. Мысленно.

– Это фантазия! – заорал Макс-первый.

– Это намерение! – парировал Князь. – За свои намерения тоже отвечать надо.

Пока грешник и Князь Тьмы препирались, Макс-второй тихонько соображал, куда его занесло...

...где-то там, у компьютера, заявившиеся друзья только что нашли холодеющее тело...

– В чистилище хотя бы, – торговался Макс-первый.

– Да ну? Прямо ангел-хранитель! Думаешь, сейчас прилетит какой-нибудь апостол и заберет тебя в рай за твою доброту?

– Да пофиг мне твой рай! – орал Макс. – Шулер ты, у тебя карты крапленые и туз в рукаве.

– Ой, ой, ой! – ржал Сатана. – А ты прямо такой весь честный, никогда противника не обманывал? А помнишь...

– Да, я не читер...

Их перепалку прервал неуверенный вопрос Макса-второго:

– А где это я?

Сатана и Макс-первый молчали. Макс-второй робко выглянул наружу. До конца не получилось: почему-то они так и оставались одним целым, но теперь он мог получше осмотреться, пользуясь зрением Макса-первого. Пока он это делал, первый попытался поторговаться еще:

– Ладно, давай меня сразу на седьмой круг или что у вас там. А его обратно, а?

– Я сказал: обоих в Ад – значит, обоих... – Князь Тьмы осекся, заметив странный огонек в глазах грешника.

А у того в голове шептал голос:

«Чего стоишь, придурок? Это же Кибердемон! Вали его на..!»

Макс-первый посмотрел на свои руки: там, в бою, он умирал, судорожно сжимая его автомат, – и сейчас оружие довольно быстро проявлялось в его руках.

– А-а-а-а! – заорал он, поднимая ствол. – IDDDQD!!!

ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕПОРТАЦИИ КАКОДЕМОНА

Лик Греха медленно опускался вниз. Точнее, эта козлиная морда оставалась на месте, а Кейк вместе с колонной поднимался, судорожно сжимая в руках ракетомет и стараясь не пропустить момент, когда морда окажется на линии огня. Дважды он опаздывал, и приходилось ждать колонну-лифт по несколько минут, которые казались Кейку часами: все это время орда, бесноватаясь вокруг, пыталась его закусать, заплевать, сжечь или застрелить. Даже сейчас назойливый Какодемон кружился поблизости, пытаясь найти наиболее удачную позицию для плевка, но ему все время мешали не менее назойливые черепа с горящими глазами. Кейк надеялся, что круглый демон не успеет плюнуть, и ему повезло: очередной выстрел в морду в стене оказался удачным. Лик Греха взорвался мелким кровавым фейерверком... реальность стала распадаться на мелкие пиксели. На «лице» лежавшего рядом Какодемона появилось озадаченное выражение, он метнулся к пропадающему фрагменту, надеясь хоть в последний момент устроить маленькую гадость...

– Слышь, Сэнди, наш клиент собирается возвращаться. Надеюсь, на этот раз не на щите.

– Оно и понятно: это тебе не на мониторе бой лицезреть. Столько денег парень просадил на то, чтобы ощутить все в реальности – честное слово, в последние два его посещения я даже переживал за него. Проверь телепорт.

– Да что его проверять? Как ушел, так и придет. Это же не пространственная телепортация. Что он может притащить из виртуальной реальности?

– И все-таки я бы проверил: инструкция, положено...

– Да забей на инструкцию, отдохни еще минут пять, пока клиент вернется. А то следующей у нас дамочка с «экскурсией» в мужской монастырь – вот с ней-то мы помучаемся.

Сэнди вразвалочку пошел к кофейному автомату.

А через две минуты телепорт взорвался возмущенным «бип-бип».

– Что за хрень?! – изумился Сэнди.

Его напарник включил виртуальный голос телепорта:

«В процессе телепортации обнаружен лишний вес перемещаемого объекта. Остановить процесс? Продолжить процесс?»

– Что делать, Сэнди?

– Ничего, пусть возвращает Помпкина. Не оставлять же его в виртуальной реальности. Может, он там покакать не успел.

Виртуальный голос телепорта пытался предупредить о возможных непредсказуемых последствиях возвращения объекта не с изначальным весом, но был отправлен в далекое путешествие грубым окриком Сэнди. Камера засветилась лиловым светом, готовая к приему объекта, прибывшего из виртуальности. Свет погас, шлюз камеры медленно и тихо открылся... и из сизой дымки в сторону сотрудников nd Software полетел сгусток синего цвета, напоминающий большую соплю.

– Мать твою!..

Они еле успели увернуться и спрятаться за пультом телепорта. Сопля врезалась в большой монитор и расплавила его. Следом за соплей из камеры вышел Кейк Помпкин... или не Кейк?

Сэнди осторожно выглянул из-за края пульта, испуганно ойкнул и спрятался обратно.

– Что там? – спросил напарник.

– Лишний вес клиента, – с отчаянием в голосе ответил Сэнди.

– Что?!

– Не что, а кто. Клиент – наш. Только вот его голова...

Судя по звуку шагов, вышедший из телепорта приближался к ним. Сэнди втянул голову в плечи, когда над пультом показалась человеческая фигура... с широко улыбающейся одноглазой красно-синей тыквой вместо головы. Улыбку тыквы украшали редкие и острые зубы, а в глубине светилось что-то синее.

– А-а-а-а... – застонал Сэнди.

Кейк Помпкин... точнее, его тело наклонилось к сотруднику телепорта и протянуло руку с вполне дружественными намерениями помочь встать. Но голова... точнее, то, что было вместо головы, явно не собиралось проявлять дружественные намерения. Не дожидаясь очередного плевка, Сэнди схватил напарника за плечи и поволок к выходу. Клиент, покинувший телепорт, остался в полном одиночестве.

«У меня ноги?!» – возмущенно думал Кака, пытаясь посмотреть вниз.

Вообще-то, в своей реальности думать Кака не привык. От него всего-то и требовалось, что летать и плевать во все, что движется. Или просто летать. Он и собирался подлететь поближе

к слишком шустрому фрагу и плюнуть – и его засосало раньше, чем плюнуть успел. Вместе с фрагом. И теперь у него, у всегда идеально круглого Каки, были ноги! Ужас! Хотя... ноги возмущенно затоптались, и что-то шлепнуло Каку по голо... по самому Каке. Такого обращения демон терпеть не собирался и хотел было плюнуть вниз. Ноги попытались убежать, но Кака вовремя сообразил, что ноги-то теперь его. Кто знает, как собственные плевки подействуют на собственные ноги. Ноги слегка успокоились, потоптались на месте, сделали пару кругов по телепортационному залу – и направились к выходу. А в мыслях Каки возникла картинка: какой-то механизм с четырьмя круглыми штуками внизу и окнами над ними. Кака понял, что ноги собираются туда. Каким-то образом он отлично понимал, чего хотят и что собираются делать его ноги и... верхние ноги.

Кстати, а для чего ему верхние ноги? Это Пейнам верхние ноги нужны, правда, непонятно зачем... А! Это же не верхние ноги, это лапы, как у импов и прочих двуногих демонов. Кака почувствовал себя лучше, вспомнив название своих новых частей тела. А потом понял, зачем нужны лапы, когда ноги усадили его в тот самый механизм, который он уже представлял. Лапы крутили руль. Слово «руль» было незнакомо Каке, но, видимо, очень хорошо знакомо ногам.

Куда ехать, ноги и лапы, видимо, знали неплохо, Каке оставалось только озираться по сторонам. Это оказалось интересно и мучительно одновременно. Картинки вокруг были новыми, он таких никогда не видел. Но там, за стеклами машины – («О! Это называется “машина”!» – при этой мысли Кака радостно рыгнул), – там, за стеклами, все время кто-то двигался. И Каке мучительно хотелось плюнуть. Однако откуда-то он знал или догадывался, что если плюнет, находясь в таком небольшом пространстве, то ему самому будет очень плохо. Что чувствовали те, в кого он плевал, Кака не очень-то хорошо представлял. Это же был просто плевательный рефлекс, да и думать Кака, несмотря на большую голову, не любил. Теперь, начав думать, Кака сказал себе, что голова нужна только для того, чтобы плеваться.

«Вот верблюд!»

Кака вздрогнул всем телом... или всей головой. Это ведь не он подумал. А кто?

Ах да, это думали его ноги. Ой! Ноги думают?

«А чего такого? – снова подумали ноги. – Ты же думаешь своей плевательницей. И ваще, я умнее, я всю жизнь умел думать. Поэтому, может быть, ты заткнешься и не будешь думать мной?»

«Ты кто?» – испуганно подумал Кака.

«Конь в пальто! – в ответ подумали ноги. – Я Кейк Помпкин, это мое тело. Поэтому, еще раз повторяю, заткнись и не думай всякую фигню в моем теле!»

Кака растерялся ненадолго. Может, опыта в думании у него было немного, зато...

«Вот еще, сам заткнись! Голова – моя. И ваще, голова – это целый я. А тебя только часть без головы. Так что это ты заткнись, ногам думать ваще не положено».

Ноги собирались что-то ответить, но неожиданно нажали на тормоза. Кака, увлекшись беседой со своими ногами, перестал замечать, что творилось вокруг, за стеклами машины. А ноги, видимо, все замечали, пользуясь Какиным глазом.

«Они смотрят мной!» – возмущенно подумал Кака, однако ноги никак не отреагировали.

А потом строго подумали:

«Веди себя хорошо, отвечай вежливо, документы в бардачке».

«Что такое бардачок, что такое документы и как это – вежливо?» – спросил Кака.

Ноги не ответили, а лапа... рука... («О! Новое слово, это же рука, точно! У командос же руки, а не лапы!») – рука что-то нажала, и стекло опустилось. В проеме показалось лицо, и Кака радостно собрался плюнуть – он очень любил плевать в лица.

«Нет! Не смей!» – подумали ноги и руки хором.

Подумали так громко, что Кака подавился своим плевком, а лицо сказало:

– Ваши документы, мистер...

Затем лицо вытянулось, позеленело, отшатнулось и что-то забормотало в рацию.

«О, мля!» – подумали ноги, вспомнив, что у них вместо головы, нажали на газ, и машина рванула с места и скрылась в темноте полупустого шоссе, оставив позади ошалевшего полицейского.

«Надо было все-таки плюнуть», – думал Кака, пока руки и ноги пытались справиться с управлением и определиться с направлением движения.

«Ты думай меньше и смотри по сторонам», – буркнули ноги.

«Зачем?»

«Затем, что нам надо домой, а я дороги не вижу. Глаза-то у тебя».

«Глаз!» – гордо поправил Кака.

«Смотри про сторонам, циклоп недобитый», – огрызнулись ноги.

Кака заткнулся, обидевшись, что ноги не ценят его красивый желто-зеленый глазик, и стал смотреть по сторонам. Смотреть особенно было не на что: объекты для плеванья не попадались,

либо были незаметны на такой скорости. Но ноги, вероятно, что-то нужное видели, потому что больше не хамили.

Когда машина остановилась возле небольшого коттеджа, почти неотличимого от десятка таких же коттеджей на улице, ноги выбрались из машины и уверенно потопали к двери. Кака поинтересовался, куда его несут ноги, и получил лаконичный и малопонятный ответ: «Домой». Дом для Каки ассоциировался с бандинг-боксом, где он отдыхал между нашествиями на карту всяких странных и наглых фрагов. «Дом», куда топали ноги, бандинг-бокс напоминал только по форме. Кроме того, он был непрозрачный. Как можно в таком жить и отдыхать?

Внутри «дом» не показался Каке уютнее, хотя напомнил родные секретные комнаты, куда Кака попадал только по чьей-то настоящей команде. Обычно в секретные комнаты его не пускали, а тут можно было болтаться везде без спроса – это радовало. Только вот ноги... их мало интересовало, куда хочет пойти Кака.

Ноги остановились у коробки с открывающейся дверцей. В коробке было много всякого странного и мелкого. Руки схватили какую-то мелочь, напоминавшую расплющенного Пейна, и попытались засунуть Каке в рот. Кака растерялся, попытался увернуться от назойливых рук и плюнул. Плевков попал в другую коробку, которая расплавилась и тихонько завоняла чем-то странным.

«Сдурел, что ли?» – зорали ноги и бросились закрывать кран на трубе, ведущей к расплавленной коробке.

«А че сразу “сдурел”-то? Нечего мне в рот всякую мерзость совать!»

Руки закрыли кран, подобрали упавшего «расплющенного Пейна».

«Не плюй куда попало. Газ иногда взрывается, – пояснили ноги. – И вообще, мне надо пожрать. А жрать я умею только головой. Голова у меня ты. А мерзость – это еда, гамбургер. Так что будь добр, жри. Иначе тебе придется жить с дохлыми руками, ногами и телом».

Кака задумался. Есть ему еще не приходилось. По крайней мере, таких задач ему до сих пор никто не ставил.

«А как это – есть?» – поинтересовался он.

«Просто засунь гамбургер в рот и жуй».

«А как это – жевать?»

После долгих и изнурительных разъяснений руки поняли, что словами от Каки ничего не добиться, и включили телевизор. Кака с интересом уставился на экран, где два фрага за столом брали железяками мелкие куски, засовывали в рот и жевали. Хотелось плюнуть на этих двоих, но ноги предупреждали, что

здесь все может от плевков взрываться, а кроме того, фраги казались какими-то... «нефрагами» – и Кака не рискнул. Только попытался жевать, как это делали неправильные фраги на экране. Получалось плохо: гамбургер вываливался, но часть его все же провалилась куда-то внутрь.

«Интересно, зачем тебе такие зубы, если ты даже есть не умеешь?» – задумались ноги.

«Чтобы всякие одаренные спрашивали, – ехидно ответил Кака. – У тебя руки чем занимаются? Лучше пусть подбирают остатки этой мерзости и засовывают обратно в рот».

Постепенно в Каку было засунуто еще два гамбургера и залита пара бутылок пива. Пиво ему сначала не понравилось. Но потом появилось странное ощущение единства с чужими руками и ногами. Руки даже поковырялись в зубах, доставая застрявшие остатки гамбургера, почесали рога, и Кака сытно рыгнул и решил, что жить с ногами и руками не так уж и плохо. Однако ноги-руки были другого мнения: они упорно думали, как вернуть прежнюю голову.

«Чтобы вернуть что-нибудь ненужное, надо сначала найти что-нибудь ненужное», – изрек Кака.

«Сам ты ненужный! Мне нужна моя голова, а не думающая тыква... Интересно, а чем я сейчас думаю, если моя голова с мозгами болтается где-то в другом месте?»

«Мной ты думаешь», – загордился Кака.

«У тебя есть мозг?»

Кака задумался, что такое «мозг».

Оставшуюся часть вечера и всю ночь ноги и руки думали, как вернуть голову, Кака пытался давать умные, на его взгляд, советы и тоже думал – чем же он думает? Кака не помнил, есть у него мозг или нет. Чем думают ноги, Каку интересовало мало, тем более они слишком много думали.

К утру было решено, что голову можно вернуть, если ее найти и засунуть в телепорт вместе с ногами, руками и Какой – по аналогии с сюжетом фильма «Муха». Кака не видел фильма, поэтому ноги вкратце пересказали сюжет. Каке кино понравилось, хоть и в пересказе. Потом ноги и руки с помощью Какиного глаза нашли нужный фильм – Каке понравилось еще больше. Затем пришлось вернуться к обсуждению стратегии возвращения головы ногам. Но была проблема: ни ноги, ни Кака не помнили, куда делась голова. Предположительно, она осталась в камере телепорта. Причем она должна быть там до сих пор, потому что ног у нее нет, ведь у Каки же их никогда не было. Оставалось только забраться обратно в телепорт. И с этим тоже были сложности – для этого требовались деньги, немного, чтобы оплатить телепортацию без

последующей игры. А все деньги ноги уже потратили на предыдущую игру.

«А где ты вообще берешь деньги?»

«В банке. Но мне сейчас не дадут. Там документы нужны. С фотографией. На фотографии моя бывшая голова. А мне с Какой вместо головы никто деньги не даст».

«Даже если в них плюнуть?»

Ноги хотели было в очередной раз обругать Каку, но им пришла в голову мысль, что идея этой бестолковой тыквы не так уж и плоха.

Дорога в банк оказалась проще, чем от телепорта к дому. Кака честно старался смотреть вперед, чтобы ноги знали, куда ехать. Хотелось посмотреть по сторонам, интересно же. Но Кака помнил, что по сторонам за стеклом много привлекательно-плевательного. А плевать нельзя. Правда, один раз едущая впереди машина резко затормозила, не включив аварийку. Плюнуть захотелось так сильно, что Кака задумался и понял – плюнуть хотели ноги.

«Дура за рулем», – пояснили ноги, но решили все-таки не плевать.

Загнав машину на стоянку возле банка, руки достали из бардачка бумажку и накарябали на ней:

«Здравствуйте! Меня зовут Кейк Помпкин. Вот мои водительские права. Я хочу снять все деньги со своего счета, всего 250 долларов. Извините, что не могу сказать вам это: у меня временные проблемы с голосом».

Ноги немного подумали и приписали:

«И что-то с головой».

«У тебя с головой кака!» – съехидничала одноглазая голова.

Руки и ноги проигнорировали шутку Каки и начали инструктаж.

«Когда зайдем в банк, внимательно посмотри на охранника. Если он будет рыпаться, то попробуй ему улыбнуться. Если не будет – ничего не делай, пойдем к кассиру. Я покажу кассиру бумажку. Если он отдаст деньги, то мы пойдем обратно. И ни в кого плевать не надо! Если кассир деньги давать откажется, плюнь на замок сейфа кассового аппарата – у них там за стеклом такой ящичек стоит, откуда они деньги достают. Он все время заперт. Если плюнешь на замок, то он сломается, касса откроется, и мы заберем деньги. Только плюй несильно, потому что замок маленький. А то еще расплавишь все вместе с деньгами. А там не только мои лежат, а мне чужого не надо».

«Только в замок? И ни в кого больше плевать не надо будет?» – разочарованно спросил Кака.

«Это мы посмотрим. В кого-нибудь плевать будешь только по моей команде. Ты потом свалишь себе в свой мир, а мне тут еще много лет деньги получать. Как я потом в глаза родственникам оплеванных тобой смотреть буду?»

«Глазами будешь смотреть. Если голову свою обратно вернешь. Иначе только одним моим глазом».

«Не умничай!»

Двигаясь в сторону банка, Кака заметил монитор. К мониторам он привык на своей «родине», правда, зачем они, представлял туго. Спросил у ног. Ноги рассказали про банкомат.

«А чего мы тут деньги не заберем?»

«Так банкомат тут плохо работает, я раньше пытался».

«А почему не работает, знаешь?»

«Знаю».

«И почему?»

«Хреновый потому что».

На входе, глянув глазом Каки на охранника, ноги не сразу решились, улыбаться ему или нет. Лицо охранника выражало что-то странное. И движения у него были какие-то странные, он никак не мог решить – схватить рацию или пистолет с пояса. Руки погрозили пальцем, а Кака жизнерадостно улыбнулся. В глазах охранника отразилась плазменная Какина сопля, но ноги долго рассматривать свое отражение в испуганных глазах не стали и потопали к кассе, держа в вытянутых руках бумажку.

С кассиром возникла проблема: он упорно не желал читать, что написано на бумажке, а только пялился на Каку и икал.

«Может, мне и ему улыбнуться?» – подумал Кака.

«Пасть закрой! А то он никогда не прочитает, что я написал».

Руки сунули бумажку прямо под нос икающему кассиру. С минуту тот пытался сфокусировать зрение на буквах, но, видимо, получалось плохо. Руки протянули к носу кассира водительские права.

Несколько мгновений кассир растерянно переводил взгляд с фотографии на правах на то, что должно было быть головой мистера Кейка Помпкина, затем как-то активно заелозил на стуле, словно пытаясь сползти под стол. Каке это показалось смешным, он даже весело рыгнул, отчего стекло между ним и кассиром слегка запотело. Но вот нижняя часть Каки почему-то не веселилась.

«Улыбнись ему», – подумали хором ноги и руки.

Кака раззявил пасть, просунул бумажку с сообщением Кейка на стол и настоятельно постучал по ней пальцем. Кассир судорожно закивал и стал доставать много других бумажек. При этом он бормотал:

– Мистер Помпкин, тут мало, мы только что сдали деньги ин-кассаторам. Если вы изволите обождать полчаса, я принесу еще из сейфа.

«Отказывайся!» – посоветовали ноги.

«Как отказываться?»

«Головой мотай».

«Собой, что ли?»

«Да! И быстро».

Кака еще шире раззявил пасть и замотал собой из стороны в сторону так сильно, что ноги подкосились и чуть не свалили их обоих на пол. Спасли руки, которые вцепились в край стойки. Потом правая рука еще раз настоятельно постучала пальцем по бумажке и уверенно ткнула в то место, где была указана сумма.

Кассир икнул и сообщил, что и этого у него в кассе нет. Руки опустились, а Кака задумчиво уставился на пачку, лежащую в кассе. Что-то подсказывало ему, что это и есть те самые деньги, которые так нужны Кейку. И что этих денег более чем достаточно. И что кассир врет. Поэтому, не дожидаясь разрешения своих ног и рук, Кака нагнулся и немного сплюнул. Пол и стол кассира стали плавиться, среди оплавленного материала мелькнуло что-то красненькое, кругленькое, маленькое...

«Хватай деньги и бежим!» – заорали ноги.

«Чего?» – удивился Кака.

«Быстрее! Этот козел вызвал полицию!»

Между ними и кассиром уже не было стекла – оно вместе со столом растекалось по полу. Руки шустро выхватили пачку у кассира, а ноги быстренько двинулись к выходу. На бегу руки пересчитывали деньги. Отсчитав нужную сумму, бросили остальное на столик возле все еще не пришедшего в себя от шока охранника – и Кака выбежал на улицу.

Там его ждало незабываемое зрелище. Такую толпу фрагов у себя дома Кака видел редко. Ну, мало кто доходил до его уровня, чтобы собрать столько народу сразу, обычно один-два; в любом случае, не больше десятка. Тут же вся улица была забита красивыми машинками со сверкающими огоньками на крышах. Эти огоньки еще и истошно визжали. А на другой стороне улицы толпилось столько фрагов, что Кака судорожно сглотнул, боясь инстинктивно заплевать всех. Фраги жались к стенам домов, лишь некоторые, одетые относительно одинаково, метались между машинками и что-то кричали. А справа и слева Кака почувствовал движение. Посмотрел туда-сюда – и ему стало еще веселее. Там, в тени, притаились такие фраги, в которых он привык плевать – у них было оружие, и вели они себя точно так же, как и фраги у него дома. Это было так знакомо, что Кака уже не слышал истошных

мысленных воплей «своего» тела. Он открыл пасть и издал звуки, которые считал своим боевым кличем:

– А-а-а-ы-ы-ы-ыгггrrrr!

И плюнул. Плюнул направо. Плюнул налево. Затем мелкими плевками покрыл все машинки, визжавшие перед ним. Это было красиво: маленькие полыхающие факелы, лежащие на земле. Кака немного полюбовался созданной им красотой и попытался по привычке улететь, но что-то мешало... ноги! Они не только не желали лететь, они вообще словно приросли к земле. И на вопросы Каки, что случилось, не отвечали. Зато оплеванные Какой фраги, те, кто не растекся по асфальту, засуетились. Появились новые машинки красного цвета – пару из них Кака заплевал, но они плавилась хуже. Из прибывших следом таких же красных фраги достали шланги – и в Каку полетела какая-то белая пенистая гадость. Именно гадость – от нее запершило внутри, а вместо привычной плазмы изо рта полетели синие молнии, которые заискрились вокруг, взрывая своим светом все, что попадалось на пути. Это было тоже красиво, но любоваться Каке уже не хотелось, потому что молнии взрывались и у него во рту, а это было крайне неприятно и даже больно. Ног он уже не чувствовал. Думал, что теперь-то он полетит, но... потерял сознание, за мгновение до этого подумав, что, наверно, именно так чувствует себя Кака, которого удаляют с карты...

Кейк чувствовал, как что-то течет по лицу. Пытался открыть глаза – не получилось. Пытался повернуть голову набок – было такое ощущение, что головы у него нет.

Вспомнил: ну да, его собственная голова лежит где-то в телепорте. А вместо нее у него Кака, который, видно, дрыхнет почем зря. А если не дрыхнет? Кейк вспомнил, что Кака творил перед тем, как вырубиться – может, он сдох? И теперь ему, Кейку, надо будет как-то существовать сдохлым Какой вместо головы. Ослепшему и оглошшему.

– Агент Ипмен, я понятия не имею, как его разбудить. Оно живо, сердце бьется. Но... но даже на ледяную воду не реагирует. И на нашатырь тоже, только чихает... наверно, чихает...

– Не оно, а он. Это некто Кейк Помпкин, судя по документам и отпечаткам. Вот только голова...

«Так... – задумались ноги. – Я жив. И судя по тому, что я слышу – жив и Кака. Интересно, а чем все-таки я думаю, если вместо головы – Кака?»

«Тем, что осталось, и думаешь, – лениво отозвался Кака. – Вместо того чтобы думать всякую блажь, лучше скажи, что за фраги вокруг нас?»

«Почем я знаю? Хотя, учитывая, какую кашу ты заварил, это ФБР... наверно».

Слово «ФБР» Каке ничего не говорило, поэтому он растопырил свой глаз, чтобы рассмотреть получше фрага с таким странным именем. Оказалось, что это обычный человек, одетый совсем не так, как привычные фраги, скорее, как кассир в банке – да еще и с какой-то странной формы удавкой на шее.

– Агент Ипмен, задержанный очнулся.

Фраг с удавкой наклонился над Какой и сказал:

– С возвращением, мистер Помпкин!

Кака улыбнулся, подумал, что надо что-то сказать – и рыгнул. Аккуратно, мало ли что.

– Мистер Помпкин, я думаю, вам не смысла отпираться от обвинения в попытке ограбления банка.

«Отпираться! – возмутились ноги. – Мы не грабили банк, мы только свои деньги забрали».

«Отпираться – это так же, как и не соглашаться с кассиром?»
«Да».

Кака отчаянно замотал собой.

– Нет? – переспросил агент Ипмен.

Кака вновь помотал самим собой.

– Но вас взяли с поличным, с деньгами в руках. Вы пытались скрыться с места преступления и при попытке к бегству уничтожили неизвестным мне способом порядка десяти полицейских машин, убили не менее трех десятков человек, повредили две пожарные машины, изуродовали помещение банка. Хотите сказать, что это не похоже на ограбление?

Кака все еще продолжал мотаться, а руки заскребли по простыне, пытаясь изобразить, как они пишут ручкой по бумаге.

– Мистер Помпкин, не советую отпираться, – строго повторил агент.

Кто-то, стоявший позади агента, произнес:

– Кажется, у задержанного какие-то проблемы с голосом. И он что-то хочет нам написать.

«Кивай!» – приказали руки.

Кака закивал.

Получив бумагу, Кейк-Кака занялся письменным объяснением того, что с ним произошло. Врать он не собирался – смысла не видел. Да и что можно соврать, имея вместо головы Каку? В него в таком виде и так сложно поверить. Вероятно, именно поэтому с ним разговаривает не рядовой полицейский, а агент ФБР.

Спустя час, читая написанное, агент Ипмен не знал, смеяться ему или сразу вызывать психиатров... впрочем, им всем тут с таким задержанным психиатр нужен. Агент еще раньше

задумался о коллективной галлюцинации – как только увидел, кого ему придется допрашивать. Но честно дочитал написанное задержанным до конца.

– Итак, мистер Помпкин, вы считаете, что невиновны в ограблении банка. Более того, вы пытаетесь обвинить сотрудников nd Software в халатном отношении к своим обязанностям, в результате чего вашему здоровью был нанесен вред в виде... хм... слияния с головой монстра.

«С целым монстром!» – дописала рука.

– Хорошо, с целым монстром. С целым монстром из игры с высокореалистичным погружением в виртуальную реальность. Также вы считаете, что, возможно, сотрудники nd Software насильно удерживают вашу собственную голову, которая отделилась от вашего тела в процессе телепортации из виртуальной реальности и была заменена этим самым целым монстром. Или даже могут ее уничтожить, посчитав мусором. Так?

Кака улыбнулся и закивал.

– Мистер Помпкин, и вы хотите, чтобы я поверил в этот бред?

Кака закивал еще сильнее и улыбнулся еще шире. А рука написала:

«Ну вы же верите своим глазам? Что у меня за голова?»

– Э-э... большая, сине-красная, с одним зеленым глазом и каким-то странным светящимся языком. Это же язык внутри светится?

«Понятия не имею, что там светится. Но то, что светится, может расплавить все, на что попадет. Главное не это, – писала рука. – Я хочу, чтобы вы помогли вернуть мою голову. У вас есть полномочия. Вы все равно ничего не теряете: либо вы найдете в телепорте nd Software мою голову, либо убедитесь в том, что я вам лгу».

– Хорошо, допустим, мы пойдем искать вашу голову. И что будем делать, если вы лжете?

«Посадите меня в тюрьму».

– С такой-то головой? Даже не знаю, что за камеру надо делать для вас персонально. Но допустим, вы не лжете, и мы найдем вашу голову. Что тогда?

И Кейк подробно описал свои соображения о том, как вернуть голову на место, а Каку в виртуальную реальность.

Агент читал все это, недоверчиво поджав губы.

– Ладно. Надо бы вас отдать спецам из... не будем называть это подразделение вечно бродящих рядом с истиной. Но я не привык бросать дело на полпути. Я проверю ваши слова. Я даже позволю вам присутствовать при этом. Но с одним условием. Мне кажется, что вы все-таки лжете. Не знаю, что именно вы

скрываете. Одним словом, я буду проверять все до конца – даже ваши действия в телепорте. Я пойду туда вместе с вами, чтобы видеть весь процесс.

Даже Кака задумался. Они с Кейком в телепорте были только вдвоем, а закончилось все... ну, как закончилось. А если вместе с ними в телепорт залезет этот умник Ипмен...

– Я понимаю ваши опасения, – продолжал агент. – Мы пройдем не через один телепорт, а через два, но одновременно. Как это у вас называется, когда в виртуальную реальность телепортируются сразу несколько игроков?

«Deathmatch», – неуверенно написала рука.

А Кейк подумал:

«Это будет Nightmare, если не выключить монстров!»

Но писать об этом он не стал: вдруг агент откажется, узнав, что его ждет в виртуальной реальности? А голову вернуть надо! И Кака с Кейком согласился – ему тоже не хотелось оставаться в реальном мире, уж больно тут все было какое-то... не такое, не домашнее.

Сэнди с напарником устанавливали новый монитор, запасной, добытый кровью и потом. Иначе никак не получалось: менеджер категорически отказывался верить в клиента с одноглазой головой, который одним плевком испортил дорогостоящее оборудование. Не помогали ни уверения, что они не пили, не ели и не курили ничего запрещенного, ни обещания не претендовать на этой неделе на проценты от левых клиентов, ни другие танцы с бубном вокруг начальника. Платить бы им до конца своих дней из своего кармана за заплеванный монитор, если бы в последний момент менеджер не бросил взгляд на телевизионную панель на стене. Там во всей красе маячил тот самый одноглазый, с улыбкой во всю рожу, и плевался в полицейские машины, которые в результате плавилась прямо на глазах. Менеджер икнул от удивления и разрешил забрать новый монитор со склада.

Сэнди закончил синхронизацию оборудования, и тут зазуммерила входная дверь.

– Кого еще несет?

Он посмотрел на экран видефона и обомлел. Там, по ту сторону двери, стояли двое. Один, вполне приличный мужчина, протягивал к камере служебное удостоверение агента ФБР. А за его спиной стоял... тот самый... клиент...

– Нееееет! – застонал Сэнди. – Второй монитор наш великий и ужасный нам не даст.

– Предлагаешь сделать вид, что нас тут нет, и не пустить агента ФБР?

Сэнди ссутулился и нажал кнопку разблокировки двери. Агент вошел, еще раз показал удостоверение и представился. За ним следовал клиент со своей жизнеутверждающей улыбкой и сияющим взглядом. Сэнди на всякий случай отошел подальше, но клиент вроде плевать не собирался. А агент незамедлительно потребовал показать камеру телепорта.

– У нас все лицензии в порядке, можете поинтересоваться у руководства, – проблеял Сэнди. – И техника безопасности... вот график инструктажа, технических проверок.

– И когда вы проводили последнюю? – спросил агент.

– Вче... – Сэнди запнулся. – То есть позавчера.

– Стало быть, после последнего сеанса телепортации вы технический осмотр камеры не проводили?

– Н-нет.

– Покажите камеру!

Напарник Сэнди тут же метнулся к камере и ввел код частичной активации. Камера открылась. Оттуда, устало открывая и закрывая рот, на присутствующих смотрела голова, лежащая в углу на левом ухе.

– Ка... ка, – изрекла голова.

– Гы-ы-ыргх, – радостно отозвался Кака.

Сэнди медленно сполз на пол по стенке.

– Активируйте две камеры, – приказал агент.

– Д-две? – растерянно переспросил Сэнди.

– Да, две.

– Но...

Сэнди хотел было объяснить, что произойдет в виртуальной реальности, если туда отправятся два игрока, но Кака заулыбался как-то слишком радостно, а в глубине его головы что-то угрожающе засветилось синим светом. И Сэнди предпочел промолчать. Агент ведь мужик умный, сам знает, что делает. Разберется. А ему, Сэнди, еще домой сегодня надо, к жене, к детям... ой, детей-то еще нет... вот, даже детей еще нет. А если рассказать, то, возможно, и не будет никогда. И Сэнди начал процедуру активации телепорта.

«Мы же, наверно, больше не сможем разговаривать? – в мыслях Каки сквозило некое подобие грусти, хотя его улыбка была все шире и шире. – В общем, пока еще можем: ты это... когда еще раз в гости заходишь будешь, мне на дороге не попадайся. А то я ведь все равно плюну, мне положено плевать во все, что движется».

«И ты мне тоже не попадайся, – посоветовал Кейк. – Я, конечно, могу не шмалять, но какой смысл тогда вообще начинать игру. Ну ладно, бывай, что ли».

«Бывай...»

Реальность стала распадаться на мелкие пиксели, и среди них странной вибрацией разносился рев Каки:

«Дома-а-а-а! Я дома-а-а-а-ы-ы-ыгрх!»

Первое, что увидел Ипмен, была лыбящаяся харя Каки, но уже без ног. Кака покрутился вокруг агента и собрался плюнуть. Откуда-то сбоку раздался звучный полурывк-полуприказ:

– Ложись!

Краем глаза Ипмен успел заметить человека, который буквально пару мгновений назад был единым целым с той мерзостью, что летала рядом. Кейк разрядил в Каку целую обойму, но гнусный колобок увернулся, взмыл под потолок и там нетерпеливо закрутился, примериваясь, как подлететь, плюнуть, но не попасть под обстрел. А отовсюду к ним уже бежали разномастные существа с зелеными светящимися глазами и внешностью людей, коричневые неуклюжие обезьяны, а где-то вдалеке что-то громко и однообразно топало.

– Сматываемся! – рявкнул Кейк, схватил агента за шиворот и подтолкнул к одной телепортационной камере, а сам отправился в другую.

За спиной Кейка следом за агентом Ипменом прошмыгнула коричневая тень. В лапе у нее разгорался огненный шар.

Камеры полыхнули сизовато-лиловым светом, и реальность снова стала распадаться на мелкие пиксели.

Сэнди с напарником настороженно встретили вынырнувшего из дымки Кейка.

– Я первый? – хриплым голосом спросил он.

– Да-да, – закивали сотрудники телепорта.

– Отлично. Скажите агенту, что у меня появились срочные дела... где-нибудь в Антарктиде. Или в аду, – и Кейк бросился к выходу.

Не успела дверь за ним закрыться, как засветилась вторая камера. Открылась, оттуда медленно поплыла сизая дымка, и сквозь нее раздался слабый умоляющий голос:

– Уходите, прошу вас... бегите... Я...

К сотрудникам nd Software медленно, неуклюже, но неотвратно приближалась появившаяся из дымки странная коричневая фигура с белыми наростами по всему телу. Это странное тело венчала голова агента Ипмена. Она умоляющим голосом продолжала твердить:

– Уходите, прошу вас... Я не могу больше... Я...

А в руке у прибывшего из виртуальной реальности существа все сильнее и сильнее разгорался красивый огненный шар, от которого Сэнди и его напарник никак не могли отвести взгляд...

Станислав Янчишин
СТРАШНЕНЬКАЯ СКАЗОЧКА

Как оженился батюшка на молодой, не стало у Маши житья совсем. А ведь наказывала ему матушка, когда помирала, чтоб выбирал себе не богатую, не красивую, а добрую! Не послушал отец. И года не прошло, как привез из дальнего села молодую вдову. Новая жена сразу себя хозяйкой повела. С виду ладная да статная, в шелка одетая. Падчерице ласково улыбнулась, дочерью назвала. Только Машенька-то заметила, что глаза у нее холодные! Умела суть видеть, таков дар был у девочки – от матери передался.

Поначалу вроде все ничего шло. Хозяйство у отца большое, крепкое. И птичник, и свинарник, и овчарня. Одних коров – аж пять. Батюшка шорник знатный, упряжь его на всю округу известна, деньги в дому водятся. За таким-то хозяйством, понятное дело, пригляд нужен. А сыновей мастеру Бог не дал, одна лишь Машенька малолетняя, девятый годок всего. Отца дома, почитай, и не бывало. Он то на покосе, то в своей мастерской, то на торжище. Вот мачеха и развернулась, всем заправлять стала! Бойка молодуха – работников гоняет, поденщиков шпыняет. За какой-то месяц в большое уважение на селе вошла. Бабы ей кланяются, мужики по отчеству величают. Она тоже со всеми приветлива. По-соседски всякому муки ссудить может да соли одолжить. И должок вернут в срок. С процентом, аль с услугою какой.

Набожна мачеха, как воскресный день, в лучших нарядах в церкви она. Свечи большие ставит, истово молится да на храм жертвует. И по будним дням захаживает. Поп на новую прихожанку не нахвалится, даже в проповедях упоминает, как образчик мирского благочестия!

Набожна-то набожна, вот только Машенька давно примечать стала, что не так проста мачеха. Все отвары какие-то варит, настойки да наливки непонятные делает. Видела девочка и травы, что та высушивает. Среди прочих и недобрые были, зловещие! Какая ж травница станет столько белены да болиголова собирать? А ягода волчья, а паслен, а мухоморы? Для чего ей кора ивовая, конопля индейская и барбарис китайский!

Мать Машенькина сказывала, что в их роду все женщины травницами были, со времен незапамятных. С тех времен, когда старые боги по земле ходили, когда рыбаки с водяными дружили, а в лесу заплутавшим лешие верную дорогу указывали. Все горевала матушка, что не успела дочке знания да умения передать.

Да только памятлива Маша оказалась, пытлива, любознательна. Наузы хитрые плела, обереги делала. Как по ягоды пойдет, все больше травы и корешки целебные собирает. Мачеха быстро ее сноровку приметила, подольститься пыталась. То леденец ярмарочный подарит, то пряничек печатный, а то и взваром свином попотчет. Маша леденец в болото закинула, пряник на свином снесла, а взвар в огороде выплюнула. Из болота лягушки повыпрыгивали, в огороде здоровенный чертополох вырос, а хряк, пряничка отведавший, загородку выломал и в неведомые края убежал!

Еще была в доме кошка Муська. Пушистая, полосатая, глазастая – чистая баюниха! Мачеха кошку невзлюбила, покрикивала, из дома гнала. Только без кошки в большом хозяйстве нельзя, не то мыши заедят. Прыгнет Муська с подложки в горницу, сядет в уголке, да слушает тихонько, о чем мачеха с Машиним батюшкой беседуют. А после пойдет и все девочке намурлычет. А мачеха-то отцу песенки сладкие шепчет, уму-разуму учит да наливочку подливает. Уговаривает дело расширить, мануфактуру открыть. Советует винокурню учинить да трактир у дороги поставить. Батюшка затылок чешет, наливочку пьет, а мачеха и дальше речи свои ведет. Говорит, что деньги в рост давать – не грех вовсе, а рачительность, что копейка – во всем старшина, а рубль – царь!

Батюшке такое в новинку. Трудом да умением он капиталы приобрел, все думает, бороду поглаживает да наливочку попивает.

А Маша с Муськой погорюют, повздыхают да и в лес идут. Коренья собирают, песни поют старинные, с деревьями вещими беседуют. Хорошо им вдвоем, привольно, а только, хочешь не хочешь, а домой вертаться надо! Дома мачеха как глянет, словом приветит, а на девочку будто ветром морозным повеет.

Ясно стало новой хозяйке, что не склонить ей Машеньку к приязни, не сделать своей помощницей. И замыслила мачеха недоброе. Стала она отцу жаловаться, что, мол, тяжело ей дышать в доме, не иначе как порча наведена. Оттого не может она родить ему сына-наследника. Вздыхал батюшка, лишь руками разводил. А мачеха все наливочки ему подливала.

Вскоре намурлыкала кошка Муська девочке, что мачеха уже и на мать Машенькину напраслину возводит. Будто бы та ведьмой была, старым идолам поклонялась, с чертями зналась, оттого и порча в доме поселилась. Оттого и уставать стал мастер пуще прежнего, оттого и упряжь хуже покупают, оттого и соседи их двора сторонятся.

Вздыхал батюшка, головой качал, наливочку сладкую попивал. А вскоре и впрямь подметил – неладное творится. То купец его

на ярмарке обсчитал, то кожу гнилую подсунули, то две коровы в одну ночь пали.

Узнала про то Машенька, взяла лукошко, будто по ягоды идет, а сама стала искать камни заветные. Народ сказывал, что в тех камнях сила великая сокрыта.

А мачеха все не унимается. Уже и на дочку родную отцу клеветет. Говорит, будто сила ведьминская от матери к Машеньке передалась. Оттого, мол, вся порча колдовская дом охватила. И не будет ни здоровья, ни прибыли, ни сына-наследника! Батюшка все вздыхал, кручинился, но когда после наливочки сладкой хлебнул настойки горькой, полынной, – решил-таки.

– Отвезу я в лес дремучий дочку, – говорит он. – Коль съедят ее звери дикие, не будет на мне греха, на все воля Божья!

Улыбнулась мачеха да расцеловала мужа жарко. Вышел отец на двор, где Маша с кошкой беседовала, да велел в дорогу собираться.

– Как скажешь, батюшка, так и сделаю, – поклонилась отцу девочка, – только кошку мою не забивайте да со двора не гоните!

Увез мастер дочку в леса дремучие, в чащи темные, велел ей с воза сойти да грибов-ягод насобирать, а сам уехал потихонечку. Домой вернулся сам не свой. А мачеха его встретила нарядная, в бусах да монистах, в светелку увела, наливкой да настойкой попотчевала. А как ночка наступила, обнимала его горячо, шептала речи волшебные.

Как утро пришло, встал батюшка – туман в голове. Ничего не помнит, будто потерял чего, а чего именно – не знает. Вдруг, откуда ни возьмись, кошка Муська! Мурлычет, о ноги трется, на двор зазывает. Вышел мастер на двор, глянь – колода, где дрова рубят, не на месте стоит. А на колоде полено здоровенное.

– Что ж за непорядок-то! Дров надо бы нарубить да печь истопить!

Взял он топор, да как рубанул полено, так в небесах будто молния сверкнула. Глядит мастер, глазам не верит. Лежит заместо колоды его молодая жена, а рядом голова отрубленная. Только не молодое лицо, а старушечье. Глазищи злые, желтые, с клыков кровь капает. Тут пелена со взора его и спала. Понял батюшка, что по ведьмину наущению отвез дочку родную на смерть лютую, и заплакал горько. А кошка Муська все рядом вертится, мурлычет да мяучит, хозяина в конюшню ведет.

– И то верно, кисонька! – воскликнул мастер. – Может, жива еще моя Машенька? Поеду быстрее, спасу ее! А коли нет, так хоть косточки соберу да по-людски похороню!

Запряг он в возок коней и помчался ветра быстрее, а кошка рядом сидит, дорогу указывает. Вот приехали они в чащу дре-

мучую. Идет мастер, а кошка впереди бежит. Вышли на полянку, а там – диво-дивное! Лежит посередке медведь огромный, а на спине у него Машенька сидит, живая, невредимая! У ног ее серый волк, за спиной лиса рыжая. И много всякого зверья да птиц вокруг. Все ей угождают, яствами лесными одаривают, любые повеления исполняют. Повалился мастер дочке в ноги, стал просить прощения.

– Не кланяйся ты мне, батюшка, не проси прощения! – говорила ему Машенька. – Ты злой ведьмою околдован был, зельями дурными отравлен. Нет у меня обиды! А поклонись ты лучше зверям да птицам лесным! Они меня с честью приняли, песни мои слушали да свои мне пели. Они меня от ночи темной, холодной оберегали, с русалками лесными знакомили, учили рассвет встречать, встречать честно, как наши пращуры!

Кланялся тут мастер медведю бурому и волку серому, кланялся лисе рыжей и зайцу русому, кланялся барсукам, белкам, ежам и всем птицам лесным. А трижды поклонился верной кошке Муське – честь ей и хвала!

Подробнее – на моем сайте «Миров двух между – на пороге»:
<http://www.korepanow.narod.ru/>

Евгений Кусков. Родился в 1986 году в Спасске-Дальнем Приморского края. Окончил очно филиал Дальневосточного государственного университета и дистанционно – Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Работаю в Администрации городского округа Спасск-Дальний в архивном отделе главным специалистом. Увлечения: любительская писательская деятельность, фотография. Заметных публикаций не было; в основном, мое творчество представлено в Интернете.

Евгения Мялицина. Родилась в 1988 году в поселке Хор Хабаровского края. Окончила филологический факультет Дальневосточного государственного гуманитарного университета. Один год проработала в школе родного поселка учителем, потом вышла замуж и уехала в Хабаровск, где постигала премудрости работы в торговой сфере вплоть до рождения детей.

Из увлечений – чтение, изготовление натуральной косметики, ботаника и фитооздоровление, фотография, астрология, различные эзотерические и религиозные течения, а с недавних пор – сочинение художественной прозы в мистическом и фэнтезийном ключе. Литературные предпочтения – классика, фэнтези, мистика, в меньшей мере – фантастика.

Алина Неборская. Родилась в 1992 году в Минске. Сейчас живу и работаю там же. Работа моя связана с детьми и рисованием, поэтому хотелось бы когда-нибудь написать «о детях для детей».

Андрей Паршин. Родился в 1984 году в Белгороде. Там же и живу. Читать научился в четыре года. С тех пор прочитал огромное количество книг. Эта тяга к чтению никогда не подталкивала меня к тому, чтобы начать писать. Но недавно мне пришла в голову такая мысль. Я написал короткий рассказ – и он был номинирован на премию «Народный писатель» на сайте «proza.ru». Воодушевленный отзывами читателей, я подумал, что все-таки могу писать что-то, что будет интересно другим.

Работаю печатником в художественной мастерской. Остальное время посвящаю чтению, писательству и семье.

Наталья Портнова. Мне двадцать два года, я учусь в Москве, в микро-технологическом университете им. Д. И. Менделеева. Занималась танцами, котиков люблю... Но главная моя страсть – писательство. Поэзия, проза – нет никакой разницы, когда мысли, чувства, идеи просятся на бумагу.

А еще я люблю юмор. Поэтому творю, вытворяю и улыбаюсь. И каждому искренне желаю того же!

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Руда Стевряка (псевдоним). Мое настоящее имя – Анастасия Шацкая. Я полюбила компьютерную игру DOOM со дня ее появления. Но по некоторым причинам из меня не получилось отличного геймера, а женская логика создавала сложности с рисованием карт и вадов. Поэтому и возникла Руда Стевряка. Сначала она воплотила в ворде одну фантазию по вселенной DOOM, затем другую... Потом появился на Самиздате сборник «DOOMик, который приDOOMала Руда».

Владимир Торин. Детство провел в Одессе, убегая от бродячих собак. Юность провел тут же, убегая уже от роковых красоток – тогда они еще водились в природе. Вернувшись в Одессу после многолетнего отсутствия, разленился и долго предавался праздной жизни. Но когда из-за лени обвисли уши, решил взять себя в руки и заняться делом. Вспомнил о том, что у меня есть заметки, накопившиеся за годы странствий, но их было так много, что на разбор не хватило бы и целой жизни. Тогда у меня появилась идея создать специальную машину – вроде механической девушки-наборщицы, автомат, приводимый в движение пружинами и шестеренками. Именно он с легкостью разобрал и упорядочил бы все мои заметки, дневники и прочее. Но гениальная затея успехом не увенчалась, и пришлось разбирать все вручную. Я сгреб все записи, что у меня были, и наполнил листками, тетрадями и салфетками из кафе трехэтажный дом – так много их было. С того времени я не глядя засовываю руку в этот бумажный хаос, извлекаю какой-то клочок жизни и парочку чернильных чудачков и просто записываю их историю. При этом стараюсь не забывать про гимнастику для ушей, чтобы они не висли.

Татьяна Шарая. Живу в Нижнем Новгороде. Филолог. Авторская страница на Самиздате: http://samlib.ru/s/sharaja_t_r/

Станислав Янчишин. Родился в 1972 году в Воронеже, но большая часть жизни связана с Украиной. С 2004 года живу в Израиле.

Первая публикация – рассказ «Вернись, Тур!» (журнал «Порог», Кировоград, 2004). Историк, режиссер, актер театра.

Иван Ясников – о себе решил не рассказывать.

**Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
porog-anturage@yandex.ru**

**Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
в информационном листке украинской фантастики
«OldNews»**

rusf.ru/oldnews/

**на библиографическом сайте «Архив фантастики»
archivsf.narod.ru/**

**на сайте «Лаборатория Фантастики»
fantlab.ru/**

**на сайте «Миров двух между – на пороге»
korepanow.narod.ru/**

Підп. до друку __.10.2018. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк ризограф. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № 857.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua